18+

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 0131-6044

9 770131 604002

РОМАН-ГАЗЕТА

2019 №6

Время весны / *ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ 2018*

ДОРОВСКИХ
Сергей Владимирович

Родился в Тамбове. Окончил Тамбовский государственный технический университет (кафедра «Связи с общественностью»). С 2004 года работает в сфере журналистики. Главный редактор журнала «Литературный Тамбов». Автор книг «Единственный выход», «Ересь», «Патриот, хранимый судьбой»и др.
Лауреат областной журналистской премии имени И. И. Овсянникова, премии им. Л. М. Леонова журнала «Наш современник».

ВОЛОСЮК
Иван Иванович

Родился в 1983 году в городе Дзержинске Донецкой области в семье шахтёра.
Участник ряда Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Дипломант XV Международного литературного Волошинского конкурса в поэтической номинации.
Живёт в Донецке. Журналист.

ИГНАТКОВА
Инна Константиновна

Родилась в 1985 году во Владивостоке в семье офицера. Окончила факультет журналистики Оренбургского государственного университета. Работала корреспондентом в газетах «Аргументы недели», «Оренбургская газета», старшим корреспондентом в газете «Братство», редактором отдела информации газеты «Оренбургская неделя».
Член Союза российских писателей.
Лауреат ряда литературный премий.

НАЦЕНТОВ
Василий Павлович

Поэт, член Союза писателей России.
Родился в 1998 году в Воронежской области. Учится на географическом факультете Воронежского государственного университета.
Печатался в журналах «Москва», «Наш современник», «Знамя», «Октябрь», «Сибирские огни», «Подъём», в «Литературной газете», «Литературной России» и др.

БЕЛОУСЕНКО Алёна Анатольевна

Родилась в городе Удомля Тверской области в 1992 году. Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова (экономический факультет). Студентка Литературного института им. А. М. Горького.
Участник Форума молодых писателей России и СНГ в Липках, ежегодного семинара молодых авторов Союза писателей Москвы, Всероссийского совещания молодых авторов Союза писателей России, Форума молодых писателей России и Китая.
Член Союза писателей России. Член Союза писателей Москвы.

КАЛАШНИКОВ
Михаил Александрович

Родина — село Белогорье, Воронежской области. Окончил Педагогический университет по специальности «История».
Лауреат областной литературной премии «Кольцовский край-2016»(проводится в Воронеже), отмечен призом за участие в федеральной премии «Щит и меч Отечества-2017», дипломом I-й степени в фестивале-конкурсе «Хрустальный родник-2018».

СЕЙДАМЕТОВА
Карина Константиновна

Русская поэтесса, член Союза писателей России. Родилась в Самарской области. Автор нескольких поэтических сборников, а также многих публикаций в журналах и газетах — «Москва», «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Подъём» (Воронеж), «Родная Кубань» (Краснодар), «День и ночь» (Красноярск) и др. Лауреат Всероссийской поэтической премии им. Ю. П. Кузнецова.
Живёт и работает в Москве.

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:
Дмитрий Белюкин
Юрий Бондарев
Семен Борзунов
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Юрий Коннов
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

В оформлении обложки
использованы фото фарфора 1920-х годов

Права на использование товарного знака «Роман-газета» принадлежат ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2019
Все права защищены

Подписаться на журнал «Роман-газета» можно в отделениях связи и через Интернет: www.gazety.ru

Подписные индексы издания:
в каталоге агентства ***«Роспечать»*** ***70782*** *на полугодие,* ***71752*** *на год;*
в объединенном каталоге ***«Пресса России»*** ***38915*** *на полугодие;*
в электронном каталоге ***«Почта России»*** ***П1526*** *на полугодие*

Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции

2019 №6 /1827/ Основана в 1927 г.

Время весны

Сергей МИРОНОВ,
Председатель Жюри Литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ «В поисках правды и справедливости»:

«Свобода и ответственность —понятия взаимосвязанные»

Литературная премия СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ и журнала «Роман-газета» была учреждена в 2015 году. За годы своего существования она превратилась в настоящую лабораторию по изучению, поддержке и продвижению молодой прозы, поэзии и публицистики России.

Жюри, куда входят известные писатели, редакторы литературных журналов, литературоведы, преподаватели ведущих гуманитарных ВУЗов страны, «без гнева и пристрастия» в очередной раз отметило наиболее интересные из сотен работ, присланных со всей России и из других стран. Премия стала одной из самых известных и престижных. Победители и лауреаты прежних лет —Платон Беседин, Андрей Тимофеев, Дмитрий Филиппов, Елена Тулушева, Юрий Лунин, Павел Великжанин, другие талантливые авторы определяют сегодня лицо своего литературного поколения, пользуются уважением и авторитетом в писательском сообществе.

Молодёжная среда —восприимчивый индикатор социальных и нравственных проблем в обществе. Представленные в этом номере журнала произведения дают представление о том, как живут молодые люди в современной России, о чём думают, что им не нравится, к чему они стремятся.

Старшие поколения всегда говорят: мы были другими, не та пошла молодёжь, вот мы в своё время… Так всегда было и так будет. Ничего страшного в этом нет.

Да, молодёжь сейчас другая. Но, к счастью, она не только увлечена соцсетями и гаджетами, она готова по зову сердца прийти на помощь тем, кто в этом нуждается.

В моём родном городе Санкт-Петербурге несколько лет назад стихийно образовалось движение «Хороший человек». Казалось бы, странное название. Меня однажды пригласили встретиться с этими людьми. Они рассказали, чем занимаются. Спасают бездомных, помогают тем, кто попал в тяжёлую жизненную си-

туацию. Делают это не по команде, а добровольно. Больше всего меня обрадовало, что среди них было очень много молодых. Да, некоторые выглядели непривычно — не те причёски, странный цвет волос. Но они увлечённо и искренне делали своё дело — помогали другим, восстанавливали в меру своих сил и возможностей справедливость в обществе, возвращали отчаявшимся веру в добро.

Мы часто в повседневной жизни разделяем понятия «свобода» и «ответственность». Я убеждён, что эти понятия взаимосвязаны. Ответственность за страну, за свою семью, за то, каким человеком ты станешь, — вот главная тема произведений победителей и лауреатов премии.

С молодёжью нужно говорить на языке правды, не бояться честно отвечать на любые вопросы — о социальной несправедливости, коррупции, о нетерпимом имущественном расслоении современного общества.

В прошлом году земляки из движения «Хороший человек» пригласили меня в Тверскую область. Неподалёку от Ржева они строят на свои средства небольшую часовню. Она будет стоять посреди поля, где в Великую Отечественную войну полегли наши солдаты. До сих пор точно неизвестно, сколько их там геройски погибло. Ребята, которые строят часовню, и есть представители той молодёжи, которая понимает, что такое свобода, ответственность и правда. В том числе и о Великой Отечественной войне, о нашем неоплатном долге перед теми, кому мы обязаны Великой Победой, чьи фотографии несём каждый год на марше «Бессметного полка».

Не сомневаюсь, что большинство молодых людей в нашей стране не просто верят в справедливость, а утверждают её своими поступками, делами, наконец, своим творчеством. Каждый читатель сможет в этом убедиться, прочитав номер «Роман-газеты» с оптимистичным названием «Время весны».

Мои поздравления победителям и лауреатам 2018 года!

Об итогах Ежегодной литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ – 2018

21 декабря состоялось заседание Жюри Ежегодной литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ. Заместитель руководителя Центрального аппарата политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ, Председатель оргкомитета ежегодной Литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ Руслан Татаринов открыл заседание и сообщил, что следующий литературный сезон Премии решением Председателя политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ Сергея Миронова будет посвящён подготовке празднования 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне:

«Слово «война» сегодня так часто звучит с экранов телевизоров, что воспринимается молодым поколением нашей страны как реальность. Обострение международной обстановки заставляет всех нас особенно остро вновь и вновь вспоминать и переживать трагедию Великой Отечественной войны. «Эхо войны» звучит в произведениях молодых поэтов, родившихся уже в новом столетии.

Писатели и поэты-фронтовики оставили нам строки, после которых, казалось, уже невозможно написать о Великой Отечественной войне так же пронзительно.И вот мы читаем стихотворение нашего молодого автора из Волгоградской области Павла Великжанина: «Войну лишь в телевизоре / Ты видел. Что же, брат, / Стихов своих дивизию / Выводишь на парад?» И в конце звучит вывод: «Но мы, врастая нервами / В свою эпоху, брат, / Пошли бы так же первыми / В свой райвоенкомат».

В этих строках —эпохи и поколения перекликаются. Мы — наследники Великой Победы. И я уже сейчас могу сказать, что журнал, который мы подготовим к 75-летию Победы, будет не стыдно подарить ветеранам».

О новых членах Жюри

В 2018 году состав Жюри Премии расширился. В него вошли: депутат фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ», член Союза писателей России, доктор юридических наук, профессор Николай Рыжак, директор Института Мировой литературы Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор РАН Вадим Полонский, директор Дома-музея Максима Горького, кандидат филологических наук Светлана Дёмкина, декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, заслуженный профессор университета, член-корреспондент РАН Владимир Миронов, заместитель декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Алексей Козырев, генеральный директор издательства «Художественная литература» Георгий Пряхин, главный редактор газеты «Вечерняя Москва» Александр Куприянов, старший обозреватель газеты «Вечерняя Москва» Ольга Кузьмина, победитель ежегодной Литературной премии СР 2016 года Вячеслав Иванов.

Приятной новостью для присутствующих стало сообщение о появлении новой номинации премии. Следующий год объявлен Президентом РФ Годом театра. Сергей Миронов — Председатель Жюри Премии — принял решение о включении четвертой номинации — «Молодая драматургия России».

Из протокола заседания Жюри Ежегодной литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ и журнала «Роман-газета» «В поисках правды и справедливости»

«МОЛОДАЯ ПРОЗА РОССИИ»

I место:

Доровских Сергей Владимирович, повесть «Время весны» (Тамбовская обл.).

II место:

Игнаткова Инна Константиновна, повесть «Одноглазый тук-тук» (Оренбургская обл.).

Белоусенко Алена Сергеевна, рассказ «Динозавры» (Московская обл.).

III место:

Калашников Михаил Александрович, повесть «От Купалы до Крещения» (Воронежская обл.).

«МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ РОССИИ»

I место:

Волосюк Иван Иванович, сборник стихотворений «Невооруженным взглядом» (Донецкая Народная Республика).

II место:

Нацентов Василий Павлович, цикл «Невидимый хор» (Воронежская обл.).

III место:

Сейдаметова Карина Константиновна, сборник стихотворений «Вольница» (Москва).

Специальная премия: Великжанин Павел Александрович (Волгоградская обл.).

Специальными дипломами Премии отмечены Крюк Е. К. (Москва), Бикмуллина З. Р. (Татарстан), Тихонов А. А. (Омская обл.).

«МОЛОДАЯ ПУБЛИЦИСТИКА РОССИИ»

I место:

Гончаров Тихон Валентинович, подборка публицистических материалов (Луганская Народная Республика).

II место:

Деменцова Эмилия Викторовна, подборка публицистических материалов «В Россию можно только верить» (Москва).

III место:

Сафронова Яна Владимировна, цикл статей «Путешествие в минувшее» (Смоленская обл.).

Председатель Жюри
С. М. МИРОНОВ

Председатель Оргкомитета
Р. В. ТАТАРИНОВ

ПРОЗА

Сергей ДОРОВСКИХ

Время весны

Повесть

Памяти моего дяди Геннадия Ивановича Елфимова

1

Самый неповторимый, долгожданный момент — когда сбывается мечта. Почему-то многие грезят о недоступном. Для кого-то заветный и желанный день радости — это переехать от тесноты и проблем в свой дом, желательно на Лазурном берегу, подальше от нашей «правды жизни». Ещё нужны счёт в банке, дорогие машины, прекрасные женщины. Несбыточно и банально, конечно, но и люди в массе своей предсказуемы, и даже в мечтах скучны до зевоты. Романтиков мало, да и они так же сходят с ума в поисках гармонии, настоящей любви и прочих химер... Я как-то вывел простую формулу, что мечты и есть первопричина внутренней пустоты, тоски и одиночества. Бывает, люди разменивают четвёртый или пятый десяток, а всё доверчиво чего-то ждут от завтрашнего дня, не понимая, что мир предсказуем с тех пор, как был создан. В любом случае, решил я, уж если заложена в человеке «функция мечты», так надо верить и ждать того, что может стать реальностью. С простой и внятной мечтой есть шанс ощутить сладость обретения желаемого, и тогда живёшь, чувствуя, что взял за руку хорошее настроение и постепенно ведёшь его в своё завтра.

Потому и захотелось мне не заоблачного счастья или богатства, а просто... своей дачи на берегу «воронежского моря», недалеко от санатория имени Горького. Больше пяти лет откладывал деньги, долго просматривал объявления, лишь бы найти то, что нужно. И вот сбылось!

Кто знает это место, рассмеётся: и это... мечта? Невзрачные, выцветшие домики-скворечники стоят один к одному, их поджимают новостройки «успешных» воронежцев, одним словом — яблоку упасть негде. Нет ни участков, ни простора, никакой возможности скрыться от посторонних глаз. Да и шумные электрички, что проносятся днём и ночью, — разве это отдых?

Ну и пусть! Мне участок ни к чему. Моё детство пришлось на девяностые годы, когда люди месяцами не видели денег от государства. Отец работал на шинном заводе, и зарплату выдавали покрышками, которые он с трудом продавал на трассе, чтобы купить нам молока и хлеба. Потом родители приобрели дом-развалюху с огромным заросшим участком в глухой деревне, решили выращивать на продажу овощи. И я каждое лето помогал отвоёвывать у канадского клёна сотку за соткой, а затем торговал

картошкой на Невском рынке. У моих тогдашних друзей были летние каникулы, долгие и праздные, а у меня — посадка, прополка, уборка, базар. Так что в деревню меня теперь не заманишь.

Есть и ещё одна причина покупки домика в этом районе, хотя о ней можно сказать: «Ну, это уже лирика!» Да, пусть лирика. Именно здесь была дача дяди Гены, и все годы, сколько помню себя, я любил приезжать к нему. Когда на душе скопилась муть, надоела компания или расстался с очередной подругой, на сердце и в голове пусто, тошно и не хочется ничего... в такие минуты общение с мудрым дядей становилось отдушиной. Я приезжал вечером, мы снимали цепь с лодки, выплывали и рыбачили, а потом до темноты сидели в уютной беседке, обвитой необычайно раскидистым, но редко дававшим урожай виноградом, пили его «авторскую» настойку — совсем немного, закусывали окрошкой и говорили, говорили. Вернее, я больше слушал. Дядя, сводный брат моего отца, родился в тридцать восьмом и пережил войну ребёнком. Помню его рассказы, как в деревню пришли немцы и венгры, как убивали наших... Говорил он и о себе, делился переживаниями о жизни, иногда — о своих детях, особенно о сыне, — да, в общем-то, о многом. Но даже не смысл слов, а только его спокойный, хриплый от многолетнего курения голос уже помогал мне, будто вымывал из меня суету и глупости. Я смотрел, как дотлевает очередной день, и хвалил себя — как же прав, что приехал сюда, побыл с дядей, а не с пафосными сверстниками. К сожалению, мне всегда не везло с друзьями. И дядя Гена был единственным моим настоящим другом.

Глядя, как он сидит — седой, в старенькой выцветшей «гавайской» рубашке с пальмами, как говорит — не спеша, иногда слегка помахивая пустой ложкой, я понимал: хочу быть похожим на него, мне нужно научиться жить вот так, размеренно и мудро. Не завтра научиться, не к его годам, а именно сейчас. Но понимал, что у меня вряд ли получится.

Не забыть мне и предрассветных минут, когда дядя будил меня излюбленной фразой: «Вставай, сэр!» В сумерках, не завтракая, а лишь хлебнув кофе, мы шли к лодке, укладывали снасти. Я налегал на вёсла, глядя, как над водохранилищем медленно рассеивается туман и в дымке едва различимы стоящие на воде столбы электропередач, далёкий пляж, храм, левобережные высотки. Дядя Гена знал ориентиры, указывал мне, каким веслом сильнее загребать, а потом командовал остановиться. Рыбалка была для него таинством, он пусть без излишней строгости, но всё же требовал соблюдать правила — нельзя было не только шуметь, но и разговаривать, приподниматься. Он выбирал неглубокие места, и потому каждое колебание могло спугнуть крупную рыбу. А ловил дядя очень хороших карасей, таких, что и поверить нельзя: в нашей огромной воронежской «луже» водятся такие красавцы! Но в последние годы он слабел и даже не брал своих удочек, а только сопровождал меня, молча курил, с какой-то особенной, щемящей грустью встречая холодные рассветы сентября.

Теперь я всё чаще вспоминаю эти дни. Дядя Гена умер в затяжную, дождливую ноябрьскую ночь. Перед этим его долго и медленно съедала болезнь, а я, как это обычно и бывает, всё время был занят и никак не мог заехать, поговорить, проститься с ним — некогда, дела, задания. Не верилось, что он умрёт. Думал, вот на новогодние каникулы у меня наконец-то будет возможность, мы спокойно посидим с дядей. Какие посиделки! Ничего уже быть не могло, надо было спешить, поехать, побыть у кровати, и потому не нахожу себе оправдания. Помню только последний телефонный разговор. «Ну, ты как?» — спросил его. «Иду ко дну», — ответил старый рыбак.

С уходом дяди Гены для меня осиротело это место на берегу. Я приехал в середине марта на его дачу и, сидя в обвитой сухими стеблями продуваемой беседке, почему-то ждал, что вот-вот он выйдет из домика, на ходу застегивая молнию, или, может, поднимется с другой стороны, захрустит ногами по жухлой траве и скажет: «Ну здравствуй, сэр». Его не было. И не было никого в эти дни рядом...

Домик дяди Гены продал его сын, и, казалось бы, времена, проведённые здесь, навсегда стали прошлым, и мне закрыт к ним путь. Нет! Это место — часть меня. Тогда и закралось в сердце желание — скопить деньги на дачу.

И вот я купил домик! Его продал мужчина лет сорока пяти, молчаливый, с лысым и широким лбом. Мне почему-то показалось, что он — инженер-технарь. Обычный такой, увидишь лицо — и забудешь сразу. Я решил, он чем-то опечален или раздражён, но вовсе не тем, что расстаётся с домиком. Может быть, эта продажа стала для него вынужденной — я мог выстраивать сколько угодно версий, но говорить со мной о чём-либо, кроме дела, он не собирался. Претензий к домику-«скворечнику» у меня не было — узкий, двухэтажный, со старой мебелью, что я ещё мог желать за свои деньги? Оформление бумаг тоже стало для хозяина наказанием, но мы выдержали очередь и расстались, почему-то не пожав рук. Вернее, он быстро растаял, как только мы поставили подписи, завершив сделку. Но я на всякий случай сохранил в памяти телефона его номер и имя — Михаил Звягинцев. Уже в день покупки я быстро забыл о нём — поехал на работу, были встречи, пресс-конференции, открытие выставки, митинг дольщиков и прочая ерунда. А вечером меня ждал...

Свой дом, пусть дачный, неказистый, с покатой шиферной крышей, но свой! Я оставил машину там же, на парковке у железной дороги, как если бы приехал к дяде. Открыл простенький замок и стал внимательнее изучать своё «наследие». Конечно, в основном это был хлам, и я представил, что около месяца буду вывозить на свалку огрызки чужой жизни. Ворохи пожелтевших газет — в основном наша «Коммуна», ламповый телевизор, неработающий магнитофон, гора пиратских кассет с «хитами 90-х», прочий

нафталин. Сначала я обрадовался: много книг, но быстро понял, что в основном осталась идеологическая макулатура. Не знаю почему, но я обратил внимание на большую распухшую тетрадь. Мне подумалось, что кто-то из прежних хозяев завел её, чтобы записывать расходы или иную бытовую мелочь, и решил сегодня же с её помощью разжечь мангал.

В мелких, неспешных заботах, которые меня только радовали, я так и не заметил, как наступил вечер. Я вынес на веранду и включил старый торшер, достал столик, развернул вместо скатерти «Коммуну», поставил пакет вина и плавленый сыр, собрал купленный накануне мангал, готовясь пожарить шашлык и впервые поесть за день.

Ах да, тетрадь. Я сходил за ней. Прежде чем разорвать и бросить на растопку измятые листки, я всё же решил пролистать страницы. Нет, это были не бытовые записи. И совсем не пустые — я это понял, обрывочно выхватывая мысли из разных мест. Впрочем, налив вина, я быстро забыл про мангал и стал читать с самой первой страницы.

Автор воспоминаний — Николай Звягинцев, с первых страниц обращался к Михаилу, и я понял, что держу в руках записи настоящего хозяина домика. Видимо, он умер, и теперь внук продал дачу. Из тетради я понял, что он родился в двадцатом году в Воронеже. Его отцом был радиоинженер, в начале тридцатых годов занявший пост на заводе «Электросигнал».

«Воронеж рос стремительно, в годы индустриализации буквально за одну пятилетку население выросло почти в три раза. Многие переезжали из деревень и жили в бараках на левом берегу, который только осваивался. Но я мало интересовался этим. Когда отец стал руководителем высокого звена, мне было шестнадцать лет, а в такие годы редко кто думает об общественной жизни», — читал я.

Особой страстью отца Николая были старинные предметы, мебель девятнадцатого века, книги, редкие технические издания. Его библиотеке завидовали друзья — общался он в основном с партийными сотрудниками, руководителями различных ведомств.

«Меня часто просили сыграть что-нибудь на баяне, и дядя Женя — самый близкий друг отца, майор НКВД, улыбался и даже иногда хлопал в ладоши, когда я исполнял «Мы красные кавалеристы», «Варшавянку» и другие песни Гражданской войны. Мама никому, даже секретарям райкомов партии, не разрешала курить в гостиной, и люди выходили на балкон, дымили папиросами и трубками, смеялись. Тогда Плехановская шумела не так, как теперь. Лишь редкие полуторки и гужевые повозки проезжали, подпрыгивая на ухабах — в то время не было асфальта, ямы и даже канавы пересекали улицу. Среди гостей были видные учёные, они много тогда говорили о науке, о прогрессе, и я прислушивался, невольно заражаясь страстью к познанию устройства мира, не зная граней, не понимая, куда может привести любознательность... Когда вечерело и гости один за другим разбирали в прихожей пальто и шляпы, благодарили хозяев, я выходил на балкон и долго вглядывался в тёмно-сизое небо, мечтал. Уже тогда, в шестнадцать лет, я чувствовал всё величие, многообразие и... одиночество Вселенной. И я тоже был одинок, как холодно мерцающие звёзды», — прочёл я.

Оказалось, что Николай Звягинцев, как я, тоже был журналистом. Он писал о главном редакторе газеты — Степане Гейко, человеке прямом и жёстком. Под грозными портретами Ленина и Сталина он и объяснял молодому сотруднику задачу — освещать роль политпросвещения для комсомольцев.

«Всё изменилось в весенний вечер сорокового года, когда, прогуливаясь недалеко от дома, я познакомился с удивительным человеком, который навсегда перевернул мою жизнь», — на этих словах я отложил тетрадь.

2

В полумраке домика я на ощупь отыскал ворох газет, и, порвав их, легко разжёг ветки в мангале. Насекомые от едкого дыма быстро отстали, но сбились и жужжали рядом, словно ругали меня. Я дул на огонь, языки плясали, слегка обжигая лицо.

Я подумал: так кто же занят настоящей журналистикой — автор этих воспоминаний, или я, корреспондент нового века, работающий на сайте новостей? Он пишет о своём времени, где были стройки, люди, труд, вера, но хватало и привычной, как сегодня, дурости, лени — да чего угодно. Чем занят я? Ежедневно освещаю какие-то пресс-конференции, встречи, на которых с деловым видом люди в пиджаках что-то заявляют, и это что-то чаще всего либо имеет мало общего с реальностью, либо забывается на другой день. Я давно заметил: прочитав новостную ленту, уже спустя час-другой я совершенно не помню, о чём шла речь. Потом убедился, что это не моя особенность, все живут в таком ритме, хватают и пережёвывают на ходу новости, как безвкусную жвачку. Я часто бываю на открытии очередных магазинов, офисов, фондов и хвалю их хозяев, понимая, что делаю это только ради заработка, не верю и, главное, не хочу верить их словам и тому, что пишу. Так что же в итоге? В советские годы власть пыталась с помощью печатного слова изменить человека, сделать его целеустремлённым и послушным трудягой. А сегодня... да в принципе то же самое, но разница в том, что в те годы систему создавали для сверхцелей государства, а сейчас — для определенных структур. Даже социальные акции, помощь детским домам, открытие благотворительных фондов сегодня служат одной цели: оправдать систему, показать «человеческое лицо» людей капитала.

Я отвлёкся от костра и посмотрел на тетрадь. Да, мне становился интересен, близок человек, оставивший когда-то эти записи. Хорошо, что не сжёг, а ведь мог запросто. Только читать тяжело, почерк плохо-

ват. Мне бы хотелось, чтобы разбухшая тетрадь вдруг расплылась перед глазами, слегка приподнялась со стула, увеличилась, преобразилась и стала тем человеком, что заполнил её текстом. Чтобы не малоразборчивые буквы старого человека были перед глазами, а он сам сел рядом, выпил вина, неспешно рассказал дальше свою историю. Читая воспоминания, на первых страницах я испытывал неловкость, ведь слова обращены не мне, а внуку...

И пускай некрасиво заглядывать без приглашения в чужую жизнь, у меня нет морального права на это, но я уже не смог остановиться. Вино и сыр немного отогнали чувство голода. Огонь разгорался, комары окончательно отступили в синюю звенящую темень, и я, положив в мангал крупные брёвна, вновь сел под тускло-жёлтый свет старого торшера.

Николай Звягинцев писал, что встретил весенним вечером старика, он представился Карлом Леоновичем Эрдманом. Рядом на асфальте лежала вязанка потрёпанных книг, и он попросил донести эти «сокровища» до дома. Старик жил в тёмной каморке, заставленной книгами и приборами. На вопрос, кто же он такой, не учёный ли, немец ответил, что много лет в одиночку разрабатывает теорию образования космоса.

Оказалось, его измышления не сложны для понимания. Он объяснил Звягинцеву, что у любого материального тела есть прародитель. И планеты, в том числе Земля, тоже когда-то появились на свет. Потратив всю жизнь, Карл Эрдман пришёл к выводу, что планеты рождаются звёздами! Появление планет находится в связи с циклическим характером ядерного синтеза в недрах звёзд, они формируются так же, как дети в лоне матери, и затем отторгаются. Каждая планета уходит на свою орбиту, но не отрывается от матери, а зависима от неё. Эти роды немец назвал Временем Весны. На Солнце Время Весны становится главной эпохой, и длится не три месяца, как принято мерить на земле, а миллионы лет. С приходом галактической весны в каждой звезде просыпается Великая Мать, и постепенно она вынашивает малышей, отдаёт всю себя им... И потом до самых последних дней она заботится о них, живёт только ими и ради них, отдавая всё своё тепло. И Солнце понимает, что если оно умрёт — не станет и её детей.

Выслушав теорию, Николай ответил, что вряд ли Карл Эрдман найдёт сочувствие в кругах учёных, но принял его слова как истину. Постепенно они сдружились. Не посоветовавшись с Карлом Леоновичем, Николай решил написать небольшой очерк — о нём и его идеях.

«Строчки сами выливались, и я шумно отстукивал на портативной машинке очерк с громким названием «Воронежский Коперник», — прочёл я.

Однако редактор Гейко принял статью в штыки, сказав, что бессмертие — это миф, буржуазная ненаучная метафизика. Он посоветовал Николаю порвать все связи с подозрительным немцем. Тот не внял предостережениям и опять пришёл к Карлу Леоновичу. При этом не забыл о просьбе, принёс пишущую машинку, чтобы набрать все рукописи учёного-мечтателя... Затем Николай Звягинцев как сын сотрудника «Электроприбора» добыл для него современный радиоприёмник, и вместе они стали слушать зарубежные волны, чтобы узнать, что происходит в мире науки.

Однажды Николай пришёл к Эрдману и застал его в задумчивости. Тот, подавленный и уставший, слушал речь Гитлера.

«Нет, миру именно сейчас нужны мои знания! — сказал он Звягинцеву. — Они помогут осознать происходящее и даже — прекратить эту ужасную войну. Если мир узнает о реальном устройстве космоса, о его законах, то все побросают оружие, покаются и начнут не рушить, а созидать! Нельзя оставаться равнодушным к этому».

3

Я поднял глаза — фруктовые поленья прогорели, угли ярко пульсировали тёмно-красными огоньками, но так почему-то не хотелось вставать, нанизывать шашлык и жарить... Не скажу, чтобы меня сильно захватила история, но всё же было в записках нечто особенное.

Я поднялся и занялся шашлыком. Пока жарил, переворачивая шампуры с ароматными, шипящими кусочками, думал... о дяде Гене и себе. Мне казалось очевидным, что рассказчик и странноватый немец непременно подружатся на следующих страницах, иначе не описывал бы он в таких красках эту встречу. И снова между мной и Николаем Звягинцевым, истинным хозяином этой дачи, оставившим внуку воспоминания, пробежала искра. Так получилось, что и я сблизился с человеком намного старше меня, нашёл общий язык, причём получилось это тоже словно само собой, нечаянно.

Ночью город словно и не спешил засыпать. Стучала, постепенно удаляясь, очередная электричка, где-то в соседних домиках слышались негромкие разговоры, далеко, в летнем кафе выбивали однообразный ритм колонки... Я вновь сел на крыльце, закрыл глаза, вытянув ноги, стараясь различить в этом разнообразии звуков самую лучшую, но приглушаемую музыку — стрекотание сверчков. Минуты текли, я дышал глубоко, сам не понимая, почему улыбаюсь. Становилось легко, спокойно, а потом меня словно подхватили мягкие руки и подняли в небо. Я стал птицей, взлетел над предрассветным спящим городом. Я парил, то опускаясь, то вновь набирая высоту, едва угадывая ландшафты, картины, понимая, что лечу над иным, незнакомым мне Воронежем. Не стало однообразных, как столбы, высотных домов, супермаркетов, заполненных машинами-букашками автостоянок. Пропал искусственный блеск и мельтешение огней, растворились кричащие рекламные вывески. Я с трудом узнавал места — Во-

ронеж ужался, обустроенные пригороды превратились в пустыри, редкие деревеньки, сосновые лесочки, и мой орлиный взор различал далёкие низенькие лачужки, стога сена, вытянутые прямоугольники коровников. Город же подо мной казался серым в дымке, его разделяла неширокая, бегущая неровно, словно змейка, река. Местами по бокам её сжимали пристани с рядами деревянных лодок. Я опустился к воде, к белоснежному юркому паруснику, но ветер отбросил меня к левому берегу. Тут были редкие домики барачного типа, в небольших двориках сушилось на верёвках бельё. Но, поднимаясь выше, я различал стройки, длинные, как шрамы, траншеи, полные кирпича грузовики, глинистые котлованы, насыпи идеально жёлтого песка, горы чёрного шлака. В нос ударил запах гудрона, несмотря на ранний час, уже слышались окрики, шум моторов. Я парю, лечу в иную сторону, кружусь над парком, вижу фигурки спортсменов, лестницу, памятник Сталину — вождь прижимает руку к груди, словно защищает сердце. Перед железными воротами вывеска — «Спасибо любимому Сталину за счастливое детство!» Я лечу всё быстрей, поднимаюсь — с высоты кажется, что правый берег весь утопает в зелени, по железным путям в Берёзовой роще движется, то появляясь, то скрываясь от глаз, первый утренний трамвай. Я петляю, пересекаю улицы, вижу шпалы, рядом с которыми — насыпи разномастных камней. Постепенно разгорается день, проносятся глазастые полуторки с деревянными бортами, редкие, похожие на красно-белые огородные бочки автобусы, мелькают люди. Большинство зданий я вижу впервые, рядом со многими хочется замереть, покружиться, рассмотреть колонны, лепнину. Я наконец понимаю, что лечу над довоенным Воронежем, его трудно узнать и уже никогда не вернуть: почти весь город уничтожат немцы, не уцелеет и десятой части всех этих строений. Меня относит к Чернавскому мосту — я угадываю его лишь потому, что он — средний, но совершенно не похож на современный. Затем опускаюсь к деревьям какого-то сквера, сначала не узнаю его, но мои крылья выносят к Ротонде — не к её руинам, я вижу её совершенно целой, не тронутой войной. Она примыкает к стене вытянутого четырехэтажного здания клинической больницы. Поднимаюсь вверх, словно ракета, лечу на космической скорости к Солнцу, и оно зовёт, зовёт, но невыносимо слепит...

Я открыл глаза — торшер светил мне прямо в лицо. Тетрадь лежала на груди, я так и уснул с ней. Стало холодно, и я, выключив свет, покачиваясь, побрёл на второй этаж, но уснуть не смог. Скоро рассвет, и я решил отправиться на рыбалку.

Лодка моего дяди — широкая, рассчитанная человек на шесть, стала моим единственным наследием (она оказалась никому не нужна), и я, умывшись и напившись из рукомойника, быстро собрал немудрёные снасти, вёдра, прикормку с наживками. Положив всё это у кормы, снял цепь и поднажал на вёсла. Тетрадь плыла со мной, словно компаньон по рыбалке. Я выгреб к мосту — здесь проходили электрички, и, хотя заплывать далеко не хотелось, мне уже порядком надоел их шум, и я поплыл дальше, в сторону острова Рыбачьего. Всё же для того, чтобы отдохнуть спокойно на городском водохранилище в выходной день — надо постараться найти тихое место. Постоянно мимо меня проносились водные мотоциклы, поднимая тёмно-зеленую тучу водорослей, плавали шумные, звенящие хитами сезона катера, так что я в своей лодке казался архаичным стариком из повести Хемингуэя.

И всё же удачное место я нашёл. Прикормил, забросил удочку и стал ждать. Припекало, и я вспомнил излюбленный метод охладиться дяди Гены — снял кепку, и, набрав её полную воды, надел на голову. Что ж, совсем хорошо, но сколько ждать клёва? Ладно, подумал я, всё равно лучшее время я проспал, так что просто посижу, буду болтаться тихонько на воде, а заодно и почитаю...

Николай Звягинцев писал, что целый год длилась их дружба с Карлом Эрдманом, пока весной сорок первого года он не пришёл в каморку и застал её... опечатанной. Вернувшись домой, он был удивлён — там его ждали сотрудники НКВД, они устроили ему допрос. Оказалось, немец попытался передать на Запад свои работы, но ему это конечно же не удалось. Майор Пряхин словно забыл, что он — близкий друг отца Звягинцева, теперь он стал жёстким и неприступным. Он настаивал, что все «труды» немца — это шифровка для фашистов, и работал Эрдман не один, а с целой группой немцев, которые завербовали и использовали молодого парня.

В кармане завибрировал телефон. Я посмотрел на поплавки, на дальний берег, и только затем отложил тетрадь. Подумалось почему-то, что меня разыскивает бывший хозяин дачи, внук автора воспоминаний. Я уже готовился рассказать Михаилу, какую уникальную тетрадь случайно отыскал в домике, но на дисплее высветилось «Папа».

— Привет, привет! — говорил я, одновременно проверяя удочки — за время чтения кто-то откусил кончик червя на одной удочке и полностью снял мякиш хлеба с другой. — Да, купил! Уже ночевал, ага. Нет, на рыбалку ещё нет. — Я помолчал, сам не понимая, зачем вру. — Точнее, вот, только выплыл, но не ловить, так, на разведку. Конечно, приезжай. Отлично. Ну да-да, как к дяде Гене ехать, там же ставь машину, а я к тебе сам выйду.

Я подбросил смятую в шары прикормку и смотрел, как заплясали от их удара о воду поплавки. Стало душно, и я вспомнил примету дяди Гены — если клёв резко прекращается, стоит ждать затяжного ненастья. Я поднял садок — около десятка плотвиц бились, играя на солнце серебряной чешуей. Ну что ж, вы будете первыми счастливчиками, кого я завяжу к пиву. Отец обещал быть часам к пяти-шести, и не важно, какой будет погода к вечеру, нужно запомнить это местечко, бросить много прикормки, чтобы собрать рыбу на вечернюю зорьку. Вдвоём-то мы уж

наверняка найдём подход к крупным, похожим на тёмно-золотистых поросят карасям. Я сложил удочки, поднял груз и погрёб в сторону дома.

Защёлкнув замок на цепи, решил оставить весь скарб на дне — всё равно скоро плыть, а из местных, думаю, вряд ли кто покусится на мои скромные снасти. Так что, взяв под мышку тетрадь и отцепив садок, я выпрыгнул на берег и стал подниматься по узкой дорожке.

Я прочёл, что после допроса Николая Звягинцева доставили в дом НКВД на Володарского. Через несколько дней «испытаний» он всё же признался, что был невольным участником некой прогерманской группы, о которой на самом деле понятия не имел. Он решил, что сознательность и помощь следствию помогут ему...

4

Уже можно было идти встречать отца, и я медленно зашагал в сторону дороги. На стоянке оказалось свободное место рядом с моей машиной, так что отец точно не ошибётся, когда приедет. Я решил прогуляться вдоль забора, закрывающего доступ посторонним в дачный кооператив. Положив руки в карманы, я стоял напротив высокой железнодорожной насыпи — именно здесь и проносились с гулом электрички. Вверх, закрывая широкими листьями щебёнку, плотной массой тянулись какие-то лианы — может быть, хмель. Да, странно устроен мир — весь, не только человеческое общество. Вот эти растения с головками-хоботками, всё время стремятся куда-то, растут, в слепоте своей пытаясь ощутить пространство впереди. Их главная цель — тянуться к теплу и солнцу. Если и есть в корнях, теле и этой головке зачатки разума, то он подчиняет себе растение, требуя ежечасного стремления к высоте. Нужно опередить других, если получится, запутать их, обмануть, увести с правильной дороги, помешать. Впереди — солнце! Но на высокой насыпи лиану-победительницу ждёт не солнце, а рельсы. Может быть, она от несовершенства своего примет блеск стали за луч и положит свою чемпионскую, достигшую наивысшей цели голову... Браво, хмель, или как там тебя зовут — не важно! Ты первый. Но смотри, уже с рёвом несется кто-то. Он промчится по тебе, ничего не почувствовав: ему, такому огромному, нет дела до тебя и твоей крохотной души. Палач убьёт походя, даже и не заметив тебя. И не тронет тех, кого ты обманул, кого оплёл и сбил на долгом пути своём к мнимому солнцу...

За спиной посигналили, я обернулся — отец припарковался, подал знак. Я помахал в ответ и побежал к нему. Именно побежал, хотя не было никакой необходимости. Это привычка, традиция, хотя... ни одно приходящее на ум слово не подходило. Я помню себя примерно с трёх лет, и детство для меня — это ожидание возвращения папы с работы. Зная примерное время, когда он должен приехать, я садился у окна и ждал, никакие игры и даже мультики не могли меня отвлечь — я томился и грустил, если он задерживался. И хотя я вырос, и самому давно бы пора иметь детей — я бегу к отцу, когда давно его не видел, не могу просто идти.

Выходя из машины, отец бурчал:

— Наверное, развалюху взял! Нет чтобы со мной посоветоваться! Веди уж, показывай хоромы. — Он вручил мне два пакета, в одном что-то душевно позвякивало.

— Ну и что же, если бы я с тобой стал дом смотреть? Думаешь, если бы он тебе не понравился, я бы не стал его покупать?

— Вот вечно ты ершишься!

— Нет, это ты вечно! Нормальный дом, сейчас сам увидишь.

— А Генин вон тот ведь был?

— Конечно, а ты уже забыть успел? Мой совсем близко. Если б дядя Гена был жив, мы бы теперь стали соседями.

Папа придирчиво обошёл мою дачу, поднялся на второй этаж, постучал по стенам, что-то бормоча. Хотя он проработал всю жизнь на «шинном», но все отпуска проводил на подработках — в основном на стройках. Судя по тому, что, спустившись, он ничего не сказал, дача получила удовлетворительную оценку.

Мы сели в лодку, и отец занял место у кормы, закурил, собрал спиннинг. Пока мы не отплыли на глубину, он задумчиво смотрел на высотки левого берега, храм вдалеке, думал о чём-то. Мне хотелось разогнать дремоту, и я стал быстро грести.

— Давай не так шибко, я на «дорожку» хочу попробовать, — сказал отец и сел ко мне спиной.

Ветра почти не было, небольшие пенистые волны бились о борта, и я плавно работал вёслами, словно занимался на тренажёре, смотрел на сутулую фигуру отца, седой затылок, жилистую руку и жёлтый от курения палец, замерший на старомодной ленинградской катушке.

Напротив сидел самый близкий мне человек, на которого я был так сильно похож и внешне, и душой.

Если и есть во мне что-то хорошее, то взял я это у него. Разве мы не конфликтовали? Ещё как! До дыма и дрожи! И дело не в извечном споре «отцов и детей», о котором говорят и пишут все, кому не лень — от старика Тургенева до нынешних коуч-тренеров по семейной психологии и других аферистов. Конфликт — противоборство интересов и взглядов, это нормальное явление. Я знал семьи, и немало, где споров почти не возникало — только потому, что люди жили под одной крышей, наплевав друг на друга.

Бойкий тёмно-зелёный окушок, зажав во рту тройник блесны, пролетел мимо моего носа, несколько капель слетели мне на лоб с его подвижного хвостика.

— Ну ты и подсекаешь, — засмеялся я. — Чуть в лицо мне рыбой не ударил.

— А ты не расслабляйся! — Папа снял рыбёшку и отпустил за борт.

— Зря. Ещё таких с десяточек поймать, и знатная получилась бы уха.

— Жарко сейчас для супа.

— Вечером самое то!

Эх, папа! Я стал жить самостоятельно для того, чтобы сберечь наши отношения. Если бы я тогда сдался под твоим натиском, остался с вами послушным домашним мальчиком, то, поверь, от этого потеряли бы всё. Не сразу, но ты смирился, стал помогать мне во всём и обижался, если я что-то делал, не посоветовавшись с тобой. Извини, уж таков я. Говорят, точная копия тебя самого. Обо всём этом мы ни разу не говорили, и никогда не будем, понимая всё без слов. Я знаю, ты помнишь обо мне каждую минуту. Любишь без слов — а иначе и нельзя, любовь не говорлива. Я, как сын, стараюсь быть достойным тебя, не стыдить нашу фамилию. Спасибо, что приехал и сейчас со мной.

Поверь: ты для меня — самая лучшая компания.

Мы с тобой люди разных взглядов, и багаж, который за плечами у каждого, несравним. Я складывал пластмассовые разноцветные буквы и считал палочки, когда ты на снежном ветру торговал проклятыми покрышками, что выдавали вместо зарплаты.

Помню, как ты приехал и привез мне кожаный ранец. Я обрадовался, но ведь не знал, каких трудов он тебе стоил. А также форма, тетрадки, хлеб на нашем столе. Ельцинская власть под лозунгами свободы рынка унижала тебя, но ты выстоял достойно, без ропота. Со смирением вытягивал баржу нашей семьи. Ради чего так напрягался? Ради меня и матери. Ты — советский человек по восприятию мира, честный, и остаёшься таким, но ты при этом — подлинный христианин... И вот сидишь ты ко мне спиной, куришь, смотришь на кончик сделанной еще при Горбачёве, а может, и раньше, снасти, и ничего тебе от жизни больше не нужно. Для счастья то есть... Молодец ты, не то что я...

Сменился строй, ход времени, иными стали люди... разными, в большинстве своём, конечно, неглубокими, как эта отмель, что мы проплываем сейчас — все гниловатые водоросли до самого дна видно. Ни ты, ни дядя Гена не приняли новый мир и его порядки, и, может быть, вы правы по-своему. Я и сам порой чувствую себя чужим в этом обществе, где большинство, увидев тонущего, начнут снимать его на камеру телефона и выкладывать в интернет, а не спасать. Ты живешь по старым правилам — и в плохом, и в хорошем смысле. Меня ты, конечно, осуждаешь за покупку дачи. Раз я скопил деньги, то лучше бы потратил с умом, сберёг на «черный день». Но я не собираюсь готовиться к плохому «завтра», даже если от будущего стоит ждать только бед. Я хочу, чтобы мне, и тебе, было хорошо здесь и сейчас.

— Долго ещё? Ты что, ловить собрался в тундре? — видимо, отец заскучал, ведь больше на его заветную снасть никто из подводных обитателей не искусился.

— Считай, уже на месте.

После того как мы опустили груз и забросили снасти, время замедлило бег. Мы, два человека, похожих и разных одновременно, молча смотрели, как пляшут на фоне светло-зеленоватой воды поплавки, как ярко играют на солнце обрадованные очередной порцией прикормки рыбки-верховки. Временами я затевался спросить что-то, мне хотелось разговора, причём совершенно неважно какого, самого пустяшного. Но слова обрывались, не хотели идти, словно боялись нарушить тишину и гармонию. Мои утренние старания оправдались — карасик подошёл, но клевал только у папы. Отец посмеивался надо мной, когда я, сосредоточенно подсекая, вытаскивал очередную уклейку — такую маленькую, что на солнце просвечивался скелетик.

— Ну что, сынок, это твой размерчик. Вот лучше поучись у меня, а то помру, не у кого будет учиться.

За вечер я так ничего и не поймал, но нисколько не расстроился, считая себя матёрым егерем, цель которого — подготовить успешную рыбалку.

Наступил вечер, наполненный странной, звенящей тишиной. Казалось, если крикнуть — то голос долетит до левого берега и станет там самым громким звуком.

— Ох, даже голова немного отпустила, — сказал, потягиваясь, отец, когда мы плыли обратно. Он опять забросил спиннинг, блесна играла за счёт движения лодки.

— А что, болела?

— Да так, не так чтобы. Забудь.

Я знал, что он никогда не будет жаловаться, даже если отнимут ногу.

— Да так, сынок, ерунда какая-то бывает. Это, наверное, потому что воздухом дышу мало.

— А ты чаще ко мне приезжай, с мамой. Считай, что дача наша, общая.

— А помнишь дом-пятистенок в деревне, как латали его с тобой? Подпорки ставили, вычищали от хлама? И как пахали?

— Ещё бы, такое забудешь... Лучше не напоминай.

— А я о том времени часто вспоминаю. — Он достал сигарету и задумчиво закурил.

Нет, отец, даже не буду спорить! Я знаю, ты с теплотой вспоминаешь «девяностые», хоть они и стали испытанием, которое не всякий бы выдержал. Ты любишь то время... потому что был моложе тогда. Не болела голова, не ломила спина, не ныли колени. Но зачем я стану говорить про это?

— Мама сказала, ты компьютер хорошо освоил, который я тебе подарил, ноутбук маленький.

— Да, но я цель имел, не просто так. Собрать информацию обо всех родственниках и односельчанах, кто где воевал и как погиб на войне. Недавно все-все архивы выложили в интернет, а также и награды, причём с прикреплением сопроводительных документов, за какие заслуги орден или медаль.

— Да, это интересно.

— Ещё бы. Я даже думаю книгу написать, о фронтовиках нашей деревни.

— Дядя Гена много знал, рассказывал. А вот знаешь, какой я дурак...

— Знаю, какой ты дурак.

— Да подожди, я о другом. Вот работаю, считай каждый день кого-то записываю на диктофон. И в основном тех, кто говорит чушь — записал и стёр. А дядю ни разу так и не записал. А ведь какая бы ценность была!

— И не говори.

— Нет, всё же дядя Гена родился до войны, оккупацию помнил. — Я помолчал, слушая предвечернюю тишину и глядя на слабый отсвет солнца, плящущий на воде, как восторженный шаман. Высоко в небе крикнула и умолкла птица, словно прочла короткую поминальную молитву. — И по маминой линии многие тоже ведь воевали? Деда-то я помню, хотя мне пять лет было, когда он умер.

— Да, он тебя на колени любил посадить, нянчить.

— А я медальками его позвякивал, как погремушкой, мне нравилось. Сам-то не помню, мама рассказывала.

— С помощью сайтов тоже я многое о нём нашёл. Он же ничего не рассказывал.... А почитай сопроводительные бумаги к его орденам! Рембо, или как там его, из боевиков. Только настоящий! Один пулемётом и гранатами восемнадцать немцев положил!

— Да, боевой у тебя был тесть.

— Хороший мужик, да. Жаль, из-за ран мало прожил. Сестра его старшая, Татьяна, погибла на фронте, санитаркой была. И двоюродный брат его интересный персонаж. Я про него как раз сейчас ищу подробности.

Мимо нас промчался катер, нетрезвые пассажиры махали нам руками.

— Вот чёрт, сейчас раскачает. — Отец выплюнул окурок. — А звали его...

— Кого?

— Брата деда! Ты меня слушаешь?

— Конечно! — грести обратно было тяжело, я немного устал, но просить отца подменить меня на вёслах не хотел.

— Евгений Максимович Пряхин.

Я замер, подняв весла — капли падали вниз.

— Он был майор госбезопасности, участвовал в ликвидации Елецкой группы противника в бригаде войск НКВД. Погиб в начале июля сорок второго года. Посмертно награждён орденом за успешную борьбу с вражеской агентурой и диверсантами. Выдающийся, видимо, был человек, а сведения о нём такие скупые.

Отец даже не заметил моего изумления, или не придал значения — он не мог знать того, что известно мне о... Пряхине. Ведь это был он, вряд ли однофамилец... такого ранга.

— Что с тобой, отдыхаешь? — спросил он.

Жёсткий офицер из воспоминаний Звягинцева, сталинский палач и мерзавец — мой родственник? Пусть не прямой, конечно, но всё же... Я снова взялся за весла, грёб машинально и молчал, несколько раз порываясь рассказать отцу о дачной находке и удивительной истории, в ней записанной. Но папа снова пересел ко мне спиной и забросил блесну, и я решил, что лучше пока помолчать.

Налетел ветерок, он принёс запах сырости, чистоты. Я поднял глаза — с левобережной стороны шли тяжёлые тучи, они заволокли небо и нависли тяжёлыми свинцовыми подушками над городом, который с уходом солнца побледнел, стал мрачным, сероватым. На миг опять всё притихло, и только вёсла били по воде, поднимались и опускались вниз, словно плывущие дельфины. Глухота обволакивала нашу лодку, но гром и молния вспороли её. Они всколыхнули водохранилище, будто подняли бурю в огромной ванной.

— Да, чудеса, — сказал отец, сматывая спиннинг. Он обернулся ко мне, думая, как бы помочь мне ускорить ход лодки. Вариантов не было. — Вот какая перемена. Сейчас накроет.

Волны стали бить по бортам, словно бросали в нас камни.

— А я знал, что так будет, — прошептал я, налегая все сильнее.

— И я знал.

— Странно даже, что у тебя клевало.

— Ну так это же у меня.

Отец по-прежнему сидел спиной, и я видел, как дождь, начавшись тихо и резко усилившись, стучал по голове каплями, и волосы его с сильной проседью вдруг стали чернее, словно благодаря ливню он стал молодеть на фоне равномерного стеклянного звона.

Поёжившись от холода, я не переставал грести. Когда причалили, оба мы промокли и замёрзли. Я вспомнил, что и раньше, в деревне, мы часто попадали в грозу, и возвращались, словно мокрые псы. «Ну и рыбачки!» — говорила в таких случаях мама.

Прибившись к берегу, мы зацепили лодку, побросав в ней всё снаряжение, и побежали, спотыкаясь, по размытой дорожке, ноги с чавканьем вминали траву-повитель. В домике вытерлись старой занавеской — ничего подходящего под рукой не нашлось. Глядя на нас со стороны, можно было смеяться, а мама, видимо, причитала бы и бранила за то, что засиделись, что сами виноваты и можем заболеть.

Гроза стихла, дождь стучал равномерно, тихо, словно шептал, звал ко сну.

— Это теперь надолго он зарядил, — сказал папа. Обсохнув, мы сидели на втором этаже, и капли стучали по крыше. — Надо бы за садком сходить.

— Надо, — ответил я, — ты пойдёшь?

— Нет, неохота.

— Вот и мне тоже.

Рыбалка — странное занятие, и многие вполне обоснованно не могут понять её логику. Если мы тратим время и силы ради поимки рыбы, то почему она... совсем не важна в итоге?

Выключив торшер, мы лежали с отцом в полной темноте на одной кровати, укрывшись одеялами.

— Спишь? — спросил я.

— Нет...

— А вот скажи, как думаешь, почему бывает, что дети и родители друг друга не понимают?

Папа помолчал, я слушал его хриплое от курения дыхание.

— Всё относительно, сынок, — сказал он. — И от времени зависит. Бывает так, что дети не понимают родителей или наоборот. Когда ребёнок маленький, он не понимает родителей по одной причине, повзрослеет — находит другие.

— Ну, а в общем?

— А в общем всё это идет к запоздалому раскаянию. Моего отца нет уже тридцать лет, и, знаешь, я во многом, если не во всём, если смог бы повторить, вёл бы себя с ним иначе. Это не значит, что у нас были конфликты, совсем даже наоборот. Просто сейчас уже понимаю... а сделать, поменять ничего нельзя.

— Странная штука, — сказал я. — Ладно, давай спать, а то завтра мне на работу.

— Спокойной ночи.

Папа заснул быстро, словно ребёнок, а я ещё долго смотрел в потолок, слушал дождь, равномерный храп и хриплое посвистывание отца и думал...

Почему мы все постоянно совершаем какие-то ошибки, большие и малые, словно обречены на них? Вот и религии учат, что человек в силу несовершенства ежеминутно грешит. Христианство предлагает покаяние как выход, но ведь это не избавляет от повтора глупостей. В любом случае получается так, что жизнь — всегда неудача?.. Я повернулся лицом к стене и стал прокручивать в голове те или иные события из своего прошлого и понял, что всё, до последней минуты, в том числе покупка дома, сегодняшняя рыбалка, чтение чужих записей содержит в разной мере элемент ошибки. Но тогда что же, стоит просто об этом не думать и всё?

Я поднялся и, включив на первом этаже свет, стал собирать книги по истории КПСС, кассеты, обрывки и прочий хлам в коробку из-под телевизора. Я подумал — зачем нужно вообще... хранить на даче, в гаражах коробки от телевизора и других приборов, а не выбрасывать их сразу же после покупки? На всякий случай, а мало ли. Так и во всём мы поступаем, а потом жалеем, что жизнь наша наполнена сотнями ненужных связей, предметов, людей...

Закончив с уборкой, я взял в руки тетрадь... Случайно уцелевшая достойная вещь в море ненужного барахла. Тетрадь, а теперь ещё и отец поведали мне удивительную историю. Выходит, что я потомок палача, сломавшего судьбу хозяина этой дачи. Если бы я не раскрыл тебя, тетрадь, то и не узнал бы об этом. Прочесть тебя было ошибкой, равно как и не открывать вовсе.

Эта мысль вновь и вновь приходила ко мне, словно надоедливый, жадный до крови комар в комнате, злиться на которого и отгонять, в общем-то, было лишено смысла.

«Завтра на работу», — вспомнил я, но понял, что вряд ли усну. А раз так, лучше почитать, чем мучиться в темноте от бессвязных философских мыслей. Тем более осталось и не так много страниц, так что я успею дочитать воспоминания Звягинцева до рассвета. В тетради я прочёл, что Звягинцев в «сером доме» НКВД содержался в одиночной камере. После того как под давлением он соглашается подписать протокол, тем самым обрекая на смерть неизвестных ему людей, его вновь вызывают на допрос к Пряхину. Тот согласился, что Николай ни в чем не виновен, а стал невольным соучастником группы. Но его обследует врач, и вместо свободы Звягинцева направляют на принудительное лечение в Орловскую психиатрическую больницу. На этом тетрадь заканчивается, но Звягинцев пишет, что есть и вторая, красного цвета.

5

— Почему встал так рано? Не спалось? — Голос отца отвлёк меня. В тетради осталось не более пяти листов.

— Да я и не ложился, пап.

— Что так? А я спал, как убитый.

— Рад, что отдохнул. Завтракать будешь? Я сейчас что-нибудь соберу.

— Ты куда планируешь ехать? — спросил отца, когда ели шипящую на сковородке яичницу.

— Собираюсь в гараж.

— Отлично. Сможешь тогда мусор с собой взять выбросить? Я целую коробку хлама собрал.

— А что сам-то не можешь?

— Боюсь не успею, дел очень много.

— Вечно у тебя отговорки. Ладно, помогу.

Мы положили в его багажник короб — он оказался так тяжёл, что один я бы не справился. Пожав руки, расстались, я провожал взглядом машину отца, положив руки в карманы, пока она не скрылась за поворотом.

Уже через полчаса я ехал по песчаной дороге, с завистью глядя на вечных дачников — пенсионеров в плавках и панамах, с тёмно-коричневыми от загара плечами, они неспешно бродили по участкам, поливали цветы и грядки. Но и они остались позади, я вырулил с улицы Горького на развилку Северного моста, и скоро стал одной из множества песчинок огромного, ревущего моторами города. Я спешил к событиям нового дня, чтобы рассказать о них читателям.

К полудню, посетив выставку и встретившись с каким-то депутатом, устав от разговоров, вечных пробок и жары, я поехал в редакцию на Московский проспект. Рабочий день, казалось бы, только начался, но я уже устал и мечтал скорее вернуться на берег, развалиться в кресле и конечно же ничего не делать.

— Серёж, к нам пришел интересный гость, можешь побеседовать?

Я повернулся. Редактор нашего портала Юля — худенькая, как всегда, излишне накрашенная — улыбалась. За её спиной стояла женщина в летнем платье.

— Познакомься, это — Ольга Фадеевна, краевед, — сказала редактор. — Думаю, нам стоит подго-

товить несколько репортажей. Тебе надо будет походить на экскурсии «Воронеж пешком», Ольга Фадеевна тебе все расскажет.

Ну вот, хоть что-то интересное, подумал я.

Я подвинул от соседнего стола кресло для посетителя и предложил чаю, при этом успев включить диктофон. Сам иногда поражаюсь, насколько мои действия доведены до автоматизма. Ольга Фадеевна отвечала на вопросы, рассказывая о недавних экскурсиях — «Воронеж театральный», «Древний город Воронеж». Из папки она доставала фотографии, распечатки прежних публикаций.

— А вы слышали что-нибудь об истории дома номер семьдесят на Володарского, в котором жили чекисты? — вдруг спросил я.

Краевед молчала, с интересом глядя на меня. Лёгкая улыбка говорила — я задел какую-то особую тему.

— Ещё бы, не просто слышала, я некоторое время жила в этом доме.

Я невольно выпрямился, подвинул диктофон поближе к собеседнику.

— Это здание — часть целого комплекса, построенного в начале двадцатого века для работников спецслужб. — Я слушал рассказ. — Сотрудники ОГПУ закрепились в историческом центре Воронежа ещё во времена Гражданской войны. Для удобства в работе они выбрали лучший дом, когда-то принадлежавший купцам Нечаевым, сейчас там памятник Бунину. А для жилья им определили несколько домов «врагов народа» неподалёку — купцов Бухонова и Трубецкого. Затем в тридцатые годы на нынешней улице Володарского стали строить здание для НКВД, сейчас это Театр юного зрителя. Сад «Аквариум», что был неподалёку, превратился в парк имени Дзержинского, а ближайшие улицы, Покровская и Воскресенская, получили имена Дзержинского и Орджоникидзе. Так что работники НКВД получили для себя лучшие места в центре города. Семидесятый дом был автономным, и попасть туда было нелегко.

Ольга Фадеевна в подробностях рассказала мне то, что я уже знал из воспоминаний Звягинцева, в том числе и про тюрьму.

— Даже сейчас в подвале одного из подъездов есть дверь с глазком и тюремным засовом. Видимо, в то время, когда после войны сносили тюрьму, кто-то решил заиметь себе такую крепкую дверь. То, что она связана с горем и людскими бедами, видимо, не смущало, тогда люди были другие.

— Да, жутковато как-то, я бы ни за что себе такую дверь не поставил, — сказал я.

— Люди мыслили иначе, они пережили страшное время и были закалены. Старожилы уверяют, что между «семидесяткой» и обкомом партии на площади Ленина был подземный ход. Лично я в этом не сомневаюсь. О нём не раз шла молва, да и в целом это в духе того времени. Потом, после смерти Сталина, сотрудники КГБ его замуровали.

Затем Ольга Фадеевна рассказала, что в годы войны судьба посмеялась над жильцами «дома чекистов». Во время оккупации семидесятый дом сильно пострадал, как и в целом Воронеж, который фашисты разрушили практически полностью. Вернувшиеся в разрушенный город сотрудники спецслужбы вынуждены были жить с семьями... в той самой тюрьме, где когда-то содержались заключенные. А «семидесятку» уже потом восстанавливали пленные немцы. По воспоминаниям старожилов, при ремонте находили арки, проёмы, трубы между квартирами — видимо, для связи. Когда работы завершились, тюрьму за ненадобностью снесли.

— В истории этого дома не обошлось без мистики. — На этих словах я оглянулся и понял, что коллеги отвлеклись от мониторов и слушали наш разговор. Даже редактор Юля смотрела на Ольгу Фадеевну, не обращая внимания, что на её столе вибрировал телефон. — С ним связано много странностей, есть то, что смело можно назвать судьбой, роком. Практически все дети — потомки сотрудников НКВД, трагически ушли из жизни. Хорошие, образованные люди, которым только жить и жить, гибли в автокатастрофах, тонули, заболевали, почему-то спивались. При этом их ровесников, переехавших в «семидесятку» и не имевших кровных родственников из органов, несчастья обходили стороной. Это замечали все, пугаясь очевидной мистики событий.

Помолчав, она добавила:

— Этот дом — свидетель многих трагедий. Он — не просто памятник, а самое настоящее напоминание о том, что всё на земле, любой шаг, поступок имеют цену и последствия.

Никогда в нашей редакции не было так тихо.

— Об этом обязательно, — сказала Юля, — просто обязательно надо написать.

«Ага, — подумал язвительно я, — а не про твои любимые убийства, прорывы канализации и капремонты».

— Чтобы рассказывать людям об этом, мы и создали наше сообщество, — улыбнулась Ольга Фадеевна. — Мы каждый день проходим, проезжаем мимо зданий, строений, не зная, не замечая того, что почти каждое из них — как открытая книга. Нужно только потрудиться, обратить внимание, научиться читать — и мы узнаем так много о прошлом, о людях, живших в нашем городе! Иногда маленький невзрачный домик, в котором жила всего одна семья, может рассказать больше, чем огромная девятиэтажка. Там была своя жизнь, трагедии, радости. Когда мы рушим прошлое, мы не домов лишаемся, а выхолащиваем ценности, опустошаем себя. Как сквозняк выносит тепло из дома, так и мы выносим суть, смыслы, лишаемся исторических корней. Человек, который не относится бережно к вещам в своём доме, никогда не будет беречь и всё остальное. Пустые люди оставляют после себя пустое место. Ведь раньше, когда хотели сглазить, говорили — «чтобы пусто тебе было!»

Ольга Фадеевна вздохнула:

— Если вы всё же захотите написать о доме на Володарского, я могу на время дать вам мою работу, по-

священную этой теме. Только это рукопись, я всё собираюсь, но не успеваю перевести в электронный вид.

— Спасибо! — сказал я, удивляясь, как сама История нашла меня. Каких-то несколько дней назад я и не задумывался об этом, но вот дом — большой, серый, он будто сам громко постучался ко мне, поведал о себе, добавив как бы между прочим, что и мой родственник жил в нём, занимая далеко не последнее место...

Вспомнились слова о незавидной судьбе потомков чекистов, и я невольно поёжился. И верно — вспомнилось, что двоюродная сестра моей мамы умерла от рака, долго страдала, перенесла несколько сложных операций. И ещё я слышал историю про дядю Сашу, он пьяным разбился на мотоцикле, кажется, в семидесятые годы, задолго до моего рождения. Осталось только помолиться и попросить, если возможно, замкнуть эту цепочку.

— Вам позвонит наш активист, Таня Лукьянова, она передаст мою рукопись о доме, — сказала Ольга Фадеевна, — я вам доверяю, но очень прошу, сохраните, она всего в одном экземпляре.

— Конечно-конечно, — ответил я. — Более того, обещать не буду, но постараюсь если не всю работу, то хотя бы часть её набрать на компьютере.

— Это будет здорово! Я буду вам так благодарна, сама просто не успеваю.

Я поблагодарил краеведа и проводил. Подниматься опять не хотелось, решил подышать. Было душно, тянуло побыть в тишине, но даже в нашем проулке не удавалось спрятаться от городского шума, урчания сотен моторов, проносящихся по проспекту. Мой коллега, Витя Малуха, спустился, слегка покачиваясь, закурил. Мы с ним были единственные корреспонденты мужского пола в большом коллективе редакции, журналистика из-за невысоких зарплат давно стала «женской профессией».

Я попросил сигарету, думая, как быстро опять втянусь в эту привычку. Бросаю и вновь начинаю курить постоянно с четырнадцати лет, с перерывами порой на полгода и больше. Но всё равно берусь за старое, вот и теперь.

— Классно она рассказывала! — сказал Малуха, давая мне прикурить. — Вот кто делом реальным занят, не то что мы.

Я кивнул. С этим сложно спорить — сочиняя каждый день по десятку коротких новостей в сухом «форматном» стиле, мы были самыми настоящими бездельниками. Журналисты — трудно сказать, по собственной воле или нет, давно отказались от служения высоким целям, и потому стали бесполезными в обществе. Люди, интересуясь новостями, совсем не брали в расчёт автора и его мнение, да и нас вынуждали доносить информацию, а не оценивать её. Мы стали роботами. Скоро компьютеры сами начнут формировать новостные заметки, брать интервью, и тогда от нас совсем откажутся. Я уверен, что с задачами, которые сейчас ставят перед нами, машины справятся не хуже.

Я молча стоял, а Витя просто смотрел на меня и, кажется, ловил мои невесёлые мысли.

— Краеведы, бессребреники, чудаками кажутся, — сказал он. — А ведь это просто люди увлечённые, со своей целью и миссией, каждый из них в глубине души убеждён, что занят важным делом. Собственно, это и есть их стержень, в него они вкладывают силы и даже средства. А мы не верим в то, что делаем, даже на поверхности души не верим.

Он потушил окурок. Я знал, почему Малуха так говорил, что его раздражает. Юля отчитала его за то, что он взял с какого-то сайта новость и хотел поставить её почти один в один, заменив всего пару слов. И поступал он так не потому, что думал украсть чужие мысли — там их просто не было. Даже не в лени дело. Он больше не любил профессию. Перегорел, устав от нестыковки реальности и собственных ожиданий.

Эх, Витя, вот стоишь ты, закурив вторую сигарету, небритый, сутулый, с ощутимым даже на улице шлейфом ночного подпития, и глаза твои мутны. А ведь я знаю тебя давно, и учились вместе, только ты — на два курса старше. Тебя же сам заведующий кафедрой всем в пример ставил! Старик — либерал и идеалист, он на тебя просто молился! Ценил твой слог. Кому он нужен теперь, да? У тебя над кроватью тогда висел портрет Василия Пескова, и ты говорил, что добьёшься своего, обязательно проедешь по стране и станешь автором лучших очерков о природе и людях. Ты видел себя мастером, представлял на вершине и мечтал, конечно, не о том, что имеешь теперь. Если бы тебе, тогдашнему студенту, открыть правду и показать тебя нынешнего, ты бы плюнул и не поверил, да. Журналисты сейчас — самые лишние люди. Это уже не творческая профессия, в ней может преуспеть разве что амбициозный халтурщик. А ты не смог стать таким.

— Молодец, эта Ольга Фадеевна, краевед, — наконец произнес он. — А Юлька — дура. Ненавижу её. Псевдоредактор. Сама бы в жизни хоть что-то написала. Администратор от журналистики, смех один.

Рабочий день, как всегда, очень медленно подходил к концу. Я спускался вниз, на ходу позвякивая ключами и думая, что скоро окажусь на даче. В этот момент завибрировал телефон, и, достав его, я увидел незнакомый номер.

— Здравствуйте, Сергей?

— Да, слушаю.

— Меня зовут Таня Лукьянова, я звоню по просьбе Ольги Фадеевны, она просила передать рукопись.

«Как быстро!» — подумал я. Да, Витя прав, краеведы — настоящие фанаты, если бы их нанимали на работу и платили за краеведческий труд, все бы они получали премии за усердие. Среди них, конечно, есть люди одержимые и не всегда адекватные, но не бывает унылых и пассивных.

— Где мы можем встретиться?

— Я сейчас в центре, в районе «Утюжка». Но иду в сторону Петровского сквера. Давайте встретимся у «Петровского пассажа», хорошо?

Я обещал Татьяне, что буду через двадцать минут, но не смог припарковаться и проехал до улицы Коммунаров. В последнее время, даже если я опаздывал на важное мероприятие, то никогда не переживал по этому поводу и тем более не бежал. Пусть бегают мальчики-корреспонденты и — особенно — девочки, раз их развелось так много. Но сейчас хотя и повод особенным не назовёшь, но я почему-то шагал всё быстрее и быстрее, а затем вовсе бросился со всех ног, огибая прохожих.

У входа в «Петровский пассаж» стояла девушка. Она улыбнулась:

— За вами гнались?

— Нет, это так к вам спешил, — честно ответил я.

На мгновение наши глаза сошлись. У Татьяны они были чёрные, глубокие, и трудно было понять, то ли смеются они, то ли плачут. И странная мысль поразила меня — неужели я вот так загляну в них только сейчас, на миг, и всё? Девушка передаст мне папку, мы поблагодарим друг друга и разойдемся.

Я каким-то особым, наверное звериным, чутьём почувствовал, принял и распознал всю её, словно знал Татьяну всю жизнь, искал и стремился к ней. У неё был какой-то особый родной запах. Нет, не духов вовсе, а какая-то иная, далекая и близкая одновременно нота, которая слегка тронула что-то во мне, и душа зазвенела, словно сотня маленьких колокольчиков.

Кто она? Татьяна младше меня лет на семь-восемь, а может быть, и больше, хотя этот взгляд... такой умный, осознанный, взрослый. У девушек слегка за двадцать обычно не такие глаза. Да и что со мной случилось вдруг, не пойму.

Я долго молчал. Она протянула папку, и мы сжали пальцы, каждый со своего уголка, и смотрели друг на друга. Татьяна улыбнулась и сказала:

— Понедельник — трудный день, вы, наверное, устали сегодня?

— Почему же, нет. Хотя вы правы.

— Я так подумала, потому что у вас очень усталый взгляд, немного грустный. И ещё вы не расслышали мой вопрос про Ольгу Фадеевну...

— А вы спросили?

— Конечно.

— Ах да, Ольга Фадеевна, — и я глупо повторял эту фразу, — вы знаете, Татьяна...

— Таня, лучше просто Таня.

Что же сказать? Чёрт меня возьми, что же? Я был не готов к этой встрече, терялся, а на языке вращались, как веселые мысли-кружочки, какие-то лишние, неуместные слова.

— Я обязательно сохраню рукопись, изучу всё и верну быстро. С ней ничего не случится.

— Не сомневаюсь. — Она продолжала улыбаться, и мне казалось, как-то участливо, тепло, очень тепло... И добавила: — Мне пора, сейчас уже начинается встреча с Николаем Сапелкиным здесь, в книжном магазине. Он писатель и краевед, вы наверняка о нём слышали?

Я кивнул. С Николаем Сергеевичем мы были не просто знакомы, а подготовили не одну статью для журналов, газет и сайтов. Я работал во многих его проектах и считал своим старшим другом.

— Он скоро отправляется из Воронежа на Север и хочет проехать на машине до Магадана. Сегодня расскажет об этой экспедиции, — говорила она. — Страшно интересно, вы простите, но я так боюсь опоздать.

Мои мысли прояснились.

— Таня, так ведь и я тоже приехал сюда послушать, здорово, что у нас так всё совпало. — Если душа способна дышать, подумал я, то сейчас она у меня выдохнула с радостью и облегчением.

— Ну что же, пойдёмте! — сказала она, и мне было радостно проходить с нею через стеклянные двери, видеть её плечи, волосы, слышать — да, теперь именно слышать её запах. Я шёл за ней и был рад этому. Как-то странно и неожиданно для себя я ощущал, что жизнь моя, моё время движется, будто дорога, которая вьётся змеёй, порой делая резкие повороты. Вот и сейчас она словно сменила направление. Ведь я мог бы просто попрощаться и ехать на дачу. Ничего особенного. Несколько минут назад я вовсе и не знал Таню, её в моей жизни не было. Не было тридцати с хвостиком лет, которые я прожил. И вот секунды, секунды, да — какие-то секунды! А я уже верю, будто что-то пошло иначе. Она казалась мне маленькой, аккуратной, похожей на куклу, но в самом хорошем смысле — обычно я называю куклами пустых девушек. А Таня была иной.

Я хорошо знал книжный клуб в «Петровском пассаже» — там создали уютную обстановку, и собирались люди особого склада и интересов. Здесь постоянно проходили какие-то встречи, часто именно здесь презентовали книги крупные российские писатели.

Встреча ещё не началась. Вокруг Николая Сапелкина собралась группа, и он им что-то рассказывал. Мы поздоровались, и путешественник отвлёкся, спросил меня о чём-то, я отвечал. Боялся, что потеряю Таню, что она растает здесь среди стеллажей и полок, станет невидимой и уйдёт, словно и не бывала. Превратится в образ, пейзаж на стене, и будет так же улыбаться мне, но уже из далёкого мира, словно я лишь придумал её.

Но Таня, конечно, была здесь, она села в уголке и листала какой-то журнал. Я решил устроиться с противоположной стороны, так, чтобы не показаться ей назойливым, но и во время встречи видеть её. Вернее, смотреть всё это время только на неё.

— Во время отпуска большинство стремится к морю. А вот я решил отправиться на Север, — рассказывал герой вечера. Таня что-то записывала, положив ногу на ногу. — За тринадцать лет я побывал в Воркуте, Норильске, Нарьян-Маре, Владивостоке и других городах Севера и Сибири, а в первую экспедицию отправился, с группой единомышленников, в тридцать лет.

— Путешествовать по России дорого, в Европу было бы съездить дешевле, — бросил реплику кто-то.

— Конечно, это так, — ответил Николай Сапелкин. — Но я бывал и в Европе, и в Латинской Америке. Но вот тянет меня лучше узнать не далёкие берега, а родную страну. В России отдых интеллектуальный, потому что в процессе познаёшь свою Родину. Часть маршрута по Северу и Сибири можно преодолеть на машине, автобусе, самолёте, а где-то приходится лететь на вертолёте или плыть на катере, пробираться на вездеходах и снегоходах. Территории на Русском Севере огромные, хорошие дороги между населёнными пунктами — редкость. Поэтому мы поедем на грузовиках.

Таня, слушая рассказчика, несколько раз посмотрела на меня, быстро отводя глаза. Я, видимо, обжигал её своим интересом, и она это чувствовала. Тогда я невольно отводил взор, смотрел на толстый ряд каких-то энциклопедий.

После встречи ко мне подошёл Николай Сапелкин, мы договорились, что после экспедиции я первым возьму у него интервью. Не знаю почему, но я сам затянул этот разговор и понял, что упустил Таню.

Было уже около девяти, вечер падал на город мягким июльским покрывалом, пары прогуливались, кто-то фотографировался у памятника Петру Первому. Тани нигде не было. Я бросился к остановке, хотя и не мог знать, в какую сторону она пошла. Вот же дурачина, ругал я себя, так глупо, без всяких причин упустил её. Конечно же не навсегда — сегодня найти человека, если ты этого по-настоящему хочешь, нетрудно, это можно сделать даже с помощью компьютера. Только, потеряв её на этот вечер, отчего-то был уверен я, уже ничего не удастся исправить. И я бежал, не думая, правильное ли у меня направление, кто-то вёл меня тайным и твёрдым голосом.

И она... действительно была на остановке, и уже хотела запрыгнуть в автобус, но на мгновение замерла, обернувшись ко мне. Посмотрела на меня и спросила:

— Сергей, простите... а где папка? Вы её не потеряли?

Я ударил себя по лбу: ведь сам же обещал, что внимательно отнесусь к рукописи Ольги Фадеевны...

— Чёрт возьми, то есть, простите, нет конечно. Я сейчас, не уезжайте! Я мигом! — крикнул я и опять побежал в магазин. Щёки мои раскраснелись так, что хотелось хотя бы на миг остановиться и умыть лицо в фонтане. Даже в двадцать лет, наверное, я не выглядел так глупо, как сейчас.

Работники книжного магазина уже собирались уходить, но ради меня открыли дверь.

«Как мальчишка», — думал я, когда бежал обратно с папкой. И казалось, что не было всех этих лет, и я вновь тот же, как в день ухода от родителей, когда впервые влюбился и был уверен, что встретил свою судьбу и стоит начинать новую жизнь. Словно круг времени совершил оборот и вернулся к прежней точке, и теперь пойдёт заново, захватив меня с собой. И пробежит иначе, на этот раз — правильно.

Таня не уехала. Она стояла одна на остановке.

— Вы хотели мне что-то сказать? — спросила она и посмотрела на меня, взъерошенного, задыхающегося от непривычности бега так спокойно и по-доброму, что прыгающее в груди сердце стало замирать, а пульсирующая в висках кровь успокаиваться, как горная река, постепенно спускающаяся на равнину.

— Может быть, мы прогуляемся, хороший вечер, — сказал я.

— С удовольствием бы, но мне нужно попасть домой как можно быстрее, — ответила она. — Я снимаю комнату, а хозяйка ложится спать рано и не любит, если я задерживаюсь.

— А вы не из Воронежа?

— Нет, я приехала из посёлка Добринка, может, слышали, это рядом, в Липецкой области.

— Слышал, но не бывал.

— У меня там живут мама и две сестры. Мама настояла, чтобы я окончила техникум и стала швеёй, как она, но потом я поняла, что это — не моё. И этим летом я решила поступить в ВГУ, у меня очень скоро начинаются экзамены.

— Таня, тогда что же мы стоим? Раз у вас такая злая хозяйка. — Я рассмеялся, но ей моя шутка не понравилась. — В общем, давайте я вас подвезу, я на машине.

— Не надо, не надо! Мне надо на левый берег.

— И мне туда же, — соврал я.

— В район «Машмет»?

— Конечно!

Пока мы шли до машины, Таня рассказала, что хотела бы стать историком или культурологом, но всё-таки будет пытаться поступить на маркетинг. Я удивился.

— История, особенно история искусства — это то, что мне по-настоящему интересно, — ответила она. — Я поэтому и пошла на экскурсии «Воронеж пешком» — чтобы познакомиться с интересными, творческими людьми, и мы быстро сдружились с Ольгой Фадеевной, она мне очень помогает. — Таня помолчала. — Но мне не шестнадцать лет, и я понимаю, что в современном мире с гуманитарным дипломом далеко не уедешь, так что культуру с историей придётся оставить просто как развлечение.

— А маркетинг, неужели вам и правда интересны реклама, продвижение товаров и тому подобное? Я боюсь, что это — полная противоположность культуре, двигатель вещизма и потребительства.

— Возможно, но маркетологи востребованы.

Я помог Тане сесть в машину, а сам думал о совершенно кривом и ничтожном устройстве нашего общества. Для того нам и нужны различные институты власти, управления и министерства, где люди получают зарплаты мешками, чтобы отрегулировать общественные отношения и сделать так, чтобы каждый смог найти себе применение, согласно своим интересам и навыкам. Похоже, что страной по-прежнему, как и в начале необузданных «девяно-

стых», управлял злой, не контролируемый никем рынок. Безликий и беспощадный.

По проспекту Революции ехали молча, почему-то не решаясь продолжить разговор. И лишь когда выехали на Вогрэсовский мост и увидели искрящуюся на закате воду, я спросил:

— Таня, интересно, а у вас есть главное увлечение в жизни, настоящее?

Я невольно отвлёкся от дороги, глядя на неё. Видимо, вопрос я задал особенный, и она решала, стоит ли говорить об этом со мной.

— Я очень люблю... — Таня снова замолчала, а потом подняла веки, и её черные глаза блеснули, как две пуговки. Мне показалось, что в ней проснулся ребёнок, который готов открыться, сказать что-то, но боится, что его обидят. — Я люблю куклы, особенно старинные. Я ищу их так же, как некоторые коллекционеры заняты поиском икон. Когда ещё училась в техникуме, мне случайно попалась старая кукла, девятнадцатого века, и я сама её отреставрировала, сшила для неё одежду. Ольга Фадеевна меня в этом поддерживает, иногда подсказывая, к кому в Воронеже и в области можно обратиться, кто также интересуется куклами. Ольга Фадеевна — увлечённый человек, который всегда готов помочь. Вот и вам, Сергей...

— О нет! — перебил я, — раз вы сказали мне, что вы — просто Таня, тогда и меня не называйте по полному имени. Есть имена, которые и полные звучат непринужденно, но при обращении «Сергей» чувствую какую-то... официальность, что ли. Так что я Серёжа.

— Но к Серёже так не идёт обращение на «вы», уж очень мило и близко оно звучит, как-то по-есенински.

— Тогда перейдем на «ты». Антикварные куклы — это, наверное, и правда интересно, я бы, по крайней мере, хотел бы на них посмотреть. Даже в музеях они встречаются не так часто. Ну, а если надо в чём-то помочь, я готов.

— Спасибо, — ответила она и посмотрела в окно.

— Таня, так где твой дом?

— Рядом с парком на Ростовской, я покажу.

Мы свернули во двор — весьма мрачный, окружённый серыми, совершенно одинаковыми пятиэтажками. Недаром всё-таки этот район считают неблагополучным, подумал я. Большинство воронежцев отличаются тем, что посещают одни и те же места, связанные с работой или иными обязанностями и нуждами, при этом никогда не бывая в других частях города. Вообще никогда. Я бы и сам не поехал на «Машмет» и не согласился бы здесь жить. И хотя экологическая и криминальная обстановка со времён «девяностых» здесь немного поменялись, в целом и сейчас тут было как-то серо и неуютно, особенно с наступлением сумерек. Даже летом, не говоря уже о мрачных однотонных днях поздней осени и холодной зимы. Задавать Тане глупый вопрос, нравится ли ей место, где она снимает комнату, я не стал.

Я проводил Таню до двери и дождался, когда заскрипел замок и в узкой щели появилось худощавое старушечье лицо. Женщина, похоже, вовсе не заметила меня или не хотела замечать, а только что-то бурчала под нос. Таня протянула руку, и я ещё раз на прощание заглянул в её глаза.

— Всё-таки не стоило меня провожать, — тихо сказала она. — Серёжа, вы, то есть ты совсем не умеешь врать. Это сразу видно. Тебе совсем не нужно было в этот район. Ведь правда?

Я был рад её прямолинейности, улыбке, каждому слову, было в её речи что-то теплое, хорошее. Особенно в этом её обращении на «ты», которого я добился, в нём уже звучала близость.

— Надеюсь, мы ещё увидимся, Таня?

— Конечно, почему бы и нет. Приходите на наши экскурсии!

Приехав следующим вечером на дачу, до трёх часов ночи, включив свет на двух этажах и вооружившись мощным рыбацким фонарём, который когда-то подарил мне дядя Гена, я искал красную тетрадь с продолжением истории. Искал с остервенением, как, быть может, пьяница разыскивает спрятанную бутылку. В ту ночь я был так же неадекватен, как любой зависимый. Мне нужно было во что бы то ни стало именно сейчас узнать продолжение истории, погрузиться в неё, читать и читать, пока не придёт рассвет.

Но красной тетради нигде не было. Пот выступил на лбу, и мне стоило бы остановиться, задуматься и понять, что этой тетради в домике просто нет. Да и вообще, кто знает, Звягинцев обещал начать новые записи, но на деле его закружили стариковские дела, вот эти все бесконечные рецепты, звёзды и блюда из капусты, и он так и не начал писать новую тетрадь. Или не успел завершить, а может, и написал, а потом сжёг. Впрочем, если сжигать, так обе тетради, однако уцелела и теперь лежала рядом с торшером.

Я нервничал, понимая, что продолжения этой истории мне просто не узнать. Её нет. Как, скорее всего, нет и никакого общего будущего у нас с Таней. Всё устроено так, как устроено. Не мы придумали, не нам менять. Это в книгах каждая история имеет начало и конец. В книгах случаются странные совпадения, люди влюбляются внезапно, дрожат от страсти друг к другу. А в жизни мы сидим в темноте, одни в ожидании рассвета и нового дня. И верим, что этот день будет лучшим и что-то обязательно принесёт. Да, именно так. Мы воспринимаем новый день, как послушную собачку, нашу службу, обязанную принести нам счастье, как тапочки в зубах, и обижаемся, видя и понимая, что это вовсе не так.

Второй, этой самой красной, тетради не было. Не было, и всё.

Я не смог уснуть и хотя бы в этом нашёл утешение. Есть что-то особенное, чарующее в июльских ночах, особенно между тремя и пятью часами. Это — самое неповторимое время. Оно такое же хорошее, как и в начале лета, о чём писал Звягинцев. Но всё

же серёдка лета иная. Другие запахи, природа. Я стоял и курил, глядя на дымку, что поднималась над Воронежским водохранилищем. И впервые ощутил, будто я не один. Показалось, где-то там, на самой середине воды, сидит одинокий старый человек в лодке. Да, это он, дядя Гена... будто и не умирал. Каждое утро он в туманной дымке по-прежнему выплывает на рыбалку, и сидит там, в тиши и холоде, ловит карасей и линей, и едва можно различить золотой блеск чешуи. Дядя Гена отправляется туда каждое утро с тех пор, как ушёл в вечность, и чтобы увидеть его, надо или не ложиться, или встать очень рано, настроив сердце и душу на особую волну. И я различил, как дядя Гена, забросив в лодку увесистый садок и убрав снасти, грёб навстречу мне. Работал вёслами крепко и уверенно, то исчезал, то появлялся опять...

Я докурил, затушив окурок о землю, и распрямился.

Что будет дальше, что имею теперь? Господи, спасибо за то, что имею. За то, что прошёл и увидел. Много глупостей совершил, да. Но, может, впереди будет дано пережить что-то настолько важное, что удастся забыть плохое и всё исправить.

Я покинул домик, который казался душным. Улыбался и шёл вдоль туманного берега водохранилища. В белёсой дымке я видел тень рыбака в соломенной шляпе, он правил лодкой и пел старые, неведомые мне песни о вере, жизни и любви...

6

Лето, как и всегда это бывает, устремляло бег, уследить за которым было так трудно. Сначала оно летело вперёд и смеялось, но потом, будто достигнув вершины огромной радуги, стремглав понеслось вниз. Это было особенно заметно мне как человеку, который после покупки дачи хоть немного, но приблизился к природе.

В один из таких дней я наконец-то, отказавшись от других дел, поехал на экскурсию «Воронеж пешком», хотя и понимал, что в такую непогоду послушать о прошлом нашего города, скорее всего, соберутся немногие. Я удивился, увидев перед кукольным театром группу человек из двадцати — в основном молодых людей, возможно, студентов. В стороне от них курил оператор телевидения. Я бегло заглядывал в лица стоящих под зонтами людей и конечно же искал среди них Таню. С момента той встречи мы пересекались несколько раз, но эти недолгие минуты нельзя было назвать общением. Собственно, понимание того, что я могу вообще потерять с ней контакты, мысль, что девушка забудет меня, и привели меня в этот день сюда, а вовсе не интерес к краеведению.

— Большую Дворянскую, которая сейчас называется Проспект Революции, гости нашего города недаром сравнивают с Невским проспектом Петербурга. — Ольга Фадеевна общалась с журналистами. — Сегодня мы по-новому посмотрим на наш город. Он уникальный. Достаточно просто ходить по Воронежу, рассказывать о том, что видим, и будет интересно. У нас очень красивый город, просто мы в череде будней как-то не замечаем этого. Наши экскурсии иногда называют неформальными, и это абсолютно верно. Я считаю, что надо дать как можно меньше цифр, и как можно больше впечатлений, самой истории, её тайн, неожиданностей.

Девушка-репортёр держала перед лицом Ольги Фадеевны мохнатый микрофон, который уже порядком набух от дождя и напоминал мокрого ёжика. Я подумал — и почему все тележурналистки так любят кивать в такт словам, будто китайские болванчики?

— С Большой Дворянской раскрывается дверь в прошлое, здесь есть немало порталов, благодаря которым можно окунуться на сто и более лет назад, — продолжала краевед. — Я думаю, что историю можно понять не столько через какие-либо масштабные события, а просто и внимательно разглядывая бытовые мелочи, отдельные судьбы. К сожалению, многое исчезло из-за войны или погребено под новой застройкой, но мы стараемся оживить прошлое. Кстати!.. — Ольга Фадеевна улыбнулась, оглянувшись на группу молодых людей. Желающих послушать об истории Воронежа прибавлялось, погода никого не пугала: — На наших экскурсиях люди часто находят новых знакомых, единомышленников, а иногда даже — вторые половинки. Многие потом начинают серьёзно увлекаться краеведением.

«Находят — молодцы, — подумал я. — Только Тани как не было, так и нет».

Кто-то осторожно, едва заметно тронул меня, будто маленькая птичка села на плечо и тут же вспорхнула к дождливому небу. Я вздрогнул и обернулся. Таня улыбалась, губы напоминали алый полумесяц, и я вновь столкнулся с тёмными, похожими на бусинки глазами. Её волосы сильно намокли.

— Так спешила, боялась опоздать, что про зонтик не вспомнила, — зазвенел ручей её голоса. — Недаром мама меня всегда называет Танюшка-копушка.

Мне захотелось обнять её, но я удержался. Я не смог скрыть радости, что она здесь, и Таня это поняла, немного засмущавшись моего взгляда. Мы смотрели друг на друга, и я не знал, что стоит сказать, и нужно ли вообще говорить.

Тележурналисты, как всегда, «отстрелялись» довольно быстро и, поснимав любителей краеведения с разных ракурсов, уехали. Мы стояли плотной группой, словно на митинге, прижавшись плечами, и те, у кого не было зонта, жались к тем, у кого были, причем большинство друг друга не знало. Что-то объединяло всех нас, и это не просто чувствовалось, а выглядело просто и естественно. Я снял куртку и укрыл Танины плечи, она отказывалась, говоря, что в одной рубашке я быстро простужусь, и мне ничего не оставалось, как отшучиваться и заверять, что на свете нет более закалённого человека, чем я. Мы двигались в сторону памятника Никитину.

— Наш город сильно пострадал в годы войны, и, на мой взгляд, этому есть объяснение, — рассказывала Ольга Фадеевна. — В Москве не ожидали нападения Гитлера на Воронеж. Сталин полагал, что враг пойдёт или на столицу, или в южном направлении — к нефти. Поэтому город оказался просто не готов к вторжению. Именно здесь, где мы находимся, произошла трагедия. Территория рядом с гостиницей «Бристоль» после революции стала Садом пионеров — здесь появились фонтаны, лавочки. В июне после окончания школ лучших детей Воронежа собрали именно здесь. Планировалось награждение, пришло и много взрослых порадоваться за успехи своих чад. Я не знаю, каким словом можно назвать ответственных лиц того времени, организаторов, но именно в тот день немцы стали бомбить город. И сюда попали бомбы. Я не буду подробно об этом рассказывать, любой фильм-катастрофа по сравнению с тем, что здесь было, — просто нелепая выдумка. Теперь на этом месте каждый год в день трагедии собираются люди, и приходит одна старушка... у неё нет половины лица. Она вместе с сестрёнкой бежала сюда на праздник.

Затем Ольга Фадеевна рассказывала, как менялись границы Кольцовского сквера, о памятниках-«путешественниках» в центре города — оказывается, монументальный поэт Иван Никитин не всегда привычно «сидел» в своей сосредоточенной позе на одном месте, а не раз перемещался. Таня спряталась под зонтом экскурсовода, и, стараясь укрыть от капель большую папку, слегка дрожащими пальцами доставала из неё старые фото и репродукции. Девушка напоминала маленького воробушка, доброго, нахохленного и немного смешного. Видя, что дождь не утихает, Ольга Фадеевна предложила перейти в летнее кафе, а заодно и согреться горячим чаем. Она продолжила рассказ о самом сложном времени для Воронежа, о том, как немцы устраивали захоронения в городских садах, добавив, что после войны останки как врагов, так и советских людей откопали и вывезли на кладбища. Одну тему сменяла другая, и каждое новое слово звало в прошлое, заставляя задуматься, насколько правильно мы живём, сохраняем ли наследие.

Во время экскурсии я не отрывал глаз от Тани, боясь, что она уйдёт раньше, растворится, исчезнет среди людей. И потому, как только встреча завершилась, я предложил подвести её до дома.

— Мне так неудобно просить вас, — сказала она.

— Таня, ты забыла, мы же перешли на «ты», — сказал я и подумал, что нет ничего чище и прекрасней, чем общение с такой девушкой на «вы». И всё же это «вы», хотя и отдавало романтикой прошлых веков, совсем не помогало сближению. — Таня, я и правда боюсь, что ты заболеешь, поэтому никаких отговорок. Едем. К тому же мне...

— Очень надо в мой район, — засмеялась она. — Не говори глупостей, я же вижу, ты совсем не умеешь врать.

«Ах, если бы так», — подумал я и улыбнулся.

Воронеж из-за дождя стоял в пробках, и я увидел в этом прекрасный повод полюбить их. Быть с девушкой, слушая тихий шум, смотреть, как плавно бегают из стороны в сторону «дворники»... сидеть почти плечом к плечу, видеть, как от её дыхания запотевает окно и она что-то пишет на стекле или рисует, тут же стирая, чтобы не мог увидеть я... Да это же настоящее свидание, близкое, интимное, хотя сразу этого не понять. Вот он — огромный шумный город, люди бегут, укрываясь кто чем может, жмутся в автобусных павильонах, создавая там небольшие, случайные, быстро исчезающие микромиры. Незнакомые люди не чувствуют стеснения, ругают погоду, спрашивают друг у друга, давно ли был автобус. Они там, в стихии городского дождя, тоже едины по-своему. А мы — в прогретом салоне, сидим, словно у камина, отстранённые от всего этого, и здесь только я и она. На время, конечно. Наше единство так же быстротечно, как ручеёк, что стекает с журчанием по наклону улицы. Но этот скромный мирок двух людей тонок, уютен и тем дорог, что скоро будет потерян.

Я посмотрел на Таню и был рад, что в этот миг она отвернулась, и не видела, а лишь чувствовала моё внимание. Черты её лица расплывчато отражались в стекле, и белые волосы напоминали воск. Хотелось протянуть руку, слегка тронув её подбородок, мягко позвать к себе и поцеловать. Никогда и ничего раньше мне не хотелось сильнее этого. Хотя, если бы я правда так поступил, то миг нашей близости и моего счастья продлился всего долю секунды. Но в это мгновение над вереницей серых мокрых машин взошла бы радуга, и наш автомобиль засиял бы в пробке, будто маленькая жемчужина среди холодных камней. Но я знал, что плата за этот шаг может быть, а вернее, обязательно станет слишком высокой. Она воскликнет, затем откроет дверь, спасаясь от моей внезапной, и потому пугающей нежности, и выбежит туда, где ветер и дождь, оставив меня навсегда в этой тёплой пустоте салона, которая быстро утратит память о ней, упустит запах её духов. Даже если и я также выбегу за ней, оставив машину прямо посреди дороги, не обращая внимания на сигналы и крики, брошусь вслед, это ничего не изменит.

Потому я только молчал. Моя страсть тонула, шла на дно в океане нерешительности. Но я знал, что поступил правильно, погасив эту страсть, потому что именно здесь, именно с этой девушкой я не мог позволить такой вольности. Что будет, если она не поймёт, отвернётся от меня, навсегда закрыв путь к душе?.. Тогда и весь мой мирок, который выстраивал годами, все мои рыбалки, дача, мысли о творчестве померкнут, превратятся в гору хлама, который будет меня лишь отягощать. Я не мог объяснить, почему случилось так, но именно эта беленькая Таня, которая была младше меня, сумела, совершенно ничего не делая, стать главным для меня в этом мире. Даже и не подозревая, Таня вошла в мое сердце, и если она уйдёт, рухнет всё.

Да, вот же чёрт, усмехнулся я. Хочешь поцеловать девушку, а даже и не знаешь ничего о ней. Нужно было о чём-то поговорить, мне просто хотелось услышать её голос. Она спросила первой:

— Серёжа, а не кажется ли странным, что мы едем сейчас, хотя могли бы и совсем быть незнакомы...

— Я как раз думал об этом.

— Честно? — Она посмотрела на меня, но пробка тронулась, и я вынужден был отвести глаза на дорогу.

Она помолчала:

— Год какой-то интересный у меня, столько событий, встреч, людей. А у тебя в этом году было ли что-то необычное?

Хотелось сказать: «Да, например, встретил тебя!» Но опять задушил порыв. Эх, какая-то сила учила меня не спешить.

— Хочу рассказать тебе интересную историю, — сказал я. — Весной я купил дачу и нашел там любопытную тетрадь.

Я пересказал Тане воспоминания Звягинцева.

— А дальше, что же дальше? — Кажется, я даже взволновал её.

— А ничего, Таня, совсем ничего.

Она удивилась:

— Как же так?

— Николай Звягинцев написал, что есть тетрадь с продолжением, и даже указал, что она красного цвета. Но я её так и не нашёл. Всё, абсолютно всё в домике перевернул с ног на уши, и на чердаке смотрел, даже под половицами — нигде нет.

— Так не бывает, — сказала она грустно. — Где же справедливость? Это же целая история.

«Бывает, Таня, очень даже бывает, — подумал я, не сказав это вслух. — Жизнь — это не сюжет кинофильма, где всё завершено, логично, и так красиво, что не веришь, хотя всё равно продолжаешь смотреть на экран. А на деле вся жизнь — это сплошной клубок незавершенности, недосказанности и конечно же несправедливости».

Мы выбрались из плотного потока машин, впереди показался Вогрэсовский мост, и заторов впереди не было. Я подумал, как мало времени нам осталось быть вдвоём. Хотя ведь мы совсем и не общались, почти не знакомы, но меня тянет неведомая сила, которая вовсе не опирается на разум. Ведь не краеведческие походы и интерес к прошлому могут нас объединить. Я могу их разве что использовать для того, чтобы быть рядом с ней. И ничего больше не надо.

Мы быстро добрались до её дома. Из-за огромных луж Таня с трудом вышла, а точнее, выпрыгнула из машины, стараясь не замочить ног. Но она обернулась и вновь вернулась, словно что-то забыла.

— Серёжа, я хотела попросить. — Её щеки покраснели. — Только мне так неудобно. Просто в Воронеже у меня совсем никого нет...

Помочь в чём-то — это самое лучшее и нужное, что она может только предложить. Будто сама судьба выводила нас на новую дорогу в отношениях.

— Да всё, что угодно, Таня, я всегда готов.

— Дело в том, — начала она и замолчала, потупив взор. — Я говорила, что люблю старинные куклы, они для меня... не просто увлечение, а значат гораздо больше.

— Я понимаю.

— Только не смейся, ладно?

— Где ты видишь, чтобы я смеялся?

Она улыбнулась:

— Купить антикварную куклу непросто, тем более мне. Ведь я даже ещё не студентка, нигде не работаю, да и снимать комнату мне помогают родители, пока я не поступлю и не переберусь в общежитие. Но я постоянно ищу, слежу за сайтами и объявлениями, и вот мне попалась случайно одна замечательная дореволюционная кукла. Правда, она в плохом состоянии, но это ничего не значит. Я знаю, что смогу её восстановить сама.

— Я помогу тебе её купить.

— Нет-нет, дело не в этом, деньги у меня есть. Но Богучар, где она находится, так далеко отсюда. Я смотрела по карте, это самый край области, и поехать туда одной на автобусе мне не то что неудобно, а как-то даже... страшновато.

— И не надо на автобусе, что за глупости. У тебя же есть ответственный персональный водитель, пусть на простой, но исправной машине. — Я улыбался.

— Брось шутить. Ты правда поможешь?

— Конечно!

— Ой, я так рада! — Слова слетали с губ, как мягкие нежные перья. — Я оплачу бензин, если мы поедем.

— Не бери в голову. У меня много бензина.

— Нет, но всё же...

— Оставим тему горючего. Когда надо ехать?

— Да когда будет удобно.

— Можно подумать о субботе, туда и обратно всё-таки нужен день, и лучше бы выбрать ясный, без дождя.

— Конечно! Я уже посмотрела прогноз погоды — в выходные будет тепло и солнечно.

— Да, ты хорошо подготовилась.

— Ещё бы. Для меня эта кукла не просто важна. Я даже боюсь, что кто-то опередит и купит её.

— Не волнуйся, всё будет хорошо.

— Я уже звонила, хозяйка куклы обещала, что не продаст, но только при условии, что я приеду как можно скорее.

«Вряд ли в Воронежской области есть ажиотаж на старинные потрёпанные куклы», — подумал я, но не сказал, боясь обидеть.

— Таня, можешь во всём на меня рассчитывать, во всём.

— Спасибо! — Она была так рада, что, похоже, захотела меня обнять, но помешала неловкость ситуации.

— Беги домой и суши вещи, грей ноги! А то, не дай бог, заболеешь, и твоя кукла будет по тебе плакать.

— Ни за что! — засмеялась Таня и слегка сжала мою руку на прощанье. Я проводил её взглядом, пока она не скрылась в подъезде. Чудесная девушка! Может, подумалось, я и правда сделал в жизни что-то хорошее, раз судьба послала мне её.

Дождь стих, дороги в городе обдул тёплый ветер, так что от непогоды не осталось и следа. Я ехал, думая, чем заняться, и не сразу услышал телефон. Может, Таня забыла ещё что-то сказать?

Звонила мама.

— Слушай, ты на машине? Можешь сегодня съездить в гараж? — попросила она. — Там погреб надо почистить, достать и выбросить старую картошку.

Я удивился — подобными делами всегда занимался отец, и не хотел никого обременять. Гараж был его любимым местом, куда он никого не подпускал.

— Ты знаешь, я вообще не хотела говорить по телефону. — Голос мамы насторожил. Я ехал, продолжая говорить, но на этих словах припарковался у остановки. — Отец жалуется на головокружение и боли. И говорит, что они стали постоянными. Недавно он был в гараже, и чуть с лестницы не упал в погреб, представляешь! Потому он его и не почистил. И сейчас хочет ехать снова, а я отговариваю.

— Мам, не пускай его! Я прямо сейчас заеду за ключами.

Отец ушёл в магазин, мама была дома одна и сильно расстроенная.

— Нужно в больницу идти, провести обследование, с этим не шутят! — сказал я. Она кивала, но говорила, что он не хочет.

— Дело серьёзное, надо всё-таки настоять, — убеждал я.

— Вот вернётся, я с ним ещё раз, конечно, поговорю.

Я доехал до гаража. Очистка заняла около получаса, и, выбравшись на свет, я увидел, как сильно испачкал в картофельной гнили джинсы. У меня, как у порядочного холостяка, это были единственные штаны на все случаи жизни, так что вечером меня ждала ещё и стирка. Я закурил, облокотившись на верстак. Щелкнув зажигалкой, на мгновение различил в дальнем углу картонную коробку, показавшуюся мне знакомой. Хотя мало ли бывает на свете коробок, бог с ней, пусть стоит, думал я. Мне вспомнился тот день, один из самых, наверное, лучших в уходящем лете, как мы с отцом ловили рыбу. Со временем я, скорее всего, вообще забуду всё это лето, но какие-то крошечные, самые милые и дорогие сердцу детали обязательно возьму с собой.

Да, коробка... Я застыл — а не та ли эта, которая была с мусором, книгами... Точно, она. С томами по истории КПСС, про Брежнева и всё такое. Я же сам попросил тогда отца выбросить её. А он, старый куркуль, решил сохранить, видимо, для розжига.

А может быть?..

Я выбросил окурок, и, подняв коробку, вышел с ней из гаража. Бегло просмотрев, я не нашёл ничего, кроме книг с красными звездами и гротескными портретами вождей разных лет. Я выкладывал эти книги прямо на влажную траву, и маленькая искорка надежды таяла, чем ближе я приближался ко дну большой коробки. Нет, здесь не оказалось второй тетради Звягинцева. Да он, может, и вовсе не успел или не захотел за неё браться.

Нет, только потрёпанные идейные книги. Ничего больше. Я стал их складывать обратно, бросая как попало и думая, что отцу их хватит на растопку не одного мангала. Особенно вот этого тома. Хотя стоп! Эта книга хорошая — большая энциклопедия «Вторая мировая война. Итоги и уроки». Её следует оставить.

Перевернув книгу боком, я увидел, что в середине между страниц зажато что-то. Открыв там, я обнаружил красную тетрадь на восемьдесят листов! Поверить было трудно, но разбухший том по истории войны вот так, чудесно и необычно сохранил и ещё одно свидетельство времени. Обложка, несмотря на прошедшие годы, не выцвела, сохраняя яркий алый цвет, словно костёр, который так долго горел в одиночестве и наконец увидел случайного, но такого долгожданного путника. Я невольно вскрикнул и поцеловал яркую обложку.

Но вдруг... это вовсе и не она? Что-то иное? Не может же быть такой удачи! Я отошёл к берёзам, увидев там широкий пенёк, и открыл первую страницу.

Да, это было продолжение воспоминаний Звягинцева. И речь там шла о том, как он попал в Орловскую психиатрическую больницу. Он подробно описывал «коллег по несчастью». Его попытки доказать, что он здоров, закончились тем, что ему назначили курс инсулиношоковой терапии, под воздействием которой он постепенно утрачивает волю.

7

Вечер опустился на землю, и гаражи в сумерках казались огромными мёртвыми коробками, в тишине их железного мира стало неуютно. Я пошёл закрывать гараж. Большой рыжий кот сидел у входа и смотрел наглыми и одновременно требовательными глазами. Покормить его мне было нечем, и он, сам быстро поняв это, убежал. Когда закрывал дверь, в кармане завибрировал телефон, и я подумал, что это мама хочет узнать, всё ли в порядке. Но на экране выставилось — «Витя Малуха». Я удивился — мы созванивались редко, даже не помню, когда в последний раз. Вспомнилось, как недавно курили, без слов понимая друг друга. Мы и потом виделись каждый день в редакции, только он стал таким молчаливым и замкнутым, что я его не замечал.

— Серёг, привет, — прохрипел он в трубку. — Это я, узнал? Как дела?

— Да всё в порядке. А у тебя?

— Старик, можешь выручить?

— Что такое?

— Да понимаешь, ситуация... Позарез нужны две тысячи рублей, а лучше три. Срочно, кровь из носу нужно достать. Я бы никогда не стал обращаться,

мне неудобно, но понимаешь — надо. Я очень скоро отдам, с аванса.

Я не любил таких просьб. Если бы мы были друзьями, иное дело.

— Витя, извини, нет, никак не могу выручить. У самого, знаешь, тоже. — Я что-то ещё добавил о каких-то проблемах.

— Понял, пока, что ж теперь, — ответил он. — Я завтра не смогу быть в редакции, Юльке передай.

— Ладно, передам, — сказал я, подумав, почему бы ему самому ей не позвонить.

Я уехал на дачу. Приготовив что-то поесть, замочил джинсы, намешав туда мыльной пены — порошка не было. Занять себя было нечем, но и читать тетрадь, которую так стремился найти, почему-то пока не хотелось. Раздетый, я прилёг на кровать, взяв тетрадку. В эту минуту я думал о Тане и нашем разговоре, о предстоящей поездке. Таня, кстати, говорила, что будет несправедливо, если тетрадь не отыщется. Будто знала, а точнее, верила, считая её находку чем-то правильным, неизбежным и справедливым. Твоя правда победила, Танюша, умная хорошая девушка. Я нашёл страницу, на которой закончил чтение.

Я прочёл, что Николай Звягинцев, находясь в психиатрической клинике, узнаёт о начале войны с Германией, но не придает этому большого значения. Он по-прежнему подавлен лекарствами...

8

Признаться честно, я ждал дня, когда нам предстояло ехать с Таней в Богучар. Я подумал, что она, при всей внешней скромности и миловидности, всё же бесстрашная девушка. Или, может, просто без опыта. Вряд ли бы её родители обрадовались, узнав, что дочь едет на самый край Воронежской области, почти за три сотни километров ради какой-то старой куклы, да ещё с человеком, которого едва знает. Мало ли что может прийти в мою голову по дороге?

Конечно, она мне доверяла, а это значило многое. Очень многое... для меня. Я слышал такую восточную поговорку, что двух людей разделяют десять шагов. И, чтобы им сблизиться, каждый должен сделать свои пять. И если ты их прошёл, а человек остался на месте, значит, не стоит терять времени. Это не твоя судьба. Так вот, не знаю, сколько шагов уже успел сделать я, но Таня, как представлялось, доверившись мне, первый сделала точно.

Я обещал заехать именно в восемь, но, оставив попытки уснуть, завёл машину намного раньше. Заправив у Северного моста полный бак, я плавно ехал на левый берег, открыв форточку, прохладный ветерок пел о чём-то. В ранний час, когда солнце только поднимается, воздух даже в городе казался особенным, чистым.

Ждал у подъезда, и наконец появилась Таня — в джинсах и легкой кофточке без рукавов. До машины она шла всего пару шагов, но по белым плечикам уже бежали мурашки, она ёжилась:

— Вечно вы, молодежь, модничаете, — сострил я.

Она рассмеялась:

— Днём жарко будет.

— А это что у тебя там такое? — Я указал на туристическую сумку. — Чехол для куколки такой?

— Да брось ты! — Ей не нравились, видимо, любые шутки о куклах. — Там бутерброды, чай в дорогу для нас с тобой. Ты же, наверное, ничего не взял.

— Нет.

— Вот видишь. Вечно на вас, мужчин, рассчитывать не приходится.

— Так ты и на меня бутербродов взяла?

— Ну конечно!

— Значит, на меня рассчитала! — Я дотронулся до её плеча, пока перекладывал сумку на заднее сиденье. — Вот так и в будущем. Всегда, когда что делаешь, на мою долю тоже рассчитывай!

Утром в субботу машин не так много, как в будни, поэтому мы уже через полчаса выехали на трассу. Замелькали пригородные посёлки, заправки, киоски, позже — деревеньки и длинные полоски огородов с картофелем. Их сменяли берёзовые рощицы, желтеющая пшеница, стоящие в рост, как солдаты, подсолнечник с кукурузой. Мы долго молчали. Таня, как мне показалось, даже задремала. Может, она тоже не могла уснуть, представляя нашу поездку, и думала, мечтала о чём-то таком... похожем и на мои мечты. Так пусть поспит, улыбнулся, подумав, я. Лишь бы мне самому не уйти в дрёму на скорости.

Я крепче взялся за руль.

— Серёж, ты хорошо себя чувствуешь? — спросила Таня. Нет, она не спала, и, похоже, читала мои мысли.

— Нет, всё отлично!

— Мне показалось, что ты не выспался.

— Я поспал. А вообще, когда мы с отцом ездим на рыбалку, то всегда рассказываем друг другу разные истории, чтобы не было дрёмы. Может быть, ты расскажешь, почему так любишь куклы?

— Тебе это интересно или чтобы не уснуть?

— Нет, ты не так меня поняла.

— Да всё в порядке. — Её смех прозвучал тихим ручейком. Я понял, что люблю слушать его больше, чем слова. — Куклы я собираю давно. Именно собираю, слово «коллекционирую» я очень не люблю. Оно, это слово, какое-то неживое, а куклы имеют душу, понимаешь. Их можно только собирать, как родственников на праздник. Я, когда возвращаюсь и смотрю на своих кукол у себя дома в Добринке, так и говорю: ну что ж, вся семья в сборе. Искать куклы — это такая же страсть, как охота, рыбалка у мужчин, я так думаю. Но сравнивать трудно, ведь мир кукол особенный. Даже такое понятие есть в учёных кругах — плангонология. Это и есть собирание кукол.

— Плангонология, — произнёс я по слогам, подумал, что звучит как наука о болезни глотки, вызванной курением наркотиков. Но, конечно, своим первым впечатлением от слова не поделился.

— Ну же, продолжай, — сказал я, — мне правда интересно.

— Так вот, у меня с детства было много кукол, и для них я была самой хорошей мамой, любила и заботилась обо всех с одинаковой преданностью. Шила для них одежду, шляпки, и у каждой куколки был свой гардероб. — Она снова засмеялась именно так, как мне особенно нравилось. — Я портила мамины отрезы ради этого, но она никогда не ругалась, хотя я даже тогда знала, как ценились хорошие ткани в то непростое время. У каждой моей куклы есть имя. — Она помолчала. — Но все они остались там, дома в посёлке, и я по ним сильно скучаю. Будто там осталась вместе с ними какая-то очень большая и значимая часть меня, самая лучшая и светлая, наверное, часть... Вот и сегодня мне почему-то приснилась кукла Вера, только она была живой девочкой, она смотрела на меня как-то грустно, расчёсывала мне волосы и о чём-то пела. Это особая кукла семидесятых годов, ее выпускали на московской фабрике «8 Марта». Кукла Вера будто хотела мне что-то сказать.

— Наверное, чтобы ты была внимательнее в поездке, — засмеялся я.

— Может быть.

— Давай-ка ещё расскажи что-нибудь.

— Про куклы?

— Можно и про них.

— Ну, что бы ещё такое рассказать... Знаешь, иногда думаю, что со временем я напишу книгу о куклах и в ней расскажу всё, что знаю и что чувствую. Ведь, подумай, кукла — это, скорее всего, один из самых древних предметов, который появился у человека. Думаю, первобытные люди создали первые куколки тогда же, когда освоили палку и камень. И для них куклы были не игрушками, а предметами культовыми, магическими.

— Да, куклы Вуду, например.

— И это тоже, хотя я не люблю о них говорить. Ещё я терпеть не могу фильмы ужасов, где показывают страшные куклы, которые представлены в крови, злости, как убийцы.

— Сейчас вспомню фильм моего детства... кукла Чаки, вот. Знатный такой садюга с ножичком. Целая серия ужастиков.

— Серёж, правда, давай не будем об этом, я очень не люблю!

— Конечно, извини, это я так. Продолжай.

— Это всё чушь, бездарная и вредная. Я видела много-много кукол — посещала выставки — и поняла что у каждой из них своя особая, весёлая или грустная история, судьба. Но у всех у них, вне зависимости от прошлого и пройденных испытаний, добрые души. Куклы — самые открытые существа на свете. Но и у них есть характер, порой твёрдый, своенравный. Я заметила, что не каждая кукла хочет быть купленной. Мне об этом рассказывали собиратели кукол, да и я сама замечала, что порой по самым нелепым причинам мне не удавалось купить куклу. Или я застревала, или автобус ломался, или ещё что-то.

— А вот об этом даже говорить не стоит, я тоже суеверный. Мало ли, может, эта твоя кукла в Богучаре покупаться не хочет и теперь насылает на нашу машину чары.

И вдруг, сразу после моих слов, автомобиль стало подёргивать. Обычно такое бывает, если залить плохой бензин, но я заправлялся в проверенном месте, где и всегда.

— Попроси мысленно свою куклу, чтобы она проявила милость, — сказал я. Машина пошла ровнее. — Кстати, а что это за кукла?

— На сайте объявлений снимок не очень хорошего качества, но видно, что она старая, точно дореволюционная. Мне кажется, что хозяйка её не понимает, какая настоящая цена этой куклы. Намного выше указанной. Наверное, с этой куклой играло не одно поколение детей, но потом она попала на чердак и о ней надолго забыли. Я так чувствую. Она заброшена, но раньше её любили.

— Тебе надо пробовать себя в литературе, Таня. Ты, имея неизвестный предмет, умеешь придумать для него красивую историю, легенду. Нет, я не смеюсь, это на самом деле здорово.

— Спасибо. Может, ты прав. Я и правда с самого детства оживляю кукол в воображении, они наполняют внутренний мир, привнося то, чего мне так не хватает.

«Любви, чёрт возьми», — почему-то захотел, но не сказал я.

— Куклы легко могут сгладить чувство одиночества, помочь заполнить мир вокруг смыслами в минуту, когда кажется, что он пустой и ничтожный.

— У тебя часто бывает ощущение... одиночества? — спросил я.

— Серёж, лучше не спрашивай! У тебя разве нет?

Я кивнул.

— Вот видишь. Каждый человек по-своему одинок, поэтому ищет способы, как преодолеть трудности, тревоги. Мне в этом помогают мои куклы.

— Я тебя понял, честно, — ответил я. — Но если так, почему ты сказала, что из родного дома в поселке ты не взяла в Воронеж ни одной куклы? Ведь они тебе так дороги и так помогают.

Кажется, мой вопрос озадачил её. Ответа долго не было.

— Наверно, потому... Знаешь, — она повторяла эти слова несколько раз, — решение уехать я приняла далеко не сразу и не просто, и родные меня в этом совсем не поддерживали. И этот шаг стал для меня важным. Моё прошлое осталось там. Чтобы оно не звало меня назад, не рвало бессмысленно душу, я и не стала брать из дома ничего, что люблю. Особенно кукол. Мне легче приехать домой на денёк, ведь Добринка не так и далеко от Воронежа, повидаться, а потом с лёгкой душой уехать назад, к новой жизни, к проблемам, задачам, надеждам. Я ведь и уехала ради этой самой надежды. Потому что у нас в поселке её просто нет. Я получила профобразование, и всё, на что могла рассчитывать, — проработать простой швеёй всю жизнь.

— Понимаю, — ответил я. — Ты решила покорить столицу Черноземья, а заодно собрать новую коллекцию кукол.

— Коллекция — плохое слово, — снова напомнила она. Я заметил, что за разговорами быстро прошло время, поднялось солнце, и мы миновали развилку с поворотом на город Бобров. — Но есть и ещё одна причина. Воронеж — город большой, здесь столько творческих увлеченных людей. И я подумала, что можно находить антикварные куклы в плохом состоянии, реставрировать, а затем продавать.

— О, коммерция, коммерция! Наконец-то я услышал о коммерции, а не о душе, и так рад этому! — Я ликовал, видя, как краснеют щёки и даже уши Тани, она меняется в лице. — Я говорил тебе, что можешь во всем на меня рассчитывать, так что я в деле. Твой надёжный компаньон. Колесим по региону, а лучше по всему Черноземью, ищем кукол, шьём и вяжем, деньги делим. Я буду водителем. Нет, не звучит. Менеджером по логистике, вот!

— Ну вот, смеёшься, — сказала она. — А мне не смешно. Мама мне не может материально помогать, я же говорила, сейчас за съём комнаты платят, пока не поступлю. А я просто думаю, как заработать. Но это не значит совсем, что куколку, за которой мы едем, я хочу перепродать. Ты неправильно понял.

— Нет, я всё понял. У меня вот друг есть, картины рисует. Вот он долго сопротивлялся, в облаках витал, что его творчество не для продажи, что реальность настоящая — в его воображении, а что мы видим вокруг, лишь продолжение. Что-то такое любил повторять заумное. Так он с возрастом поумнел, стал другим, картины успешно продаёт.

— А творчество?

— В смысле?

— От того что он смирился с миром и принял его законы, стал другим, он потерял связь с настоящим творчеством? С теми образами, которые были у него раньше на картинах?

— Вовсе нет. Он и когда философствовал, рисовал плохо, и потом тоже. Сейчас его мазню в основном покупают для дач и кухонь, что тоже неплохо.

— Печально как-то.

— Да это жизнь, Таня. И поверь, мой друг сегодня умиротворён и по-своему счастлив, — сказал я, и вновь, как и прежде, почувствовал разницу в возрасте между нами.

— Так что, Таня, поверь, если ты найдёшь куклу, восстановишь и продашь её с выгодой, от этого все будут только счастливы.

Она засмеялась:

— Так уж и все!

— Ну, если ты мне найдёшь хоть одного опечаленного этим фактом купли-продажи, клянусь покинуть наш с тобой кооператив и уйти в монастырь грехи замаливать.

Странно, но при этих словах из-за крутого взгорка, на который мы так долго взбирались, показались по правую руку вдалеке за речкой кресты какого-то монастыря или храма. Я решил свернуть:

— Делаем пит-стоп, пора пробовать твои бутерброды с чаем.

Уже через пять минут мы сидели на большой лужайке, поджав ноги. Незамысловатые бутерброды с колбасой и листьями салата здесь, на свежем воздухе казались особенно вкусными, ароматным был и чай с лимоном. Мы сидели с Таней и молча смотрели, как солнце играет в куполах храма. Я аккуратно сорвал веточку зверобоя — цветки уже почти отцвели, превратившись в плотные коробочки, но часть тёмно-оранжевых лепестков ещё держалась — и поднёс ее к носику Тани, сказав, что её волосы чем-то схожи по тонам красок с лепестком зверобоя в августе.

— Неправда, мои волосы совсем другие. Ты дальтоник, что ли?

— Нет, просто мне виднее, чем тебе, — ответил я. — Согласись, ведь мне проще рассмотреть твои волосы, чем тебе самой, потому что я могу взглянуть под разными углами, в том числе увидеть, как в них переливается солнце.

«Или отражается луна, если повезёт увидеть», — сама по себе вкралась мысль.

— Ну что ж, зверобой, пусть будет зверобой, — после паузы сказала она, слегка наклонив голову ко мне. Я не мог отвести глаз от её белых, как молоко, с разбросанными пятнышками родинок плеч, смотрел на короткие, но красивые ноги, обутые в лёгкие мокасины.

— Нам пора ехать, — сказала она.

Почти до самого Богучара мы молчали. Небольшой, словно разбросанный по долине городок, который вырос перед нами, издали показался совершенно белым, словно все дома выточены из чистейшего мела. Мы без труда нашли нужный дом, и я вышел первым и постучал в окно. Таня оставалась в машине, будто стеснялась идти и узнавать про куклу. Мне подумалось, что я сейчас сам быстро куплю за свои деньги, принесу долгожданную игрушку и мы поедем обратно. Но когда захрустел замок, девушка открыла дверь и побежала по узкой, поросшей подорожником тропинке.

Из двери потянуло жильём — я не знаю, как лучше назвать этот запах, для себя я определил его как «старушечий». Нет, это был не противный и сжатый воздух, а какой-то другой, деревенский, такой всегда бывает в сельских домах пожилых одиноких женщин.

— А, сынок, дочка, проходите, проходите! — раздался голос из сенцев. Я прошёл первым и увидел прялку, бочку и прочую рухлядь, которую толком не успел рассмотреть — мы быстро прошли в просторную светлую комнату. Первой в глаза бросилась небольшая белая печь, затем — накрытый ручной работы скатертью круглый стол, божница и зажжённая лампада в углу. Мы стояли в дверях на разноцветном домотканом половичке. Я лучше рассмотрел хозяйку — низенькая и плотная, в большом сером платке и белой кофточке она напоминала гриб-боровик.

Удивился, посмотрев на Таню, ведь она говорила, что нашла объявление в интернете. Неужели одинокая бабушка такая продвинутая или мы просто ошиблись адресом?

— Садитесь, садитесь, вы ведь с дороги, сейчас чай будем пить! — суетилась бабушка.

— Да нам бы куклу увидеть, и мы поедем, — сказал я, но старушка будто и не услышала.

— Меня баба Шура зовут, а вас как? — Мы назвали имена. — Вот и молодцы, садитесь.

За чаем баба Шура взялась рассказывать нам про свою жизнь, порой надолго замолкая, будто и не помнила, что у неё гости. Она вздохнула, переходя к самой печальной, как мне показалось, для неё странице — к приходу в Богучар фашистов. При этом она часто меняла тему, и от войны переходила к голодному времени конца сороковых, работе в колхозе, говорила о гибели старшего сына и многом другом. Я стал догадываться, что мы попали вовсе не по адресу, что бабушка долго была одна и потому хочет выговориться, и я аккуратно трогал Таню, пытаясь подать знак, что нам надо прощаться и уходить.

Бабушка говорила тихо, её влажные глаза казались прозрачными. Она сгорбилась напротив нас, оперев на морщинистую руку круглую голову:

— Что до войны было, так точно и не упомню. Я с тридцать пятого году. Родилась тута, отец плотником был, в первые дни на фронт ушёл, так и пропал, ни одной весточки не получили, где он и как запропал, до сих пор не знаю. И много таких у нас в Богучаре было, ой много. Они же все сплошь мужики, работать умели, пахать, сеять, точить-чинить — что угодно, только не воевать. Немцы-то к нам пришли, они все сплошь пристреленные, наученные, там-то, у себя, навоевались. Да и у нас, пока до Воронежа шли, ещё больше заматерели убивать да грабить.

Она помолчала. Тикали ходики, кот спрыгнул с подоконника и юркнул под стол, тёрся о мои ноги пушистым хвостом.

— Страшное было время, ох страшное, — продолжала она. — Помню, до прихода немцев у нас в Богучаре солдаты стояли, и самолёты были, орудия какие-то тоже. Мама моя строила со всеми оборону, меня с собой брала на окопы. У неё большая лопата, а у меня махонькая детская, отец мне до войны сделал снег огребать. Хоть небольшая от меня, а все равно польза, наберу в ведёрко земли, мать поднимет, ссыпет. С ребятами железо по дворам собирали, всё перерыли, чтобы сдать на танки. Потом-то шесть танков за наш труд построить смогли, вот ведь, значит, хватило как нашего железа. Они в колонне «Воронежский колхозник» были, наши танки эти.

Мне показалось, будто хлопнула калитка. Я прислушался — кто-то ходил по двору.

— Немцы, помню, пришли в июле. Сначала нас бомбили, в мост им нужно было попасть, и в нефтебазу. Помню, как мама выбежала с криком из дома, а я за ней тоже рыдала в голос. А нам говорят, мол, собирайте как можно быстрее что есть ценного, и бегом! Мать пакует, плачет, соль последнюю всю на пол просыпала, стала совочком сгребать. А что могу сделать, мне всего седьмой годок тогда шел, я как умела, помогла, а с собой взяла самое ценное и дорогое — куколку мою. Её, куклу эту, я Галей звала. Она старая уже тогда была, сделана ещё при царе. С ней ещё бабушка моя, по рассказам, играла. Вот Галя и стала моей ценностью, мама кое-как нахватала чего-то в сидорок, а я куклу взяла, с тем и ушли.

Я посмотрел на Таню — она достала платок и тихонько утирала слёзы.

— Так и шли мы все, много нас было, баб да детей, в той толпе. Пушки гудели, шум, взрывы вдали, земля аж тряслась. Я только потом узнала, что это наши солдаты насмерть с врагом дрались, в неравном бою и полегли все, чтобы мы успели уйти, переправиться на другой берег Дона. Вся рота погибла, до единого ради нас.

Баба Шура перекрестилась. Мне показалось, что в окне промелькнула фигура. С улицы послышалось, будто к дому подъехал грузовик. Двигатель заглушили, но слышались голоса. Старушка же ничего не замечала. Она будто была далеко:

— Переплыли мы Дон, а там дальше ещё тяжелее, ещё горше, слёзы одни. Шли мы долго, продукты скоро вышли, и всю войну только и помню, как сильно хотелось покушать. А когда Богучар наши освободили, вернулись мы и не нашли родного дома. Порушил всё немец. Так и жили в бараке. Мать я почти и не видела, уходила она засветло, а возвращалась, когда мне уж спать пора было. Да я как-то быстро повзрослела, всё сама училась делать. Помню, соберу ей ужинать, и жду, жду, когда придёт. Так и засыпала за столом, а просыпалась почему-то уже на сундуке — кровати не было, я на старом сундуке спала. Она меня туда относила. Потом мама болела, руки у неё высохли, поднять уж ничего не могла. Быстро она после войны преставилась, так я и осталась одна на белом свете...

Старушка забылась, словно уснула. Мы боялись что-то сказать. И тут она вздрогнула:

— Да что ж я, старая, всё болтаю и болтаю. Вы чайто пейте, с жамочками вот, с печеницами, почто же я вас умаяла совсем? Не с кем мне повспоминать, вот я и... Я уж год поди из дома не показываюсь, да и ко мне редко кто заходит, разве что соседка да почтальонша.

Голоса раздавались уже в сенцах, там чем-то гремели, будто спешно хотели навести порядок. Что-то грохнуло, словно обвалилась полка с банками.

— Трудно мы жили, — вновь начала бабушка. — В школу я поздно пошла, с девяти лет только, а всё война. Семилетку окончила уже невестой. Хотя какая я невеста — сирота безродная. Работала счетоводом, из шинели скроила себе курточку, кофточка была из полотна — всё приданое на мне. За труд дали два метра жилья, я тому счастлива была. Вышла замуж, паренька Бог послал совестливого, доброго. Васечка. Всю жизнь прожили, всё делили, и вот уж год как схоронила его. Трёх деток подняли, один погиб....

Дверь скрипнула. Вбежала женщина, посмотрела на нас так, будто просчитывала в голове, кем мы можем быть. Улыбнулась, но взгляд показался тяжёлым, отталкивающим:

— А вот и Лидочка моя, доченька приехала наконец! А это вот детишки, за куколкой приехали.

— Ах да, да, — сказала женщина, отыскивая что-то у печи. Потом она отдала куклу Тане, сказав шёпотом:

— Вы бабушку особенно не слушайте, она так может до самой ночи рассказывать и рассказывать.

— Ничего-ничего, — ответил я.

Таня положила куклу на колени, гладила её маленькую круглую головку, словно ласкала позабытого обиженного ребёнка. Платьице на кукле было рваное, словно её нашли на помойке.

— А я вот в Воронеж теперь перебираюсь, буду у дочки жить, — продолжала баба Шура. — Дом уж продала, да и всё, что есть, тоже быстро распродаём. Я ведь хотела всё с собой взять, а Людочка говорит, не надо, там, в городе, всё есть, да и хранить моё добро негде. И молодец, быстро всё продаёт. Говорят, в этих телефонах сейчас покупателей сразу находят.

— А как же вы, баба Шура, — впервые подала голос Таня, — с куклой такой расстаётесь? Она же, получается, единственная память, всю войну вы вместе прошли...

— Да брось, дочка, мне ли на старости лет с куклой возиться? — засмеялась она. — Да я про неё и позабыла вовсе, а Люда, хлам разбирая, нашла. Я ей говорю, мол, отдай какой-нибудь девочке тут, в Богучаре, много их тут бегает и по нашей улице, а та отвечает, что кукла старинная и цену имеет. Ну раз так, что ж. Да вот и вы приехали, значит, права дочка-то.

— Выходит, вам она не нужна? — вновь спросила Таня, будто искала твёрдое оправдание, почему она может стать новой хозяйкой куклы Гали.

— Да не смейся ты, дочка! Бери себе. А детки у вас родятся, — бабушка, видно, приняла нас за молодую пару. У меня внутри что-то дрогнуло, а Таня покраснела, потупив взор, — вот и они тоже поиграют. Сколько поколений хороших людей эту куклу держали, пускай их тепло и дальше передаётся. — Она помолчала. — А знаете что, детки мои...

Бабушка привстала и наклонилась к нам:

— Сейчас тут такой шум-гам начнётся, диваны и мебель понесут. Так что вы лучше поезжайте-ка, милые, побыстрее домой, да и путь вам неблизкий. И куколку мою, Гальку, берите. А денежек мне за неё не надоть.

Таня резко закачала головой, стала искать кошелёк, быстро нашла пятитысячную купюру.

— Убери, не обижай старуху, — сказала баба Шура и пошла к иконам. Долго крестилась, глядя то ли на образа, то ли на семейный портрет с мужем, то ли на фото сына. Она не то плакала, не то шептала или пела, я видел лишь сгорбленную спину да огонёк лампадки. Да, звук больше напоминал именно старинную духовную песню, где наверняка были самые заветные слова благодарности Богу за прожитые годы, воспоминания о земле, людях, о бедах и радостях. И пела будто не бабушка, а её душа, которая прощалась с домом, смиренно принимая то, что умереть придётся далеко от родных мест.

Дочь отругалась во дворе с грузчиками и теперь вбежала в дом. Двое нетрезвых мужиков стали примеряться к дивану, матерясь вполголоса. Дочь подошла к матери, обняла за плечи.

— Ну что ты, что ты плачешь? — шептала она. — Мама, мы же обо всём договорились, и ты сама согласилась, что так будет намного лучше! Не дай бог, случись что, кто тебе тут поможет, ты же одна? А у нас тебе хорошо будет. Ну, если заскучаешь, мы тебя в любой день в Богучар свозим, к папе и Владику на могилки.

Баба Шура будто её и не слышала. Тогда дочь подошла к нам:

— Ну что, ребята, всё хорошо, нравится кукла?

Таня кивнула.

— Значит, всё устраивает?

— Людочка, они денежку мне уже отдали, — подала голос, не оборачиваясь, баба Шура.

— Ну, раз так, — дочь перешла на шёпот, — извините, что пришлось задержаться, бабушку выслушать, вы понимаете. Спасибо вам, хорошей дороги! Извините вот, у нас переезд.

— Конечно-конечно, мы едем. — Я взял за руку Таню и вывел из дома. На пороге Таня обернулась, её взволнованные глаза бегали, и, прижав к груди куклу, она опять полезла за кошельком. Видимо, хотела сказать, что возникло недоразумение, и отдать деньги дочери, но я не дал сказать ей и слова. Лишь когда мы оказались в машине, Таня вдруг разревелась, шепча:

— Ну почему?

Я завёл двигатель, пытаясь быть твёрдым и рассудительным, но заметил, что и у самого дрожат руки.

— Выходит я что, украла её, да? Украла!

— Так, не говори глупости! Баба Шура подарила тебе её, она добрый человек. И отдала тебе эту куклу с лёгким сердцем, а ты вот плачешь.

— Я плачу, потому что мне жалко бабу Шуру.

Мы долго молчали. Я ехал, не сводя глаз с дороги. И когда показались купола какой-то церкви, сказал:

— А знаешь, что мы с тобой можем сделать для бабы Шуры?

— Что? — Она уже не плакала, но была задумчива.

— Молиться за неё. Просить для неё спокойных дней, здоровья. Она сделала для тебя добро, сделай и ты. Проси об этом силы, что выше нас.

Я не знаю, почему решил сказать так, но самому от этих слов стало как-то тихо на душе. Таня поглаживала куклу. Никого другого я не захочу видеть рядом, только её, подумалось мне. Ты безгрешна, чиста, как первый снег. Я давно разуверился, что в наше время встречаются такие очаровательные люди, как ты. Как же ты похожа на белокурого ангела с этой куколкой! Сколько всего плохого ты можешь

встретить впереди, того, кто попытается коснуться тебя грязными лапами, испортить, забрать эту небесную искорку. Может, для того и дан тебе я, чтобы уберечь от этого? Да, я, конечно, не подарок. И ты нужна мне, чтобы я очистился, изменился, стал лучше, забыл всё плохое и просто начал жить по-новому».

Когда мы проехали Павловск, машину дёрнуло. Ещё на выезде из Богучара я почуял неладное, но, находясь в своих мыслях, не обратил внимания. Я подумал, что двигатель давно «прочихался», однако он взялся за старое. Так мы проехали ещё километров тридцать, и странное поведение автомобиля заметила уже и Таня.

Впереди показалась заправка.

— Ничего, — сказал я как можно бодрее, — сейчас мы самого лучшего бензина зальём, гадость эту в баке разбавим и нормально пойдём, движок отдышится. У меня сто раз так бывало.

Таня всё равно оставалась напряжена.

Когда остановились, она опять полезла в сумочку, протянула уже измятую купюру:

— Хватит уже, так ты и хочешь с ней расстаться.

— Серёж, да мне и правда неловко очень! Заправься из этих, чтобы мне полегчало на сердце, правда, прошу тебя!

— Ну, только если так.

В кассе я заплатил из своих, купил шоколадку и вернул ей деньги. Она удивилась. Я соврал:

— Извини, у них с пяти тысяч сдачи не было.

Мы тронулись в путь, я успокоился: машина теперь вела себя смирно.

— Ну вот, видишь, а ты боялась! — пошутил я через полчаса, и на этих словах двигатель заглох прямо на ходу. Я прижался к обочине, несколько раз пытался завести. Не помогло. Перед нами по правую руку был вытянутый, точно змея, пруд. Мимо проносились машины, большегрузы, и я решил столкнуть на нейтральной скорости автомобиль вниз с насыпи, ведущей к плотине.

— Лучше тут посмотрим, — сказал я и полез в капот, понимая, что влип — я почти ничего не понимал в устройстве машины. Внешне всё было в порядке. Я долго возился без всякой цели, боясь вернуться в салон и признаться Тане, что понятия не имею, как быть дальше. Нигде не искрилось, не дымило, одно «но» — не заводится.

Таня молчала, сидя с куклой в прежней задумчивой позе. Хорошо, что она пока не паникует. Видя мою сосредоточенность, она лишь спросила:

— Можно я пока пройдусь?

Она бродила по берегу и казалась большой девочкой с игрушкой на фоне красно-жёлтого неба и воды.

Я думал: звонить отцу? Не стоит, хотя о нём вспомнил в первую очередь. Он, конечно, бросится на помощь сразу, ночью дотянет меня на тросе, если не разберётся в поломке. Но... нет. И тут вспомнился один дружок, Коля Редин. Конечно, кто же ещё? Он работал в МЧС спасателем и при этом был отличным механиком. Коля внимательно меня выслушал, попросил подойти к капоту, описать, что я вижу, куда-то заглянуть, пощупать.

— Ну, похоже, что вся твоя история с бензином и то, что случилось, никак не связаны, — вынес он, как доктор, вердикт. — Порвался ремень ГРМ.

— И что, как мне теперь исправить?

— Да никак.

— Спасибо, утешил, старик.

— Так ты где вообще?

— Я ехал из Богучара...

— Жаль, не из Мадрида. Вот тебя занесло на твоей колымаге. Край планеты, считай.

— Нет, я уже много проехал, и от Воронежа стою не так чтобы далеко. Сейчас посмотрю на навигаторе... Хотя и так помню, дорожный указатель был. Кажется, Хренищи.

— Классное название, очень подходит! — Коля смеялся.

— И не говори, тебе-то весело, не ты в каких-то Хренищах заглох, — ответил я серьёзно. — Прямо за этим указателем пруд вытянутый, на трассе, тут я и стою. Так что, выручишь?

— Извини, Серёжка, сегодня никак. Если б знал заранее, что ты в каких-то Хренищах поломаешься. Я просто уже выпил немного после смены.

— Ах ты, предатель! А мне-то что делать?

— Ночуй там, ночь уж близко. Удочки в багажнике есть? Развернись там и получай себе удовольствие! Я бы и сам сейчас на каком-нибудь прудке не прочь отдохнуть. Вот утром приеду, ремень новый привезу, всё на месте и сделаем. А если не в нём дело, то дотащу тебя. — Он помолчал, отхлёбывая что-то. — Так ты один там?

— С девушкой, — ответил я, глядя, как Таня собирает в букет какие-то травинки.

— Вот, ещё лучше, да тебе вообще, считай, брат, подфартило!

— Ладно, Коль, раз так, ничего не поделаешь. Только прошу — приезжай как можно раньше!

— Часов в восемь меня тогда жди. Спи спокойно, а я на карте гляну, где эти твои Хренищи.

Я пошёл к Тане. Она держала куклу, букет и улыбалась. И казалась такой спокойной, безучастной, что на её вопрос: «Что?» — я ответил: «Ничего».

Мы прошлись по берегу пруда, и я не сразу, но рассказал о нашем положении. Её лицо при этом не изменилось:

— Никак иначе, Таня, прости. Хороший друг рано-рано приедет, и мы тронемся.

— Утром, так утром, — выдохнула она. — Надеюсь, ночью будет не очень холодно.

Об этом я не подумал, но ответил:

— Что-нибудь придумаем.

Порывшись в машине, я нашёл вещь, о которой давно забыл — брезентовую плащ-палатку, упаковку спичек, потемневшую и твёрдую, как камень, пачку соли, а также топорик.

— Мы будем спать в палатке? — спросила Таня.

— Нет, мы разложим брезент, пока будем греться у костра, а потом ты пойдешь спать в машину и укроешься ею. У меня уже был подобный случай, когда без подготовки пришлось спать на природе — плотный брезент сохраняет тепло не хуже одеяла. Я сто раз так делал.

— Да, и сто раз чинил машину тем, что заправлял хорошим бензином, — сказала она без злобы, и я понял, что язык у девушки бывает весьма острым. Милый ангел, которому палец в рот лучше не класть.

— Пойдем-ка лучше в посадки, — предложил я.

— Зачем?

Я хотел ответить: «Увидишь!» — но понял, что в такой ситуации меня можно понять неправильно.

— Дров поищем и грибочков, может быть, на ужин немного соберём.

— А ты в грибочках хорошо разбираешься, Серёж?

— Конечно!

— Надеюсь, лучше, чем в моторах?

Я окончательно убедился, что Таня только внешне казалась тихоней. Ей, скорее всего, не нравилось наше положение, но вместо слёз, причитаний, крика она реагировала спокойно и со злой иронией. Может быть, она даже боялась меня, страшилась предстоящей ночи рядом с трассой и с человеком, которого мало знала. «Ещё немного, — подумалось, — и она сможет меня обидеть».

В посадках я нашёл много подберёзовиков — недавние дожди дали урожай, и червь ещё не успел тронуть этих крепких, на высоких кремовых ножках красавцев. Валежника тоже было столько, что можно жечь костры остаток лета и всю осень напролёт. Таня подняла сухую палку. Иногда она склонялась над каким-нибудь грибом и спрашивала его название.

— Вот свинушка, это зелёная сыроежка, а эта — розовая, — рассказывал я, про себя гордясь тем, что познания в грибах у меня всё-таки есть. — Только они нам совсем не нужны, когда так много подберёзовиков. Этот гриб благородный, его можно сразу на костре зажарить, а те лучше сначала отваривать.

И всё-таки настроение моё нисколько не упало. Мы брели по посадкам, и я думал о том, что в любом случае сегодняшний день я запомню если не навсегда, то надолго. Наша память очень выборочна, а большинство дней серы и унылы. И это легко проверить. Попытайтесь на Новый год, стоя с бокалом шампанского, вспомнить яркие моменты уходящего года. Вряд ли вы восстановите в памяти хотя бы два десятка из трехсот шестидесяти пяти прожитых дней. Так вот, я знал, что этот августовский денёк точно сохранится во всех подробностях.

— Ты прости меня, я, наверное, тебя обидела.

— Нет, с чего ты взяла. — Я не договорил, она положила мне палец на губы и посмотрела в глаза.

— Пойдём обратно, Серёж. Ты молодец.

Эти слова стали, как музыка, как высшая награда и радость. Ради них можно что угодно бросить к ногам такой девушки. Но всё, что я пока мог бросить к её ногам, — это ворох сухих веток. Я разложил брезент, и она села, поджав ноги, и раскладывала бутерброды. Таня не зря взяла большую спортивную сумку, и набрала в неё так много припасов, будто готовилась к такому исходу. Куклу она посадила рядом на брезент и, как девочка, собиралась её кормить.

— Еды у меня хватит, — сказала она.

— Отлично. А как всё съедим, будем собирать дары природы, — посмеялся я. Солнце уже почти село.

— А ты знаешь, — сказала она, приподнявшись и положив голову себе на колени, задумчиво смотря куда-то в сторону. Я в это время сложил «шалашик» из сучков и собирался разжечь, — я, когда была маленькой, мечтала отправиться пешком на край света, дойти до Африки. Там ведь бананов много, а мне так их хотелось. Африку я представляла страной счастья, постоянного лета. Мы тогда жили так бедно, что помню, как с сёстрами один банан на троих делили.

— Подожди, ты прямо про моё детство рассказываешь, оно как раз на девяностые годы пришлось. У меня примерно такая же история была.

— Правильно, я вспоминаю девяносто восьмой, мне тогда как раз лет пять было. Это был «чёрный вторник» так называемый. Тогда мы потеряли все сбережения, а мой папа... повесился.

— Извини, Тань, — произнёс я, замерев. Мне хотелось её обнять.

— Прости, я не о том, — она привстала, протянула ладони к разгорающемуся костру, — я же ведь тебе про поход в Африку начала рассказывать, как мечтала. Вот и думала я, что буду идти туда, идти, в далёкую страну тепла и солнца, останавливаться у речек разных, грибки жарить, картошку печь... И постепенно по дороге будут встречаться друзья. Сначала зайка и лисёнок, потом волчонок и мишка, а потом уж пойдут обезьянки, слоники, панды... И теперь, вот здесь, мне об этом вдруг вспомнилось.

— Ты жалеешь, что поехала?

— А ты?

— Нет, Таня, отвечать вопросом на вопрос — это...

— Нет, не жалею, Серёж.

Я пожарил грибы. Таня села ближе ко мне:

— Там, дома в Добринке, меня ничто не держит, разве что...

Она не продолжала, и я, снимая грибы и готовясь насадить свежие, ждал, не зная, о чем она будет рассказывать.

— У меня там остался друг детства, Димка. Вот с того возраста, как я в Африку хотела уйти, мы с ним примерно и дружили. Вместе на его педальной машинке катались... Представляешь, нас всегда женихом и невестой называли, а он, даже мальчонкой, к этому спокойно относился, и любые издёвки, даже от друзей-одногодок, принимал по-мужски. И меня всегда защищал. Он для меня стал как брат, и я не знаю даже, остался ли он в нашем поселке, или уехал... Хотя о чём я говорю таком, прости...

— Нет, нет, я слушаю, — ответил я как можно равнодушнее, но знал, что Таня говорит о важном

человеке, которого я невольно воспринимал за врага, за самую лишнюю и противную личность, которая могла бы возникнуть, вломиться к нам, нарушив покой и гармонию тихого вечера.

— Димочка был единственный, кому было не наплевать, что я уезжаю в Воронеж, — продолжала она. — Знаешь, он то злился, то смешно чего-то требовал, а потом падал и клялся в любви.

Я был безучастен, хотя она тихо смеялась.

— Он мне говорил, что лучше остаться, что он постарается найти мне в посёлке достойную работу, а когда понял мой настрой, даже порывался ехать вместе...

Сверчки запели. Я жарил грибы и думал, как можно аккуратно сменить тему.

— А потом он, когда понял, что я не шучу и решила уехать, знаешь, что предложил мне? Жениться.

— Представляю, чего уж там, — ответил я еле слышно, сжав зубы. Её колени были так близко, но меня не тянуло их погладить, словно кто-то, юный и дерзкий, встал смеющейся тенью между нами. Что-то оборвалось во мне после упоминания об этом Диме, и понял я: не станет девушка, находясь рядом с человеком, который ей интересен, вот так, в лицо поминать другого. Но, с иной стороны, а ты что хотел, разве важно ей, о чём ты мечтал все это время? Возьми-ка лучше эти мечты в кулак и спрячь поглубже. Девочке посочувствуй. Жареными грибами угости. Выслушай. И постарайся понять.

Таня словно угадала моё смятение:

— Знаешь, я думаю, прошлое все же не стоит тянуть за собой, оно как тяжёлый багаж, который уже не пригодится, и только мешает. И хотя там, во вчерашнем дне, много яркого и дорогого, от него лучше уйти. Я об этом много думала и приняла решение: уехать в Воронеж и поступать в университет.

— Всё правильно, — ответил я и протянул Тане тёмные, немного обугленные грибы. — А он звонит? — зачем-то спросил я.

— Кто?

— Друг твой.

— Так, изредка. А что?

— Ничего.

Совсем стемнело, стало холодно, и я укрыл плечи Тани плащ-палаткой и снова сел рядом.

На небе, словно веснушки, постепенно выступали звезды. Огромное ночное небо будто улыбалось, глядя на нас.

— Не помню, говорил ли тебе, а я ведь нашёл вторую тетрадь с продолжением воспоминаний, совсем случайно.

— Вот видишь, а сам ведь не верил.

— Да, не верил. Там уже совсем другая история началась. Но я сейчас о другом подумал. Чтобы понять теорию Карла Эрдмана о Времени Весны и единстве космоса, даже не нужно вдаваться в какие-то мудрствования. Достаточно просто посмотреть на небо летней ночью, увидеть его порядок и совершенство. Поняв его, расхочется совершать дурные поступки. В космосе нет ничего лишнего, и всё в нём живо, подчинено общей цели. Звёзды — это огненные матери, а планеты — их дети. Управляет ими закон любви, и именно любовь дарит жизнь.

Таня положила мне голову на плечо и слушала.

— Космос учит нас законам любви, вниманию друг к другу, жертвенности. Когда на звезде, то есть на одном из тысяч вселенских солнц, наступает долгожданное время Весны, она отдаёт свои силы, чтобы родить планеты. И точно так должны жить и мы.

В кармане завибрировал телефон. Кто бы ни звонил, я готов был проклясть этого человека на всех языках. Таня поднялась, а затем скрылась в темноте. Моё лицо стало красным от злости, когда я увидел, что звонит редактор Юля. В выходной день, да ещё в половине десятого! Хочешь дать задание? Сейчас услышишь, что я об этом думаю, хорошо, что Таня отошла и не узнает, как крепко я умею ругаться.

— Слушаю! — выдавил я.

— Серёжа, привет, прости, что так поздно! Ты можешь говорить? — Юля волновалась.

— Могу, что случилось?

— Серёжа, представляешь, какая беда! — Она помолчала, я подумал, прервалась связь. — Алло, ты слышишь?

— Да!

— Витя Малуха погиб. Из окна выбросился, два часа назад. Как он мог, почему...

«Позарез нужны две тысячи рублей, а лучше три. Срочно, кровь из носу, старик». — В моей памяти далёким эхом прозвучали слова нашего последнего разговора с ним.

— Родители в шоке, они ничего понять не могут, я была сейчас там, видела их, — продолжала Юля. — И никто ничего объяснить не может. У него ни девушки, ни друзей ведь не было, жил скрытно. Ты в редакции с ним больше других общался, может быть, замечал какие-то странности?

— Нет, — ответил я. Мне хотелось кричать — так было горько, страшно и стыдно.

— Завтра нам нужно всем собраться в редакции, всё обсудить, — сказала Юля. — Лучше утром.

Я объяснил свою ситуацию.

— Будь осторожней, береги себя, — сказала она. — Я в редакции весь день буду, наверное, хоть и воскресенье. Так что заезжай в любое время, поговорим.

— Хорошо, — ответил я и попрощался.

Таня вернулась:

— Что-то случилось?

Я еле-еле кивнул и опустил голову, сжав кулаки. Видя моё состояние, она сказала:

— Я, наверное, пойду в машину, спать хочется.

— Конечно, иди. — Я свернул плащ-палатку и протянул ей. Таня ушла, включила свет в салоне, и я видел, как она, укутываясь в брезент, взяла куклу. Я лёг у костра прямо на траву, смотрел на огонь и не мог сдержать слез.

— Негодяй, — хрипел я. — Какой же я всё-таки... А ещё девчонке вот заливал про космос и взаимопо-

мощь, жертвенность, а сам поступил с человеком как последний гад.

Не сразу, но я впал в затяжной липкий сон, мелькали какие-то дороги, тропинки, лица, куклы... Позже я увидел Витю, из его ушей сочилась кровь, он стонал, корчась в неестественной позе на асфальте. Потом я увидел его живым, он будто подошёл к костру с другой стороны и стал дуть на огонь. Я смотрел на него, тяжело дыша, и даже во сне хотел казаться спящим — всё от стыда перед ним. Витя подложил дров, потом отвернулся, и на фоне синевы пруда и блеска луны он расправил бирюзовые, усыпанные звёздами крылья. Малуха повернул ко мне голову, слегка улыбнулся и подмигнул. Он улетел в вечность, так ничего и не сказав.

Я очнулся на заре, ёжась от холода. Ныло все тело, и особенно — голова. Костёр давно прогорел, над прудом поднялась дымка. Вода будто закипала, как в большом котле. Я подошел к машине — окна покрылись плотной белой пленкой, и я подумал, холодно ли было спать Тане, не заболеет ли? Про себя не хотел и думать, я заслужил за свою чёрствость и лицемерие надолго слечь в постель. Подбросив дров, я стал смотреть, как медленно восходит солнце, и ждать друга.

Коля не задержался — его большой чёрный «универсал», похожий на похоронную машину, свернул с дороги и спустился к моей машине. Таня ещё не проснулась. Редин, как всегда, был слегка небрит и весел. Поздоровавшись, он сразу стал хохмить про меня и поломку, по-разному склоняя Хренищи. Больше всего, похоже, он хотел увидеть мою «спящую красавицу». Я не мог разделить его радости, голова стала болеть ещё сильнее, но я был искренне благодарен ему — Коля не подвёл, и это стало самой хорошей новостью начинающегося дня.

Я деликатно разбудил Таню, постучав в окно. Она напоминала помятого медвежонка и в другой ситуации я бы посмеялся, сказав ей что-то веселое. Девушка, положив куклу на скомканный брезент, поздоровалась с Колей, не глядя на него, и пошла к реке умываться.

Мой друг оказался прав — даже на расстоянии он поставил верный «диагноз», так что за какие-то полчаса, подняв машину на домкрат, он доказал своё право называться автокоролём. Завершив, он улыбнулся, сказав:

— Пробуй, заводи!

— Теперь можешь ехать со своей красавицей куда угодно, хоть в Африку. — Он вытирал руки. — А она, и правда, ничего себе.

Коля уехал раньше нас. Я обещал заехать к нему на днях и отблагодарить, он махнул рукой. Мы ещё долго собирались, точнее, я просто сидел на сырой от росы траве, скрестив ноги, и смотрел на пруд. Понимал, что надо ехать, но боялся с такими тяжёлыми мыслями садиться за руль. Таня не грустила о чём-то в машине, будто понимая и разделяя мои мысли.

— Не обращай внимания, просто у меня кое-что случилось... нехорошее, — сказал я, садясь за руль.

— Не стоит объяснять, Серёж, — ответила она.

Дорогой мы молчали, когда вдали показался Воронеж, оба вздохнули легко, будто поняли, что наконец возвращаемся из долгого и опасного плавания. Весь путь перед глазами стоял образ Вити, вспоминались какие-то наши давние разговоры, которым я раньше не придавал значения. Если бы я был внимательнее к нему, то давно бы заметил нависшую опасность. Боже, всё, что он говорил и делал в последнее время, было красным сигналом, что Витю надо спасать. Будь я добрее и лучше, оказался бы с ним в нужную минуту. Но я не то что не смог спасти его, а даже без угрызений совести отказался дать взаймы. Наверное, моё лицо было грубым, страшным, поэтому Таня даже не смотрела на меня. Но когда мы добрались до «Машмета» и вырулили к дому, я ощутил её губы рядом, почувствовал дыхание. Она поцеловала меня в щёку:

— Серёж, спасибо тебе большое! Пожалуйста, не грусти, я верю, что всё будет хорошо. Ты очень хороший человек, и ты помог мне по-настоящему! Пожалуйста, не переживай, мне больно видеть твою грусть. Я всегда готова тебе помочь.

Я поцеловал Танину ладонь, и на душе стало легче. Если бы не гибель Вити, я бы сиял от её слов.

— Спасибо, Таня, поверь, ты мне и так очень помогла!

— Так я пойду? — спросила она, будто я не отпускал.

— Конечно. Скоро увидимся!

— Да! — Она прижала к груди куклу и выбежала. Я почти тронулся, когда она взмахнула рукой. Может, хочет ещё что-то особенное мне сказать?

— Прости, сумку с термосом забыла.

Я грустно кивнул.

От Тани я поехал в банк, полностью обналичил карточку, затем поспешил в редакцию. Там собрались почти все. Я поздоровался, никто не ответил. Все слушали Юлю.

— Витю хоронить будут завтра, на левобережном кладбище. В закрытом гробу. Страшно разбился, страшно. Я сама не видела, но...

Я, словно тень, подошёл к Юле, отдал ей деньги.

— Сможешь родным передать?

— Конечно, я к ним скоро поеду. Но тут так много...

Я ответил:

— Прости, я поеду, всю ночь не спал. И на похороны не попаду, пойми, не выдержу я всего этого.

Юля кивнула, остальные молчали.

Я подошёл к Витиному столу. Всё так же стоял компьютер, большая гильза времен войны с карандашами, статуэтка Будды, грамота от губернатора. Монитор зачем-то закрыли платком, поставили рядом свечу, портрет Малухи в чёрной рамке. Он улыбался, глядя на меня, и я отвернулся.

«Вот так вот, старичок», — будто говорил он.

Я снова остался один, и это одиночество напирало со всех сторон. Мне стали понятны до холода в

груди мотивы, руководившие Витей в ту роковую минуту. Вся боль, тяжесть и уныние его легли и давили мне на плечи.

На даче я попытался уснуть, но не получалось. Читать воспоминания Звягинцева тоже не хотелось — там были нелёгкие страницы о психиатрической лечебнице. От них можно и самому тронуться, и главное, никто сразу ничего не заметит. Но всё же я взял тетрадь под мышку, вышел к водохранилищу и, отцепив лодку, выгреб подальше. Сидя между двух берегов, стал читать, а в печальном небе то едва загоралось, то пряталось за тучи солнце августа.

9

Я вздохнул, отвлёкшись от тетради. Лодка с опущенными, а точнее, попросту брошенными веслами, без груза отнесла меня далеко, я даже не узнавал мест. Я был совершенно один среди лёгких ветров и свежего дыхания воды. Никаких удочек, никаких целей — только я и огромное пространство воды.

Решил лечь на дно лодки, сложив руки за головой, и просто смотрел на небо. Мне нравилось, что плыву без цели и ориентиров. Я понимал, что теперь мне не нужно никуда спешить. Смотрел и смотрел в синеву, слушал удары волн, меня качало тихо и хорошо, словно я укрылся в колыбели. И тут я поднялся и увидел, что Витя Малуха идёт ко мне по воде. Тихо перешагивая по волнам, он прикладывал руку к глазам, пытаясь среди влажных брызг и стона воды различить, где же затерялась моя лодка. Я застыл, глядя на него и надеясь, что он пройдёт мимо. Он звал меня. Начинался сильный дождь, и под его шум Малуха сумел найти путь и пошёл точно на меня. Я поджал ноги, когда он переступил борт и сел у кормы. Грустно смотрел, скрестив руки на груди.

— Витя, прости меня за всё, ведь я же ничего не знал, не думал, что так может обернуться.

Он ничего не ответил, а пересел ближе, взялся за весла. Я смотрел, как красиво играют мышцы его рук. Мы набирали скорость так стремительно, что казалось, лодка вот-вот поднимется и, сделав в небе несколько кругов над дождливым Воронежем, унесётся далеко к звёздам.

— Прости, — снова сказал я.

— Да брось ты, — ответил он. — Я звонил тогда, потому что выпить нужно было на что-то. И правильно ты сделал, что ничего мне не дал. Забудь. Знаешь, как сильно меня к стакану тянуло! А теперь вот совсем нет. Я свободен, совсем свободен.

Он поднял руки, которые опять стали крыльями, усыпанными блестящими звёздами. Они были красивы, но так огромны, что я невольно сжался и задрожал. Не знаю, почему, но сказал:

— Витя, а я вот плыл без всякой цели и думал до того, как ты пришёл, что и я тоже свободен.

Он засмеялся, подставил ладони под дождь. Вода быстро набиралась, и он пил её с рук. Потом отдышался, вздохнул и сказал:

— Серёжа, так храни всегда в сердце это внутреннее ощущение свободы. И не убивайся так ни по поводу моей смерти, ни вообще. Вот видишь, как мне хорошо теперь стало. Но пойми правильно — за эту черту, которую я перешёл, ты не спеши, не всё так просто. Мне за прыжок предстоит заплатить по полной. Сейчас я свободен, по-настоящему, как никогда, но скоро я отправлюсь в тёмные дали, где долго буду одинок. А виной тому мой поступок. Если бы я не спешил, как дурак, то был бы свободен вечно. Разве что... спеши любить.

Он молчал, любуясь своими крыльями.

— Конечно, жизнь — это постоянная неудача, проигрыш, потеря. Я это понял, но сделал неправильный выбор. А ты пойми и поступи по-другому. В мире живых всё обратимо и всё исправимо, это главное. Знаешь, как я вчера вечером после падения, видя себя со стороны на асфальте, обратно просился? А всё, дело сделано, ничего не изменишь. На меня только строго смотрели неизвестные существа с крыльями, как у меня, и молчали. Потом вот гулять отпустили, объяснив, что будет дальше. Ты живи, братец, живи себе и ни о чём не печалься понапрасну. Видимся мы с тобой в последний раз, старичок. Даже после того, как ты завершишь свой путь здесь, мы вряд ли снова сможем говорить. Цени жизнь, цени тех, кто рядом. И главное скажу ещё раз — спеши любить. Мне пора. Прощай, Серёжа!

Он взлетел в небо, расправив крылья.

Я открыл глаза — дождь равномерно бил мне по лицу, словно постукивал пальцами. Раздался сильный гудок. Я резко поднялся, схватившись за весла. Неведомая сила вовремя вывела меня из сна — рядом проплывал огромный катер, и, если бы я не проснулся, мы бы столкнулись, что стало бы для меня почти равносильным тяжёлой аварии на дороге. По крайней мере, я бы точно не выжил и улетел бы следом за Малухой, если бы в том мире мне это позволили.

«Вот же угораздило меня», — думал я, налегая на вёсла и пытаясь узнать места, куда меня вынесло, чтобы добраться до дачи. Короткий сон, несмотря на его яркие краски и переживания, вернул мне силы. Я чувствовал себя маленькой точкой в океане. Казалось бы, вот оно — одиночество. Но с обеих сторон был город, в котором проживал миллион человек, и получалось так, что я находился в самом ядре этого мира. Да и что нужно для того, чтобы прогнать чувство одиночества? Просто... достать телефон и набрать номер.

Нащупал в кармане мобильный. Ждал с улыбкой, когда же услышу голос Тани, глядя на песчаную косу пляжа далёкого левого берега.

— Да, привет, — сказала она заспанным голосом. Ну конечно же она отдыхала после поездки, как я не подумал об этом! — Нет-нет, всё в порядке. Я и сама хотела тебе позвонить, чтобы ещё раз сказать за всё спасибо! Мы вот спим вдвоём с Галей.

Я стушевался, не понимая, о ком идёт речь, а потом вспомнил, что у куклы есть имя.

— Завтра же, наверное, займусь ей, буду шить-кроить, — сказала она.

— Таня, знаешь, а ведь я позвонил сказать тебе... — Я замолчал.

Вот сейчас я должен произнести что-то особенное, раз уж начал. И я, закрыв глаза, улыбнулся. Но, понимая, что такие вещи не произносят по телефону и она наверняка меня не поймёт, прошептал:

— Давай встретимся как можно скорее, это ведь возможно? Ты и сама сказала, помню...

— Серёж, конечно, только не в ближайшие дни, хорошо? — перебила она. — У меня вот-вот начнутся экзамены, поэтому я буду только готовиться.

— Хорошо, договорились. Но как только все твои экзамены завершатся, ты мне обещаешь встречу?

— Да.

— Вот и отлично. Удачи тебе, Танюша.

— И тебе.

Я услышал гудки и вздохнул. Странно как-то всё и глупо устроено.

10

На работу я решил взять тетрадь Звягинцева. В ней осталось не так много страниц, так что финал истории близок. Сегодня Юля, скорее всего, не будет ходить за нашими спинами, суетиться и требовать новых материалов. А значит, у меня появится время. Мне хотелось побыстрее почитать историю и сразу же позвонить внуку Звягинцева Михаилу, чтобы передать тетради. Я и так слишком затянул с этим, да и от моего небрежного отношения записи сильно потрепались. С другой стороны, благодаря мне эти воспоминания сохранились, и я собрал обе тетради вместе. Теперь, как только дойду до конца, я с чистой совестью передам эти сокровища настоящему их наследнику. Пусть тоже читает, вдумывается. Может быть, он многое поймёт и станет по-иному ценить жизнь, близких людей.

В редакции всё было именно так, как я и предполагал. Все были молчаливы, никто не шутил. Самая молоденькая наша сотрудница Саша старалась что-то написать, но всё время всхлипывала. И я подумал, что слёзы вызваны не сожалением о человеке, а испугом. Сашу поразило то, что Малуха исчез внезапно; что и с ней может произойти подобное, устрашало её. Если бы Витя уволился, скатился бы на дно и там тихо и незаметно ушёл из жизни в угаре, не было бы слёз вообще.

Грустная Юля, плачущая Саша, девушки... Да, теперь с уходом Вити я остался единственным мужчиной в редакции. И я понимал, что время бьёт в глаза своей правдой, что все мы просто стоим на очереди у смерти, одни уйдут рано и внезапно, другие позже. Впрочем, я скомкал эти мысли и выбросил, как ненужную грязную бумажку. Не стоит об этом вообще думать.

Жаль, что урок с уходом Вити Малухи ничему не научит, в том числе и меня. Честно, я вообще не замечал, чтобы у людей происходил серьезный сдвиг в характере, поведении под влиянием чего бы то ни было. Глупцы не умнеют, негодяи не добреют. Это только в книгах люди преображаются, вранье всё. Девочки поплачут, успокоятся, обо всём забудут. И я — тоже. И Юля очень скоро перестанет быть тихой и грустной, а станет обычной крикливой стервой. Ну и что ж...

Ближе к полудню, когда я совсем убедился, что в редакции понедельник пройдет тихо, я отыскал страничку Тани в социальных сетях. Написал ей, спросив, как дела, но она не отвечала. Я подготовил несколько новостных заметок, и, вновь заглянув на её страницу, не увидел ответа. Наверное, на самом деле плотно готовится к экзаменам. Или кукле платье шьёт. Мысленно пожелав ей удачи, я достал из сумки тетрадь и стал читать.

11

Прошло ещё несколько дней, и я наконец получил ответ от Тани. «Привет. У меня всё хорошо. Экзамены сдала, теперь остаётся ждать — зачислят или нет. Как ты?» «Конечно зачислят, ты так готовилась и старалась! Теперь-то встретимся?» — написал я.

Наступила пауза. Таня не отвечала, хотя я видел, что она «онлайн». Может, отвлеклась на что-то или решает, как ответить. Если задумалась, хорошего вряд ли стоит ждать.

«Извини, в ближайшие дни не смогу. Занята».

Ну что ж, к этому и добавить нечего, решил я. И написал: «Предложение о встрече в силе. Готов, если надо, помочь в делах, побыть ещё раз твоим шофёром. Обещаю без поломок».

«Хорошо», — ответила она и прислала смайлик.

Позвонила мама. Она спросила, сильно ли я занят, смогу ли отвезти её в гипермаркет за город. Я, конечно, не отказал, но просьба насторожила. Что-то не так: мама никогда о подобном не просила, всегда с отцом они ездили по выходным за покупками вместе. Уже в магазине, когда подходили к длинному ряду тележек, я почему-то в эту минуту, не думая, выпалил:

— Мам, а что с отцом?

Она на миг остановилась и открыла рот, будто бы я спросил её о чём-то неожиданном и неприятном, вроде того, а не забыла ли она кошелёк дома или не остался ли включенным утюг? Её глаза бегали, словно мама пыталась вспомнить о чём-то, и не могла. Но, придя в себя, сказала:

— Давай об этом не сейчас поговорим, хорошо?

Я кивнул. Ситуация мне не нравилась, и это было лучшее, что я мог сделать.

Я подумал, а не купить ли мне лёгкую куртку на осень, и уже идя к рядам с мужской одеждой, я увидел со спины Таню. Она шла с такой же, как у меня, пустой тележкой, моё сердце забилось при виде её узких плеч и волос. Я всегда не любил подобные встречи со знакомыми в магазинах, они мне каза-

лись нелепыми, так что и сказать нечего — глупо спрашивать про жизнь и дела, заглядывая ненароком, что набрал в тележку знакомый. Но Таня! Это была удача! Если придётся, даже здесь, в мире торговых скидок, объясню ей то, что есть на сердце, раз не сумел сделать это на фоне берёз, костра и тихого пруда. Ну и, раз я серьезный парень, то и с мамой познакомлю, вместе доедем домой, чаю попьем. Отец тоже будет, представлял я, и окажется, что с ним всё хорошо. И папа, и мама ей понравятся, и она им тоже. А дальше — уж что там говорить...

Подбежав, я положил руку на плечо, слегка сжав, улыбался, словно поймал её, как рыбку, наконец. Белые волосы взметнулись нервно, и я увидел чужое и недоброе лицо незнакомки. Накрашенные губы скривились вниз, как подкова, раздался визг, люди от нас отшатнулись. Извинившись, я потупил взор, услышал о себе и моем грубом жесте несколько слов, перемешанных с матом. Мурашки пробежали по коже, никогда грубые слова, произнесенные девичьим голосом, пусть даже и таким хрипловато-прокуренным, так не задевали меня. Я склонился над тележкой, повис, так что передние колеса слегка приподнялись. Боялся, что меня затрясёт и, чёрт возьми, завою от злости и досады, но был рад, что никому из тех, кто пробегает мимо меня с такими же тележками, ни до моего состояния, ни тем более чувств не было дела.

Я снова набрал Таню. Неживой и холодный, хотя и знакомый женский голос отчеканил: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Мысли, как тяжёлые камни, стучали в голове, словно на меня обрушилась лавина, и только появление мамы, её задумчивое спокойствие привели меня в чувство:

— Так тебе ничего разве не надо? — спросила она.

— Здесь — совсем ничего, — ответил я.

На кассе я, хоть и думал о своём, всё же увидел, что купила мама. Помимо бытовых продуктов там хватало каких-то пакетиков, баночек, витаминов. И хотя я её впервые сопровождал в торговый центр, все равно был уверен, что ничего подобного раньше она не покупала, и это, конечно, связано с отцом.

После оплаты я подхватил сумки, и мы пошли к машине. Мама шла рядом и рассматривала длинный, спускающийся к её широкому ремню на летнем платье чек. То ли искала подвох и проверяла, то ли старалась показать, что сейчас ей не до разговора со мной. А я шёл, и почему-то навязчивая мысль не отпускала меня: вот-вот, рядом с дурацкой машиной, где торгуют вареной кукурузой, или у прозрачного входа в бутик окажется Таня. Настоящая. Спокойная, задумчивая, и она улыбнётся, заметив меня. Но ни в этом грубом мире торговли, ни в бесконечно доступном для всех, как считается, виртуальном пространстве интернета, нельзя было найти теперь точки для нашей встречи.

И снова дятел забил в виске, сообщая, что сентябрь наступит через день или два-три, и если я не совсем отстал от жизни, то Танины экзамены давным-давно сданы, и то, что она недоступна, что-то да значит...

Я положил мамины сумки в багажник, ехали до дома молча. Маме было что сказать, но я теперь почему-то и не смел спрашивать. У подъезда я сказал маме, что помогу поднять сумки, а она вдруг стушевалась, ответив, что не надо, вполне может справиться и сама, и я могу уже ехать...

— Отец, наверное, спит-отдыхает сейчас, и я бы хотела тихонько войти, его не разбудить, — нашла она последний аргумент.

— Ну что ж, войдём тихо вместе, — настоял я.

Железная дверь, что поёт мелодией домофона, открылась и захлопнулась.

— Что с ним? — вновь спросил я, сжимая тянущие ручки сумок, когда мы стояли лицом к лицу в лифте.

— Серёжа... Он прошёл обследование. У него опухоль мозга. — На этих словах железные дверцы со скрипом разошлись, и я увидел папу, его улыбку. Он встречал нас радостно в коридоре, но мне стало так плохо, что пошатнулся.

Разувшись, я прошёл в зал и рухнул на диван.

— Что с тобой? — спросил отец.

— Ты мне лучше ответь, что с тобой, пап.

— Ты рассказала? — Он обернулся к матери.

— А что, не надо было, что ли? — резко вставил я. — Неужели ты думал, что от меня стоит такое скрывать?!

Ему нечего было ответить.

Мама бросила сумки в прихожей, и мы теперь сидели на диване. Я подумал, что вот так, втроём, плечом к плечу, мы не были давно.

— Что врачи говорят? — спросил я.

— Нужна операция, — отвечала мама, отец лишь потупил взор и вздыхал тяжело.

— Когда будут проводить? Есть хоть какая-то конкретика?

— Есть, — сказал отец и ушёл на кухню.

— Сынок, беда, — зашептала мама, — на операцию деньги нужны, большие. Там всё серьёзно, у нас в наших клиниках такие не проводят, нужно ехать за рубеж.

— И сколько? — спросил я.

Мама назвала сумму, добавив:

— Не знаю, наверное, квартиру продадим, что нам ещё остаётся.

Я промолчал, не зная, как все это уложить в голове — новость упала на меня, прижав тяжёлым чёрным комком.

— Почему же вы мне не сказали сразу? — спросил я, пытаясь заглянуть матери в глаза, но она не смотрела на меня. — Неужели тогда, в тот день, когда я ушёл из дома и стал жить отдельно, мы... стали настолько чужими, что вы решили от меня скрыть!

Я вскочил.

— Сынок! — крикнула мать, но я махнул рукой и пошёл на кухню. Отец стоял спиной, у него тряслись

руки, и он безуспешно пытался зажечь огонь под чайником.

— Серёжа, не надо! — сказал он. — Не говори больше ничего. И так, видишь, нам тяжело.

И вновь я смотрел на спину отца, как тогда, в лодке, и все мысли, чувства, что были тогда, вернулись ко мне. И я... просто обнял его. Мы долго стояли, ничего не говоря, папа старался, чтобы я не заметил слёз.

— Садись, — наконец сказал я, — давай помогу с чайником.

Наступил вечер, больше к теме болезни и операции не возвращались, будто её и не было.

— Наверное, я у вас сегодня останусь ночевать, — сказал я, и папа с мамой обрадовались.

Мне разложили диван в зале, и мы лежали с отцом, смотрели программы по кабельному каналу о рыбалке:

— А хорошо мы с тобой тогда порыбачили-то, на лодке, — сказал он.

— Да, — ответил я. — И ещё порыбачим.

Мне почему-то представилось, что мы сидим в лодке втроём — я с папой и дядей Геной. Молча держим удочки, а над дымкой поднимается рассвет, становится видным город, купола. И невольно сжались кулаки — неужели возможно такое, что и папа отправится скоро в тот, иной мир, где нет суеты, вранья и предательства... Дядя Гена ведь давно уже там, сидит, спокойно глядя на водную гладь. Но нам с тобой, папа, туда ещё рано.

И я рассказал отцу всё-всё про Таню. Сейчас как никогда мне нужен был его совет.

— В жизни, сынок, главное, не упустить шанс. Знаешь, как легко его упустить, — после долгой паузы сказал он. — Раз встретил девушку, так... спеши её любить, иначе будет просто поздно. В общем, не будь тюфяком. Когда я встретил твою маму, я ухаживал за ней, но был момент, когда между нами оказался третий, и тогда я понял, что могу её потерять. Тогда я просто рассказал ей о том, что чувствую, как она мне дорога. И она обняла, поцеловала, сказав, что я придумал много глупостей насчёт того, третьего, и что ей дорог и нужен только я. Вот. — Он помолчал. — А если бы я затянул тот разговор, признание, кто знает, как бы оно всё обернулось. Так что решай, как теперь быть. Зачем тянуть, ходить из стороны в сторону, если сам для себя уже решил, что этот человек нужен тебе и дорог. И если эта Таня — твоя судьба, так действуй.

— Боюсь, поздно, я её потерял совсем.

— Никогда не поздно, если любишь.

И я уснул, размышляя над его словами.

Утром я встал засветло, попрощался с родителями:

— Куда это ты, неужели так рано на работу ходишь?

— Да нет, хочу на дачу ещё заехать.

— Ох, и любишь ты эту свою дачу, прям сердцем к ней прикипел, — посмеялся отец.

— Да, люблю, — ответил я с грустью. — Ты держись, маму береги. Всё будет хорошо.

— Конечно. И ты не волнуйся. Мы за тебя очень переживаем.

Они проводили меня, стоя у лифта.

Когда подъехал к берегу, разгорался тихий рассвет. Вот он, холодок, первенец сентября. И солнце светит уже по-другому, не так, как летом. Краски его даже утром тёмно-бордовые, печальные, словно прощальный огонь. Я обошёл свой домик и сделал несколько фотографий на телефон с разных сторон. Получилось здорово. Нужно будет потом распечатать эти снимки.

На память.

Объявление о срочной продаже дачи я разместил на сайте всего за пару минут. Цену я поставил ниже, чем купил — понимал, что желающих приобрести дачный дом не в сезон намного меньше, а мне нужно спешить. Да, спешить во всём. До начала рабочего дня было ещё несколько часов, и, включив торшер, свет которого мне тоже показался родным и немного печальным, я взял тетрадь, чтобы дочитать воспоминания Звягинцева до конца.

В Орловской психиатрической больнице Николай Звягинцев пробыл до конца июня сорок второго года. Майор Пряхин, находясь на фронте, направил письмо в больницу с внезапным распоряжением прекратить лечение Звягинцева. Николай начинает понимать, что Пряхин — не такой уж плохой человек, он действовал, исходя из ситуации, и, по сути, спас его от лагерей. Николай идёт из больницы прямиком в городской комитет обороны, где формируется ополчение. Человек в форме НКВД, видя письмо от Пряхина, рвёт справку Николая из психиатрической лечебницы и говорит, чтобы он забыл о своём пребывании там. Немцы уже на подходе к Воронежу. Звягинцев участвует в диверсионной группе народного ополчения и в боях за Чижовский плацдарм получает серьёзное ранение. После долгого лечения в госпитале он узнает, что немцы убили всех пациентов и врачей в Орловке...

«В первой тетради я написал, как выходил утром на крылечко и видел людей — всех тех, о ком шла речь, — прочёл я. — Они стояли в дымке над водой и звали меня, махали руками. Да, мне уже скоро к ним. Я остался ведь совсем один. Один... и на дачах вот тоже никого нет. Только я, да и мой старенький баян тешит душу. Вот поставлю последнюю точку, сыграю себе что-нибудь, может, развеется хоть немного тоска. Я хочу, Миша, чтобы ты вырос хорошим человеком. Может быть, мои тетради объяснят тебе, что главное в жизни. Надо беречь людей, любить их. Только потеряв, ты начинаешь понимать, как они дороги. Я молюсь за тебя, родной. Молюсь, как умею».

12

Выйдя на крыльцо, я дышал сентябрьским воздухом. Было почти девять, а я не выехал на работу. Зазвонил телефон, я вернулся в дом:

— Здравствуйте, это по объявлению, — услышал голос.

«Надо же, как быстро! — подумал я. — Разместил ведь в семь утра, и вот».

— Поймите только, я продаю срочно, — сказал я.

— Да, мы можем приехать посмотреть дачу в любое время, хоть сейчас. Мы давно с мужем мечтали о таком домике, но варианта всё не могли найти подходящего. А тут заглянули, и надо же!

— Тогда приезжайте хоть сейчас.

— А можно?

— Конечно, жду вас, — и я объяснил путь ко мне.

Я позвонил Юле, попросив о выходном.

— У тебя всё в порядке? — спросила она.

— Да, просто есть несколько дел неотложных.

— Конечно, занимайся. Если что надо — звони.

Вот же, подумал я, Юля... зря всё-таки и Витя Малуха, да и я, к тебе относились так предвзято. Нормальная ты девчонка.

Мне предстояло сделать главный звонок — Михаилу Звягинцеву. Конечно, утро понедельника не лучшее время, но позже уже нельзя. Я слушал долгие гудки, сердце отчего-то забилось сильнее.

— Михаил, здравствуйте! Это Сергей, я покупал у вас дачу весной, помните? Нет, всё в порядке, я по другому поводу. Представляете, я нашёл тетради вашего дедушки Николая, в ней он рассказывает о прошлом.

Я начал было углубляться, но тот перебил:

— Сергей, извините меня, мне некогда.

— Я понимаю. Давайте я привезу вам эти тетради, куда скажете. Мне нетрудно.

— Спасибо, не стоит, — ответил он.

— Нет, поймите, — я говорил взволнованно, не понимая его настроя, — эти воспоминания адресованы вам лично, дедушка всё время обращается к вам, простите, что я невольно всё это прочитал, но...

— Сергей, повторяю ещё раз: мне действительно некогда. Если тетради интересные, оставьте у себя или отдайте куда-нибудь в Музей боевой славы.

— Как?

— Всё, извините, я за рулем, — послышались короткие гудки.

Я долго стоял и не мог понять — неужели всё так нелепо... Вот две тетради, измятые, пухлые. Что же мне с вами делать? Первая мысль была — набрать их и отнести в редакцию какого-нибудь журнала, в «Подъём», например, но... Имею ли я право публиковать эту исповедь, ведь она написана только для одного человека. Которому нет до неё дела.

«Я верю, Мишенька, что ты прочтёшь, и наша семейная нить не прервётся...»

Взяв тетради, я положил их на полку. Вы останетесь здесь, в этом домике, где и были, решил я. Ведь я не имел права читать, так пусть будет так, словно я вас и не видел. Меня... меня вы изменили, и сильно помогли. Но я ничего, совсем ничего не могу изменить. И помочь вам. Простите. Я обращался к воспоминаниям Звягинцева, как к живому существу, которому сострадал.

Приехала семейная пара, дружелюбные хорошие люди. Много вопросов не задавали. Мужчина радовался, а хозяйка уже примерялась:

— Теперь понимаешь, что я была права!

— Что?

— Да насчет трюмо, что выбрасывать его не надо. Здесь вот поставим. Какое счастье, что мы увидели ваше объявление, — обратилась она ко мне. — Кто рано встает, тому Бог подает! Просто какое-то знамение, что ли.

Я кивнул. Мы договорились, что в ближайшие дни займемся оформлением бумаг.

Когда они уехали, я поднялся на второй этаж. Слева был шкаф, в который я ни разу не заглядывал, а теперь почему-то решил... Открыв его, увидел большой чёрный футляр, весь в пыли. Поставив его на кровать, щёлкнул медными замками. Белые клавиши баяна сверкнули от лучей, падающих через окно.

— Вот тебя и заберу, на память, — сказал я. — И научусь играть, чтобы... не было одиноко.

Я положил футляр в багажник, укрыв плащ-палаткой, на которой так недавно сидела Таня. Завёл автомобиль и поехал на левый берег, в тот самый дом, где снимала комнату она. Звонить было бесполезно. Поднявшись, постучал. Никто не открывал. Может, эта старушка ушла по делам или вообще съехала? Но замок скрипнул, и сердце моё забилось.

— Здравствуйте, простите, — сказал я. — У вас девушка комнату снимала, Таней звали. Не подскажете, где она?

Старуха недоверчиво посмотрела на меня:

— Плохая эта ваша девушка Таня, — ответила она. — За последний месяц так и не заплатила, всё охала, что денег нет, и позже вышлет.

— Так где же она, скажите? Что с ней?

— Да ничего с ней. Умотала домой в свою эту Добринку. Экзамены провалила, плакала. Ещё говорила, с Димой её каким-то проблемы. Да так и убралась с концами. До свидания, молодой человек. — И она захлопнула дверь, не дожидаясь моих реплик.

Я вышел к машине. Старушки смотрели на меня с интересом, я прошёл мимо лавочек. Зазвонил телефон. Высветился номер Николая Сапелкина — того самого путешественника, который рассказывал о поездке в Магадан на встрече, где мы были с Таней.

— Сергей, я вернулся и звоню, как обещал. Право первого интервью за тобой, готов встретиться и всё рассказать. Отличный материал дам.

— Николай Сергеевич, не смогу никак.

— Что-то случилось?

— Да вот, — не знаю почему, я решил сказать, как есть, — у моего отца опухоль обнаружили, требуется операция. Сейчас продажей дачи занимаюсь, ещё деньги нужны.

— Тем более приезжай завтра, обсудим.

— А что, есть какие-то варианты помочь?

— Да мир не без добрых людей, подумаем. Если беда приходит, надо её вместе решать.

— Спасибо вам, — ответил я.

— Не переживай. Всё будет хорошо. Но про Магадан всё равно право первого интервью за тобой.

— Буду завтра у вас!

— Любо!

Я набрал маме и сказал, чтобы она ни в коем случае пока не продавала квартиру.

— Но как же? — спросила она взволнованно.

— Решим, — ответил я.

Сентябрьский день был тихим, солнечным. Я завёл мотор и нашёл навигатор в телефоне. Вспомнил, как с его помощью искали адрес в Богучаре. Надеюсь, сегодня он мудрить не будет. Нет, вот она, эта Добринка, каких-то полтора часа пути, всё понятно. Главное, до самого посёлка добраться.

«Когда я встретил твою маму, я ухаживал за ней, но был момент, когда между нами оказался третий, и тогда я понял, что могу её потерять, — вспомнились недавние слова отца. — Тогда я просто рассказал ей о том, что чувствую, как она мне дорога. И она обняла, поцеловала, сказав, что я придумал много глупостей насчёт того, третьего, и что ей дорог и нужен только я».

Еду в Добринку, решил я. А там уж, как говорят, язык до Киева доведет, наверняка люди знают, где живёт Танечка Лукьянова. Разыщу, всё-всё, что думаю, чувствую, как есть — расскажу и отдам. А там будь, что будет.

На сердце стало легко и спокойно. Я представлял, как она приглашает меня в свою комнату, а там — много-много кукол, а Галя, за которой мы ездили в Богучар, сидит и блестит стеклянными глазками на самом лучшем месте, у окна...

Воронеж — большой, сильный, мой город-победитель, который я по-новому и крепко полюбил, остался позади. Навигатор отсчитывал километры, сообщая, насколько я ближе к цели. По обе стороны дороги белели, как невесты в золотом наряде, берёзы, и жёлтый лист упал на лобовое стекло.

Я улыбался, представляя, что сегодня, именно сегодня, я наверстаю то, что упустил. Да, нужно спешить любить. И я успею.

Инна ИГНАТКОВА

Одноглазый «тук-тук»

Повесть

Катя ехала к подруге на трамвае. Напротив сидели двое парней. Один другому рассказывал, как съездил в Турцию.

— А чё в Турцию-то? Там же неинтересно, — говорил собеседник.

— Да нет, классно погудели! Всё включено, бассейн огромный...

— Да там же смотреть нечего!

— А чё там надо было посмотреть?

— Ты что, и на экскурсии ни на какие не ездил?

— Я не помню — я все время бухой был! Гы-гы-гы-гы!..

Катя презрительно покосилась на «пилигрима» и встала. Она выходила на следующей остановке.

«Ну, сейчас у Женьки будет то же самое», — подумала она.

Подъезд, облезлый лифт с бабушкой и пекинесом с полувывалившимися глазами, запах борща на седьмом этаже... Катя нажала на кнопочку звонка. Сейчас начнется...

— Ну, рассказывай! Как съездила, подруга?..

Катя сидела на коряге, валявшейся на берегу, и смотрела на волны. В это время года океан у берегов Шри-Ланки штормил днем и ночью. Над калиткой, ведущей на территорию отеля, развевался желтый флаг — это означало, что купаться опасно. Трое русских туристов, однако, отчаянно сражались с волнами, войдя в воду по пояс — они были навеселе и считали, что у них «ультра всё включено», в том числе море.

Молодой смуглый охранник уже минут двадцать, облизываясь, кружил над Катей и, наконец, осмелел настолько, что подошел и спросил:

— Madam, are you alone?[1]

— No, I wait for my boyfriend[2], — ответила Катя и отвернулась от жадного взгляда аборигена.

С того момента, как она ступила на землю этого острова, на нее постоянно глазели здешние мужчины — и не просто смотрели, а чуть шеи не сворачивали, совершенно не стесняясь откровенно разглядывать белую женщину. Сначала от этого было не по себе, но уже через пару дней Катя привыкла. И все же одна, без сопровождения, она бы сюда приехать не рискнула. Но куда же запропастился Петя? Ее уже начинал напрягать тяжелый блестящий взгляд этого сингальца...

А волны шумели и гипнотизировали, засасывая в другое измерение. Их пенные прохладные языки изредка докатывались до босых ступней Кати, все глубже увязающих в песке. Маленькие крабики сновали из дыры в дыру в проделанных ими же в песчаной поверхности берега ходах-лабиринтах. Так можно было сидеть очень долго, хоть целую вечность, постепенно растворяясь в величии окружающего пространства, сливаясь с океаном в одно целое — с тем, из чего мы вышли и куда все когда-нибудь снова уйдем, каждый в свое время.

— Are you like Lanka? — спросил охранник, снова незаметно приблизившись. — Lanka is very beautiful! Wonderful Lanka![3] — сказал он, остановившись рядом с корягой. И тоже устремил взгляд в океанскую бездну.

Не удостоив его ответом, Катя нетерпеливо оглянулась. Петя с двумя коктейлями спешил на помощь

---

[1] Мадам, вы одна?

[2] Нет, я жду своего друга.

[3] Шри-Ланка в переводе с сингальского — «благословенная земля». Сингалец называет ее «очень красивой», «удивительной землей».

со стороны лобби-бара. Как только он подошел, охранника и след простыл.

— Что ему было надо? — спросил он, проводив сингальца недовольным взглядом, передавая Кате стакан и усаживаясь рядом на корягу.

— Известно что! Он интересовался, не одна ли я здесь. Припарился, как банный лист.

— Слушай, я тут сейчас с барменом болтал. Он мне сказал, что этих ребят, бич-боев, до вечера на пляже не будет: если с утра нет, значит, они все разъехались по экскурсиям. Сегодня вечером вернутся, и можно будет договориться на завтра. Еще не советовали покупать экскурсии у Ануша — говорят, он анашой лучше банчит, чем о местных достопримечательностях рассказывает. По-русски ни бельмеса...

— А кто тут анашой не банчит? — не отрывая взгляда от волн, произнесла Катя, вспоминая вчерашнюю прогулку по вечерней Калутаре. От назойливых предложений наркоторговцев отбоя не было. Главное — не разговаривать с ними, тогда они вскоре отвязывались.

После обеда вышло солнце. Океан от этого не присмирел, но можно было позагорать. Катя расстелила большое полосатое полотенце на шезлонге и с наслаждением вытянулась на нем под причудливо изогнутой пальмой. После плотного ланча хотелось поваляться, и на этот раз Катя не стала противиться желанию, идущему вразрез с желанием сохранить фигуру. Во рту все еще жгло от слишком острой ланкийской пищи, но и к этому Катя уже успела привыкнуть за три дня. Хотя пикантность национальной кухни превосходила все ожидания — некоторые блюда даже она, любительница остренького, есть не могла.

Катя стала лениво оглядывать окружающий пейзаж из-под широких волнистых полей своей шляпы. По одну сторону от пляжной территории отеля виднелся угол забора из сетки-рабицы, на котором висела белая табличка с надписью «Саша-тур». С другой стороны другая табличка гласила: «Дима-тур». Парни-гиды так сильно стремились угодить туристам в своей междоусобной борьбе за каждый лишний доллар, что даже имена свои перекраивали на русский манер. Сашу звали на самом деле Ашаном, а как на самом деле звали Диму, вообще никто не знал. Отправляясь сюда, Катя с Петей планировали брать лишь официальные экскурсии и не доверять свою жизнь кому попало. Но, сравнив заоблачные цены официалов с вполне разумными расценками так называемых бич-боев, «пляжных мальчиков», Петя изменил свое мнение. Это беспокоило Катю: в отличие от своего спутника в поездке на край света, она даже не пыталась разобраться, кто из этих двоих, околачивающихся у берега, Дима, кто Ашан, а кто Ануш. Она не собирается иметь с этими сомнительными типами никаких дел, ну как же Петя этого не понимает?!

Пейзаж, однако, стремительно менялся. Вот на смену пьяненьким туристам, пытающимся покататься на волнах на арендованных досках для сёрфинга, пришла пожилая сингалка и разложила на песке разноцветные парео и платки. Она настойчиво предлагала Кате купить у нее что-нибудь, потрясающе усердно улыбаясь, даже демонстрировала, как парит на ветру легкая полупрозрачная ткань. Но Катя не обращала на это внимания — несмотря на молодость, она повидала много стран, что вряд ли бы произошло, покупай она у всех что-нибудь из жалости. Из этого тряпья ей ничего не было нужно. Она не собиралась нарушать режим жесткой экономии.

Катя любила путешествовать — она просто жить без этого не могла. В детстве она много болела и была вынуждена безвылазно сидеть в одном городе наперекор своей природе. А когда повзрослела, стала наверстывать упущенное — не теряла ни одной возможности куда-нибудь съездить и посмотреть что-нибудь новенькое. Ее беспокойная душа находила успокоение лишь в движении, в дороге. А возвращаясь, Катя сразу же начинала чувствовать себя неуютно и планировать новый маршрут.

На Цейлон она приехала со своим парнем Петей. Катя понимала, в какую страну едет — туда, где змеи запросто ползают по улице, вроде как у нас кошки бегают, а климат такой, что даже маленькая царапинка может привести к заражению. Но это ее не пугало и не отталкивало: ни опасности, ни экзотика, ни эксцентричность местных жителей. Она хорошо подготовилась, запаслась медикаментами и антисептиками и пообещала себе, что будет очень осторожна. Ну, разве только покатается на слоне...

А когда вышла из аэробуса и ступила на «благословенную землю» — остров Шри-Ланка, ей словно крышу снесло. Это был другой мир, какого она раньше никогда не видела. Катя будто попала в индийский фильм, какие смотрела в детстве вместе с бабушкой. С той лишь разницей, что фильм показывали по телевизору, и при этом все рыдали, а здесь действие разворачивалось прямо за окнами трансферного микроавтобуса с кондиционером, без которого туристам в этой тропической бане было не обойтись. По узким ланкийским улочкам, как в кино, ходили смуглые женщины в разноцветных сари, с зонтиками от солнца. Как только начинался дождь, все они дружно свои зонтики захлопывали. И не только это — все здесь было наоборот, шиворот-навыворот! Даже движение было левосторонним и слишком бешеным, чтобы быстро к этому привыкнуть и не сидеть все три часа пути от аэропорта до отеля, как на иголках, каждую секунду рискуя распрощаться с жизнью. Некоторые здешние мужчины тоже были облачены в национальный наряд, напоминающий покрывало, обмотанное вокруг туловища наподобие юбки, — саронг. Привычная для них, обыденная реальность.

Но для Кати это был другой мир, она ему не доверяла и настроилась на то, что это будет скорее борьба за выживание, чем отдых. Ее не на шутку встревожила открывшаяся вдруг взору картина, пришедшая на смену рынку на песке: Петя и еще два русских паренька из отеля, приехавшие вчера, о чем-то долго

говорили с подошедшим к ним темнокожим парнем в синей футболке, длинных белых шортах и сланцах. Сингалец долго что-то объяснял, указывал пальцем то в одну, то в другую сторону. А потом Петя вдруг достал из кармана своих бело-сине-красных, под цвет российского флага, шорт деньги и начал отсчитывать купюры.

Катя возмущенно встала и направилась к группе из четырех мужчин. Она решительно шла по песку в своем открытом купальнике, верх которого был черным, а низ — розовым, по последней моде.

...Он ей сразу не понравился, несмотря на то, что не был щуплым и низкорослым, как большинство его соотечественников. Этот был высоким, крепким, широкоплечим. Но больше всего настораживала его физиономия — на шоколадном лице застыло словно бы надменное выражение, как у боксера-чемпиона, а глаза были почти черными и блестели, как у дикого зверя. На голове торчала густая щетка жестких волос.

Петя заметил приближающуюся Катю и двинулся ей навстречу, оставив своего нового знакомого, так и не заплатив ему.

— Ты представляешь, у него экскурсия в храм, куда мы с тобой собирались, стоит всего сорок баксов! За двоих! — радостно заявил он. — Завтра в пять утра выезжаем. К ужину уже назад вернемся. А?

— Петь, ну мы же договаривались, — стянув солнцезащитные очки, упрекнула его Катя.

— Да ладно, один раз живем! С официалами мы столько не посмотрим — они цены задирают в три раза.

Катя колебалась. Предложение было соблазнительным, но это шло вразрез с соображениями безопасности.

— А если кинет?

— Кто? Он?

Петя и Катя повернули головы и оценивающе посмотрели на бич-боя, который тоже взглянул на них. Кате показалось, что он недоволен ее появлением — мол, с мужиком пришел разговаривать, а тут девчонка какая-то палки в колеса вставляет. К женщинам на Шри-Ланке, похоже, относились постольку поскольку: ну есть они — значит, есть, значит, пусть работают и детей рожают, но в мужские дела не вмешиваются.

— Говорят, все довольными остаются, — сообщил Петя.

— Он хоть по-русски разговаривает? — Напряженно соображая о соблазнительности предложения, Катя закусила нижнюю губу. Денег оставалось не так уж и много, а посмотреть хотелось всё.

— Плохо. Но понять можно.

— Как его зовут? — снова бросив подозрительный взгляд на сингальца, спросила Катя.

Теперь ей показалось, что смуглян выглядит обиженно, будто даже губы надул, скрестив волосатые руки на груди в ожидании ее решения. На правом его запястье красовались большие круглые часы — «Командирские». Судя по всему, подарок какого-нибудь щедрого русского туриста.

— Это Ашан, — сказал Петя. — Но он говорит, что разрешает для удобства называть его Сашей. Это его вывеска «Саша-тур».

— А я думала, что Саша — это тот парень, который к нам вчера примазывался.

— А тот был, наверное, Дима, — предположил Петя. — Ну, давай съездим с ним один разок: не понравится — больше не поедем, — уговаривал Петя.

Катя снова бросила на ожидающего Ашана недоверчивый взгляд.

— Ай, ладно, — сказала она, махнув рукой. — Заплати ему уже, а то он, смотри, весь извелся.

Когда Петя расплатился, к Ашану подошла русская девочка лет четырнадцати со странным комплектом продуктов в руках: двумя шоколадками и бутылкой водки. Она отдыхала здесь с отцом и младшей сестрой. Принимая дары из ее рук, Ашан впервые за все это время улыбнулся, сверкнув ослепительно белыми зубами, поблагодарил и побрел прочь по песку.

Катя проводила его подозрительным взглядом.

— Говорят, пару бутылок русской водки они тут выгодно меняют на продукты, которыми целую неделю может питаться большая семья, — сообщил Петя.

— Да кто это тебе всё говорит? — возмутилась Катя.

— Я разговариваю тут со всеми, мне же интересно...

— И что, большая у него семья? — любопытство брало верх.

— Он сказал, что живет один. И его дом стоит десять тысяч долларов.

— Когда это он успел тебе рассказать?! — снова вспылила Катя. — Вы же и пяти минут не разговаривали!

— Это он Кольке сказал, вон тому парню из нашего отеля. Они вчера вместе пили.

— Пили? — Катя с недоверием отнеслась к этому сообщению. Сама-то она в жизни бы не рискнула выпивать с малознакомыми людьми, тем более в чужой стране. Мало ли что там у этого сингальца на уме.

— Колян еще хвалился, что Ашан его крабов научил ловить и они прямо у него дома их приготовили. Ты бы хотела половить крабов?

Первые две ночи в отеле Катя проспала как убитая — дорога, занявшая почти двое суток, была тяжелой. А на третью, перед этой тревожащей сердце экскурсией, не спалось. После полуночи в номере что-то зашуршало. Катя даже Петю попыталась разбудить, но он отмахнулся.

— Это, наверное, ящерка за зеркалом живет, — зевнув, предположил он. И погрузился обратно в свой сон.

Было душно, и Катя решила ненадолго открыть окно. Снаружи в комнату ворвались разные таин-

ственные звуки — от шума океана до крика неведомых птиц и животных. Потом мимо их с Петей балкона прошел приехавший вчера с Украины хлопец — в плавках и с бутылкой виски, к горлышку которой он периодически прикладывался на ходу.

— Оксана! — заорал он. — Окса-а-ан!! — и скрылся за углом здания.

Снаружи было не так страшно, как внутри, в темноте, рядом с неведомыми обитателями номера — ящерицами и гигантскими тараканами, но спать с открытым окном не рекомендовалось — мало ли какая живность может впорхнуть или вползти.

Катя закрыла балкон и еще долго лежала, слушая тихое размеренное похрапывание Петра. И друг с ужасом осознала, что в комнате присутствует еще какой-то звук... Тоскливый, равномерно повторяющийся, кажущийся сверхъестественным гул, граничащий со скрипом. Он то нарастал, то стихал, а потом начал повторяться все чаще и чаще. Катя перевернулась на спину, и внутри у нее все похолодело. Огромный, в полкомнаты размером вентилятор, подвешенный под потолком над их кроватью, покачиваясь, вращал свои устрашающие черные лопасти в жуткой, мутной темноте. Но самое страшное заключалось в том, что он крутился все быстрей и раскачивался все сильней.

Катя схватила Петю за плечо и начала отчаянно его тормошить.

— Ну, чего тебе?

— Смотри! Смотри! Вентилятор!

— Где? — Петя продрал глаза и наконец врубился. — И правда вентилятор. А зачем ты его включила?

— Я его не включала! Он сам начал вращаться, как сумасшедший!

— Нас сейчас сдует — надо его остановить...

Петя включил свет и, щурясь, начал рассматривать выключатели на стене со своей стороны кровати. Один из них выглядел необычно — он не нажимался, а крутился.

— Наверное, вот этот, — решил Петя, крутанув его. И вентилятор начал вращаться еще быстрей.

Катя закричала, отпрыгнув к двери:

— Он сейчас нас на салат порубит!

Повращав кружок в обратном направлении, Пете удалось остановить движение.

— Чертовщина какая-то, — сказала Катя.

— Да ладно тебе — сквозняком его расшатало, он и закрутился. Такое бывает. Ложись спать, вставать рано.

— А вдруг он опять завертится? — не унималась она и собралась в комок, прижимаясь к Петиному плечу. Но Петя уже снова спал.

Катя ненавидела рано вставать. Подняться в пять утра для нее было равносильно пытке. Но ведь не для того она приехала сюда через пол-земного шара, чтобы просто валяться на пляже! Наскоро умывшись, побросала в рюкзак все самое необходимое для поездки — очки, кепку, крем от загара и бутылку воды. Накинула на плечо сумку с фотокамерой и вышла вслед за Петей из номера.

Утро было ясным. Раннее солнце еще не припекало. Ашан уже стоял у ворот отеля рядом с комфортабельным микроавтобусом.

— Прывет! — сказал он подошедшим и улыбнулся. — Как настроэниэ?

— Твой личный автобус? — спросила мрачная, невыспавшаяся Катя, проигнорировав его вопрос.

— Арэнда, — объяснил Ашан, открывая ей дверь и тоже насупившись. Когда он прекращал улыбаться, его лицо автоматически приобретало такое выражение, что кирпича просило.

Забираясь внутрь, Катя наклонилась и, обернувшись, заметила, что Ашан, пользуясь тем, что она не видит, бесцеремонно разглядывает ее сзади. Джинсовые шорты ей, бесспорно, шли, подчеркивая стройность ног. Но Ашан тут же невозмутимо отвел взгляд и начал разговаривать с подошедшим работником отеля. Только сейчас Катя поняла, почему с особым недоверием относилась к этому сингальцу — в отличие от тех остальных, что бессовестно рассматривали ее прелести, он был сдержан и, что называется, себе на уме. Судя по всему, он очень гордился тем, что его бизнес шел лучше, чем у конкурентов.

Минут через двадцать после отъезда Катю стало тошнить. Укачало. Пока Ашан попутно болтал о местных достопримечательностях, сидя рядом с водителем и неустанно оглядываясь в салон на туристов, ей становилось всё хуже и хуже. Петя заметил, что она позеленела, и забеспокоился: не нужно ли остановиться? Она покачала головой, но тошнота не отпускала. Как вдруг Ашан, который словно и не замечал ее состояния, обернулся к Пете и спросил, указав пальцем на Катю.

— Плохо? Пьять минут! — растопырив пятерню, пообещал он. — Будет туалет.

И он быстро заговорил с водителем по-сингальски, показывая, куда свернуть.

Когда Катя ушла, он поинтересовался у Пети:

— Она бэрэменна?

Петя поперхнулся:

— Да вроде нет...

— Катья тозе пить арак? — удивился тогда Ашан.

— Вообще-то она не пьет. Просто ее в автобусах укачивает, — объяснил Петя.

— А... — с пониманием кивнул сингалец. — Скажи ей, здес у нас надо пьить арак — иначе будет это... понос, — посоветовал Ашан. — У вас, русских, слабые зылудки.

В туалете Катю вывернуло. Но сразу стало легче. К автобусу она вернулась уже в благостном расположении духа.

— Сейчас мы ехац рэка Бэнтота. Плавац дзунгли! — сообщил Ашан, когда они доехали до речного причала.

— То есть как это «плавать дзунгли»? — переспросил Рустам, парень из соседнего номера, приехавший вчера утром. — А как же храм?

— Ну это тозэ — Асан все успевац! Этто подарок!

С этими словами он прыгнул первым в обшарпанную лодку с моторчиком и подал руку Кате. Она осторожно переступила на качающуюся поверхность и разместилась на скамеечке вдоль борта, пока Ашан помогал забраться в лодку остальным туристам. Их было немного — не считая Пети, Коли и Рустама, еще семья из трех человек из другого отеля и одиноко путешествующий холостяк дядя Миша. Этот вообще непонятно откуда взялся, вошел в автобус во время одной из остановок и сразу же начал рассказывать о других странах, где ему довелось побывать. Сравнивал, как было на Шри-Ланке пять лет назад, когда он был здесь в первый раз, с тем, как оно сейчас.

— Движение тут, конечно, ужасное, как во всех южных странах, но когда я в прошлый раз приезжал, было во много раз хуже, — в том числе утверждал он, хотя его никто ни о чем не спрашивал. Но ему явно очень хотелось поговорить, как и подобает одинокому путешественнику.

Тем временем рулевой отчалил от берега по направлению к устью, где река впадала в океан. По обе стороны от русла стеной стояли тропические заросли. Ветви причудливых деревьев свисали и уходили прямо в воду, а сверху их переплетения образовывали почти непроглядный свод. В зарослях, однако, были извилистые проходы, по которым без труда могла проплыть лодка. Имелись даже указатели на сингальском языке — вероятно, чтобы лодочникам не заблудиться. Перед въездом в «джунгли» Ашан демонстративно пересел на корму к рулевому и сказал:

— Тут зывет анаконда. Я бояца!

Туристы в его слова не то чтобы не поверили и бесстрашно ринулись к бортам рассматривать окружающую природу, щелкали затворами фотоаппаратов. Катя влезла на нос лодки и начала позировать Пете на камеру. Речная прохлада освежала, бодрила.

Поплавав в зарослях минут двадцать, они выбрались на солнышко. Стало уже совсем жарко. Вдруг Ашан ловко прыгнул на нос рядом с Катей и, поднявшись во весь рост, потянулся за большим овальным фруктом, висящим на ветке. Потом он сорвал еще один такой же фрукт и объяснил:

— Дзэкфрут. Хлебный дерево. Моя мама готовит — оцень вкусна.

Катя недовольно щурилась от солнца, возмущенная тем, что Ашан так бесцеремонно машет своей пятой точкой перед ее лицом, словно какая-то макака. Впрочем, она была не брезглива и не слишком чопорна, чтобы расстраиваться по этому поводу. Наконец он спрыгнул с носа и скомандовал возвращаться к причалу.

— Смотрите: колибри! — закричал Петя, схватив фотоаппарат.

Но редкая птичка мгновенно скрылась в зарослях — ее никому не удалось сфотографировать.

— Это болсая редкость дазэ увидеть, — объяснил Ашан. — Раз в зызни!

— А вон крокодильчик плывет! Смотрите, смотрите! — заметил Рустам.

— А это кто там у рельсов? Варан, что ли? — спросил Коля, указывая на застывшую фигуру ящера на насыпи у железной дороги, тянущейся теперь вдоль берега справа.

— Куда это он собрался? У него есть билет на поезд? — пошутил Петя.

Все рассмеялись.

В завершение этого необычайного для Кати приключения ее снова начало мутить — укачало в лодке. Но одновременно она чувствовала и необыкновенную легкость и силу, которая всегда появлялась у нее близ воды. Мутные речные волны били о борта лодки и гулко булькали под днищем, напоминая о непреходящем, о великом и не подвластном пониманию смысле существования и о том, что такое действительно бывает «раз в зызни». Подумать только — увидеть настоящую колибри! Пока туристы суетились, обсуждая варанов и «летающих собак», висящих вниз головой на ветвях, Катя сидела тихо и думала о вечном. Кроме нее во всеобщей суматохе молчал лишь Ашан, в позе Будды усевшийся на носу лицом к своим туристам. Поймав на себе его пронзительно-черный взгляд, Катя впервые за все время обратилась к нему с просьбой:

— Ашан, я хочу купить сари.

— Хоросо, — сказал он, кивнув. — Сегодня заехац магазин.

— Нафига тебе сари? Ты что его, носить будешь? — поинтересовался сидящий рядом Коля, веселый парень без царя в голове, вечно пьющий, но никогда не пьянеющий. И, не дождавшись ответа, обратился к бич-бою: — Слышь, Ашан, когда мы ужо приплывем? Припекает!

— Нормально! Десят минут! — ответил Ашан, растопырив две пятерни, словно отмахнувшись. Его ладони были светлее тыльных сторон кистей.

— Ашан, ты обещал еще свозить на рынок за фруктами, — напомнил Рустам, который, похоже, собирался перепробовать на Шри-Ланке все яства и все удовольствия, исключая лишь спиртное, которое он, по религиозным убеждениям, совсем не употреблял. Зато курил чрезвычайно много — в день по две пачки сигарет.

— Эт-то ми сегодня останавливаца возлэ рынок, — ответил Ашан. — Пробовать дуриан. Как это у вас говорит? Вону-учий!

Туристы рассмеялись.

— Сутка, — добавил Ашан. — Дуриан сейтяс не сезон.

— Жалко, — расстроился Рустам. — А я так мечтал домой привезти.

— За дурианами в Тайланд ехать надо, — вставил словцо дядя Миша. — Там они дешевле намного. Только в самолет тебя с ним все равно не пустят.

— Почему? — спросил Рустам.

— Вону-учий! — вставил Коля, и все опять рассмеялись.

По пути в храм Ашан попросил водителя притормозить у одной из придорожных лавочек с развалом неведомых фруктов — рамбутанов, мангустинов, саподилл. Впрочем, среди них были и всем известные арбузы, бананы, ананасы, апельсины и даже яблоки.

— Яблоки тозэ у нас растут, но мало, — заметив, куда смотрит Катя, сказал Ашан.

Потом достал пакет, щедро набросал туда разных фруктов и, расплатившись, протянул их ребятам, стоявшим вместе:

— Я угосцаю!

«Щедрый какой», — с недоверием подумала Катя. И осторожно попробовала только кусочек сердцевинки рамбутана — фрукты грязные, мало ли что...

А Рустам наелся немытых плодов от души — похоже, желудок у него был луженый, поноса с ним так и не случилось за все его двухнедельное пребывание на Шри-Ланке.

— А ты почему ничего не ешь? — спросил Рустам Катю.

— Не хочу, — сказала она.

— Да ладно, они же в кожуре! — сунул руку в общий пакет дядя Миша, хоть его никто и не угощал. — А вы знаете, что самые вкусные арбузы, между прочим, в Марокко в начале декабря. Вот когда нужно ехать в Марокко — не пожалеете!

— А где это, Марокко? — спросил Коля, выедая мангустин.

Катя покосилась на него, изо всех сил стараясь скрыть свое презрение к подобному невежеству. Уж она-то географию знала очень хорошо и вообще не понимала, как можно не знать, где находится Марокко. Но говорить ничего не стала.

— А ты хоть можешь на карте показать, где ты сейчас находишься? — словно прочитав ее мысли, пошутил над Колей Рустам.

— Я нахожусь на Цейлоне! — гордо заявил Коля.

— Да нету уже такой страны!

— Страны нет, а остров остался, — нашелся Коля.

На подъезде к храму Ашан попросил водителя остановить автобус у магазинчика и обернулся к Кате.

— Посли, — позвал он. — Покупац сари.

Отодвинул дверь и подал руку Кате, сидевшей у самой двери, а заодно, подумав, и Пете, сидевшему рядом. Остальным оставил право выбираться самостоятельно.

В магазин пошли все — было любопытно, как будет происходить примерка. Среди вешалок с вполне европейскими платьями и футболками располагались полки с аккуратно сложенными кусками ткани всевозможных расцветок — как в магазине текстиля. Это и были сари, наматывающиеся поверх короткого топика с открытой спиной. Катя выбрала для примерки два — красное и зеленое. То есть примеряла не она, а на нее — две девушки, работающие в магазине, потому что сама Катя в жизни бы не разобралась, как это надевать. То есть наматывать. Одна из девушек, несмотря на молодость, была просто необъятных размеров — как многие ланкийки. Вторую можно было бы назвать стройной, но лицо у нее было, как сказал бы Петя, на любителя.

— Ашан, спроси, как они в этом посуду моют? — смеясь, попросила Катя.

Переведя и получив ответ, Ашан сообщил:

— Они класц тарелка посудомоесная масына.

— Не так уж бедно, знать, живут! — заметил Коля, который ходил по «бутику», всё разглядывал и трогал, но ничего не собирался покупать.

— Некоторые в городах зывут хоросо, — объяснил Ашан. — Но моя мама стирать руками. И я сам тозе стирать руками. Девуски Коломбо носят дзынсы. Но мне нравится сари. Это нас национальний наряд. Оцень красиво, — добавил он, глядя на Катю в сари.

— К этому прилагается инструкция? — пошутила Катя, когда обряд одевания был завершен.

Но шутку восприняли всерьез, и Кате выдали самую настоящую инструкцию на английском языке, содержащую два варианта «обертывания» сари — ланкийский и классический индийский.

— Аюбован! — сложив руки, как в молитве, поклонилась девушкам Катя.

Они ответили ей так же учтиво.

На пороге храма Ашан сообщил, что надо снять обувь, показав нечто вроде гардероба с ячейками для сланцев. А потом перепоручил свою группу встретившему их на пороге гиду по имени Маду, вполне сносно говорящему на русском. Как и другие ланкийцы, Маду сразу же принялся обхаживать Катю, чуть меньше внимания уделяя второй женщине, постарше, приехавшей с группой вместе с мужем и десятилетним сыном.

Внезапно перед Катей возник ланкиец в «юбке». Он держал на ладонях зеленый, похожий на вырезанный из молодого кочана капусты, цветок. И предложил купить. Это был, как оказалось, лотос.

— Зачем в храм несут цветы? — спросила у Маду шедшая в самом начале туристической процессии Катя, заметив, что все покупают лотосы. Вроде как христиане покупают при входе в храм свечки, чтобы поставить их перед образами.

— Они символизируют красоту жизни, которая увянет, — ответил Маду. — Люди рождаются, расцветают, страдают и умирают. Как цветы. Будда достиг понимания бессмысленности бесконечной череды смертей и рождений, прервал ее, достиг просветления.

— Разве хорошо будет, если цветы перестанут рождаться и однажды красоты не станет совсем?

На это убежденный буддист Маду искренне рассмеялся, по-товарищески похлопав Катю по плечу:

— Религия учит, как это сделать. Но очень редко при рождении получается человеческая сущность: чаще рождается растение или животное. Однако только человеку дано прервать этот круг, — Маду указал на круги над головой статуи Будды и на венчавший их, устремленный вверх, конусообразный наконечник, обозначающий, надо полагать, отход в

нирвану. — А среди людей буддой становятся не чаще, чем раз в четыре тысячи лет.

— А чтобы достичь нирваны, обязательно быть бездетным? — спросила Маду Катя.

На это он снова рассмеялся — ее вопросы его умиляли.

— Ты что, подумываешь стать буддой? — похлопал он ее по плечу снова. — У принца Гаутамы были дети, и это не помешало ему стать богом.

— Ты стоишь на нирване, — заметил между делом Маду Пете, ставшему босыми ногами на изображение круга на каменном полу у крыльца, ведущего в храм. И начал рассказывать о символике, обрядах, легендах и священных буддистских праздниках.

— Где ты научился так хорошо говорить по-русски? — снова перебила Катя. Ее интересовало все на свете.

— Я учился в Москве. Ашан не учился в Москве, он учил русский язык на пляже, — добавил Маду.

...До Пети у Катерины было несколько романов. Она не обременяла себя напрасными, на ее взгляд, жертвами — никогда не доверялась целиком и полностью одному человеку, никому не верила и себя не утруждала верностью. Ревность, зависть, обиды она справедливо считала опустошающими душу чувствами, обессиливающими и обескровливающими. А потому никто никогда не знал, чего от нее ожидать. Катя и сама, просыпаясь утром, не могла бы сказать наверняка, где окажется вечером. Так было легче. После одних незадавшихся серьезных отношений в самом-самом начале Катя решила брать от жизни все. И у нее это долгое время получалось, несмотря на то, что однажды всё могло плохо закончиться.

А потом она встретила Петю. Это чувство было ново для нее — ей вдруг захотелось не всепоглощающей страсти и не всецелого обладания сердцем одного мужчины, нет, ей захотелось уюта, тепла, тихой семейной жизни до седой старости. То есть Катя, конечно, не собиралась в ближайшее время выходить замуж и сразу же обзаводиться детьми. Но подсознательно ее впервые в жизни стало тянуть на ранее чуждые ей поступки. Например, встретив Петю, она вдруг неожиданно для себя полюбила готовить. Но пока этого было недостаточно, чтобы перешагнуть через себя, через однажды принятое решение быть свободной и независимой, чтобы решиться связать свою жизнь с чьей бы то ни было. И чтобы отказаться от путешествий. В глубине души Катя даже надеялась как-нибудь совершить кругосветку. Однако нельзя же делать бесконечное передвижение конечной точкой своего существования — когда-то придет пора и остепениться. А тут, оказывается, некоторые народы считают жизнь «бессмысленной чередой смертей и рождений»!.. При этом большинство семей у ланкийцев многодетные.

Такие вот нелегкие размышления нахлынули на Катю, когда она шла босиком рядом с Маду по каменным плитам буддистского храма, в сари, которое все время неестественно топорщилось у нее на животе — носить это одеяние было не очень-то удобно, то и дело приходилось поправлять. Она наблюдала, как ланкийские женщины опускают на холодные плиты едва научившихся ползать темнокожих младенцев, огромными любопытными глазами смотрящих и на изваяния Будды, и на нее, белую женщину. Один малыш даже испугался ее и, как обезьянка на пальму, вмиг вскарабкался на мать.

— А что, если они детей здесь нами, туристами, пугают, как мы своих в России — «бабайками»? — предположила Катя.

— Вполне возможно, а что? — согласился Петя.

Внезапно раздался выстрел. И мимо туристов по зале пробежала стая обезьян. У некоторых из них под животом висели цепкие детеныши. Катя вздрогнула.

— Не бойся — это не для людей, это для обезьян, — объяснил Маду, снова тронув ее за плечо. — Они воруют в храме. А выстрелы их отпугивают.

Потом он снова обернулся на Катю, окинул ее неудовлетворенным взглядом и, протянув к ней руки, бесцеремонно поправил и одернул ее сари. Катя виновато и смущенно улыбнулась ему в знак благодарности, а Маду расплылся в счастливой улыбке.

Время экскурсии вышло, но Кате не хотелось уходить. Хотелось сесть рядом с буддистами на пол и надолго задуматься о своем. Так она и сделала.

Из храма Катя уходила обновленной, одухотворенной, умиротворенной. Ей как будто открылась великая истина — намного шире приоткрылась та самая завеса, что лишь изредка приоткрывалась в ее жизни. Нет, не о том, что у нее есть возможность стать буддой, думала Катя. Она представила, как много возможностей вообще дано человеку. Особенно человеку, свободному и умеющему держать в узде свои чувства и мысли. Она могла даже создать новую жизнь — родить ребенка. А могла поселиться в одиночестве и завести пса. Могла еще раз приехать сюда — стоит только захотеть! Могла улыбнуться проходящему мимо...Индус ответил обожающим взглядом. Жизнь можно было любить за многообразие ее решений, за красоту, которая живет сейчас, а завтра умрет. Нирвана — это всего лишь рай. А жизнь, многоликая, полная радости и боли, потрясающе насыщенная, казалась теперь сейчас такой прекрасной.

«С таким жизнелюбием мне никогда не достичь нирваны», — призналась сама себе Катя. И встретилась взглядом с Ашаном.

— Понравилос? — ревниво спросил он, ожидавший у ячеек с обувью. Увидев ее довольное лицо, подал Кате ее запыленные сланцы.

— Очень, — призналась Катя и впервые ему улыбнулась, принимая свою обувь из его коричнево-черных рук. На мгновение их руки соприкоснулись. И ей показалось, что Ашан будто бы нарочно затянул это прикосновение. А может быть, просто показалось. У сингальцев вообще была манера затягивать рукопожатия.

Путь назад скоротали за разговорами. Ашан охотно отвечал на вопросы, много рассказывал о себе. Теперь Катю интересовало многое — она не успевала озвучивать свои мысли, чтобы успеть спросить как можно больше. Вот сейчас Петя узнавал ее, свою любопытную Катюшу, сующую нос везде, куда надо и не надо.

«Оклемалась», — подумал он.

— У нас запресается курить за рулем, — рассказывал Ашан, выбросив бычок под колеса автомобиля. — Москитос! — добавил он, забравшись на переднее сиденье и указав черным пальцем со светлым ногтем на стоящих в отдалении местных «гаишников».

Катя с Петей переглянулись, а потом засмеялись.

— Это они так дорожную полицию здесь называют? — подавшись вперед, уточнил Коля.

— Ага. А у нас, наоборот, запрещено курить в общественных местах, — сказала Катя.

— А полицейских у нас некоторые обидно называют «бобрами»! — пошутил Коля.

— Бобры? — удивился Ашан. — Бобер? — еще раз переспросил он в единственном числе.

— Ага.

— В сингальский слово «бобер» переводица «лена». Лена — это бобер!

— Поняла? Ты — бобер, — обратился семейный турист к своей жене. Та ответила ему красноречивогневным взглядом.

Ашан снова оглянулся на Катю. Возникла пауза, когда он что-то еще хотел сказать, но не вспомнил нужных русских слов и запнулся. Тогда, чтобы разрядить обстановку, он широко улыбнулся. И когда она слабо улыбнулась в ответ и ему пора было бы уже отвернуться, он не сразу отвел взгляд. Контакт глазами продлился на несколько мгновений дольше необходимого. А потом, внезапно застеснявшись, Ашан забарабанил пальцами по пластиковому подлокотнику и, наконец, обратился лицом к несущейся навстречу дороге. Петя беспокойно заёрзал и отвернулся к окну.

Все некоторое время сидели молча. Потом Ашан заговорил вновь.

— Это платное сосэ. Соссэ, — попытался выговорить он.

— Шоссе! — помог ему Коля.

— Да! Стобы сократить дорога, и ви успеть к узыну.

— Спасибо! Ты такой добрый, Ашан, — снова приложившись к пиву, в шутку растрогался Коля.

Ашан снова обернулся, кинув на парня неопределенный взгляд. И продолжал:

— Теперь хоросо, когда оно есц. Раньсэ добираться пять часов! Пять! — Он снова растопырил пятерню. — А теперь всего два.

И он, посмотрев на свои темные пальцы, три из них загнул. Снова улыбнулся Кате и отвернулся. А потом закинул руку за голову и, глядя на дорогу, начал усердно чесать затылок. Быстро на сингальском заговорил с водителем и попросил включить музыку.

Когда приехали, Ашан пожал Пете руку и неожиданно предложил:

— Ты будес сегодня вечером пить со мной арак?

Экзотические обстоятельства всего окружающего так манили, что Петя согласился, не раздумывая. Тем более что на днях их сосед по номеру Коля вот так вот запросто ходил в гости к Ашану, и ничего с ним не сделалось.

— Я угоссаю, — добавил Ашан.

— Ашан, а меня не угоссал! — упрекнул его Коля. — Усе за мой ссет было!

— И тебя сегодня угоссаю, — сказал Ашан без тени улыбки. Он снова смотрел зверем, будто разговаривать был намерен лишь по существу.

— Какая тебе выгода нас угоссять? — спросил Коля.

— Я хоросо заработал на вас сегодня, — честно признался Ашан. — Теперь отдыхать. Как эта?.. Обсяца.

— Общаться.

— Вот!

— А можно мы придем вчетвером, с Рустамом? — предложила Катя, опять же думая о безопасности. Ведь татарин Рустам по религиозным убеждениям спиртного не употреблял вообще — хорошо бы иметь в запасе трезвую голову.

— Конесно! — согласился Ашан. — Приходите тетыре... вте...

— Вчетвером, — помог ему Коля.

— Втетвером! — выговорил Ашан и белозубо улыбнулся. И взгляд его загорелся первобытным огнем.

Ночь в отеле была душной. Петя и Катя спали с включенным кондиционером, но от его сухого холода только еще сильнее хотелось пить. Проснувшись от оглушающего чувства жажды, Катя потянулась за бутылкой, но оказалось, вода кончилась. Предусмотрительная Катя, запасшаяся бутилированной водичкой с вечера, встала за второй, стоявшей на тумбе перед зеркалом. На ощупь откупорив новую бутылку, она припала к горлышку и сразу же все выплюнула на пол.

— Петя! — с омерзением позвала она.

— Ну, что еще? — проурчал, как растревоженный медведь, Петя.

— Петь, вода тухлая!

— Чего?

— Вода тухлая!!!

— Какая вода?

— В бутылке. Из магазина!

— Не может быть, — не поверил Петя.

— На, сам попробуй. — Катя протянула ему бутылку.

Петя поднялся на локте, отхлебнул и побежал в ванную выплевывать.

— Блин, правда тухлая, — согласился он, вернувшись и отплевываясь. — Они что тут, совсем офигели? Тухлятину в бутылки закатывают...

— Пить хочу, — канючила Катя до утра в темноте.

— Попей из кувшина — они же специально питьевую приносят.

— А вдруг она из-под крана? Пить хочу...

Она просто умирала от жажды. Уснуть не удавалось. В голове крутились события прошедшего вечера...

— Что ему надо? Зачем это он нас угощать вздумал? — мучилась сомнениями Катя.

— Восточное гостеприимство, — предположил Петя. — Не бойся, он нас не отравит — у них это не принято.

— Отравить не отравит, а напоить напоит.

— Да он же тут работает — если с нами что случится, на него первого подозрение падет.

— Думаешь, ему на это не наплевать? Потом ничего не докажешь. Помнишь, в Египте у нас деньги стырили из номера?

— То из номера — там сейфа не было.

Катя сама не понимала, зачем это делала, но она шла в гости к Ашану вместе со всеми. И когда это она отказывалась от приключений! Впрочем, да, было дело — и, надо сказать, до сих пор она жалела об этом...

У железнодорожных путей сидел сингалец под зонтиком, поставив босые ноги на рельсы. Когда Петя за руку с Катей собрались пересечь переезд, он вдруг резко замахал им руками и лениво убрал пятки с путей. Через минуту по путям прошел состав.

— Вот это у них техника предупреждения о приближающемся составе! — подивился Коля, шедший чуть позади вместе с Рустамом.

— А если заснет? — предположила Катя.

— Паровоз посигналит — он и проснется, — предположил Петя. — Ноги ему точно не отрежет. Ты в детстве когда-нибудь стояла на рельсах за пару минут до поезда? Знаешь, какая вибрация!

— Да что ты говоришь?! Ты спроси меня еще, сколько раз нужно поезду по болтику проехать, чтобы из него заточка получилась, — съязвила Катя.

— Что, правда? — удивился Рустам.

— Я тоже так делал, когда пацаном был! — подхватил Коля.

Наконец, ребята подошли к назначенному месту и остановились у сувенирного магазинчика. Ашана еще не было.

— Он что, забыл про нас? — возмутился Коля и, достав телефон, стал набирать его номер.

— Эй, Ашан! Ты где? Мы уже пришли! Ага. Ладно. Холосо, говорю! Ждем тебя! Он уже на подходе, — сообщил Коля, положив телефон в карман.

— А откуда у тебя его номер? — спросила Катя.

— Я его в Интернете нашел, когда сюда собирался. Там про всех этих бич-боев написаны разные отзывы. Я позвонил, сообщил, что собираюсь приехать, спросил, что тут к чему...

— То есть он тебя ждал?

— Ну не то чтобы ждал, просто рассказал про экскурсии, сколько у него чего стоит и так далее.

— А почему ты позвонил именно ему?

— Про него неплохие отзывы на сайте были. И вообще, понравился мне этот парняга — и по отзывам, и чисто внешне, по фоткам. По крайней мере, по сравнению с остальными выглядит прилично. Надежнее, что ли.

Катя усмехнулась, вспоминая топорное лицо Ашана. В этот момент он появился из-за угла собственной персоной в сопровождении еще одного сингальца — как он его представил, друга. Вшестером они прошли через бедный сингальский квартал, прямо сквозь дворы с деревянными оградами, у которых валялись груды мусора и кокосовых скорлупок. За ними, клянча конфетку, бежали дети с криками то ли «бамбук!», то ли «бон-бон!» и бедные ланкийские женщины с младенцами на руках. Ашан что-то крикнул им, и они отстали. А Катя отстреливалась от попрошаек своим фотоаппаратом — когда еще такое увидишь и заснимешь?

Вместо того чтобы повести гостей к себе домой, сингалец свернул к большому ресторану.

— Ашан, ты же приглашал нас домой! — заметил Коля.

— Моя мама не успела готовиц сегодня, — объяснил Ашан. — Луцэ ресторан — я угоссаю.

— Да ладно, мы сами за себя заплатим, — возразил Петя.

— Как хотис, тогда я угоссаю только арак. А тебя — кола, — обратился он, тыкнув пальцем в Рустама. — Я помню, ты не пьес.

Ночь спускалась на сказочный остров Цейлон. Это был самый большой ресторан в городке, самый дорогой. Но у Ашана тут, по-видимому, были должники, поэтому он по-барски велел официанту вынести столик под открытое небо, на зеленый газон. Арак достал из пакета, который принес с собой. И долго, вдумчиво делал заказ.

— Катья, ты хотес сладости? — спросил он.

— Я не ем сладкое, — ответила она.

— Как? У тебя тозэ сахарний диабет?

— Слава богу, нет! — усмехнулась Катя. — Что значит «тоже»?

— Раньсэ я был толстый, — принялся рассказывать Ашан, показывая руками, какой он был. — Я много ел сладкое. Много сахар, фрукти, конфеты. А потом у меня стал диабет. И теперь я не есц сладкое. Теперь я опьять много ем масо. — Он положил руку на свой живот, не то чтобы большой, но старательно выпученный, и с удовольствием его погладил. — Но теперь я занимаца спорт. У меня есц команда крикет. Про нас писать местные газета, вот... — Он снова полез в свой пакет и достал оттуда свежий номер, в котором была заметка с фотографией, на которой Ашан, вид сзади, замахивается битой на летящий прямо на него мяч.

— Ты это специально взял нам показац? — спросил Коля, выхватывая у него из рук газету.

— Мм? — Ашан не понял, о чем его спросили. Но переспрашивать не стал, продолжив рассказывать о своей крикетной команде. Похоже, он отлич-

но понимал, когда над ним подшучивали, а когда откровенно смеялись над его акцентом, но не обращал на это внимания — точнее, относился к этому беззлобно, с определенной долей юмора. Он присматривался к русским, старался их лучше понять, научиться у них.

Выпили. Потом еще. Рустаму принесли колу. А потом товарищ Ашана, так и не представившийся, вдруг начал расспрашивать татарина по-английски, женат ли он. И узнав, что тот еще не женат, стал предлагать ему в жены свою старшую дочь.

— Посмотри ее, — настаивал он. — Она просто красавица!

— Ох, нет-нет-нет! — запротестовал Рустам.

— Почему? Ты не веришь? Ты же ее не видел! Хочешь, я приведу ее прямо сейчас? Она красивая!

— Ни в коем случае не хочу тебя обидеть, друг, но она буддистка, а я женюсь только на мусульманке и только на москвичке, — нашел единственно веский в данной ситуации аргумент Рустам.

В этот момент что-то мягкое и пушистое стало ласться к ногам Кати. Она посмотрела вниз и спустя несколько мгновений подняла самозабвенно тершуюся о ее щиколотки и икры серую кошку к себе на колени.

— Катья, нет! — неожиданно громко воскликнул Ашан. И в его глазах все сидящие за столом прочитали испуг.

— Почему?

— Нэ надо!

Он проследил глазами, как Катя опускает животное на траву, точно она не кошку ставила, а бомбу, которая взорвется от малейшего толчка. Или ядовитую змею. Потом показал шрам на своем указательном пальце:

— Я знаю, что ты любис и у тебя дома есц, но у нас коски совсем другой, — сказал он. — Когда меня укусила коска за палец, я месяц лезал больница. У нас они грязный, бесэный. Пойдем мыц руки! — позвал он.

Чтобы попасть в туалет, нужно было пройти через длинную веранду со столиками. Посетителей было не так много, но за одним из столов сидела группа ланкийцев, горящими глазами наблюдавшая за белой женщиной, идущей мимо. Ашан пропустил Катю в дверь уборной, а сам встал «на стрёме». Сидящие за столом о чем-то спросили его и засмеялись. Катя услышала, как Ашан огрызнулся, не поддержав шутки. Она поняла это по интонации.

...Утро наконец наступило. Но горячий чай в ресторане не утолил жажду. А в баре проходила как раз пересменка, и он все никак не открывался — ни в одиннадцать, ни в половине двенадцатого. Наконец, напившись минералки, Катя тяжело нырнула в бассейн с морской водой. О, как же теперь было хорошо, после ночной жажды!

Она пробыла в бассейне, наверное, минут двадцать. Лежала на воде, как на перине, не утруждая себя движениями. А перед глазами то и дело вставали лица и руки чернокожих мужчин — ох и насмотрелась же она на них вчера! Эти шоколадно-черные обжигающие взгляды, светлые ладошки, быстрый непонятный разговор на неведомом языке. И среди них — один горящий черным пламенем, пронзительный взгляд Ашана и его необычный незабываемый акцент: «Пьять минут!», «Оцень хоросо!», «Нормално»...

Был момент, когда Кате казалось, что они живыми оттуда не уйдут. Но это было минутное проявление малодушия — все прошло без эксцессов.

Нырнув с головой и вынырнув в другом конце бассейна, Катя вытерла лицо ладонями и, открыв глаза, увидела вдалеке, за забором, одиноко прислонившуюся к пальме, растущей на берегу океана, фигуру Ашана. Было необычно видеть сингальца в столь ранний час на берегу. Он помахал рукой Пете и Коле, и они пошли к нему по мощенной камнем дорожке.

Парни долго и оживленно беседовали и расходиться будто не собирались. Из любопытства Катя вылезла из бассейна и, наспех вытершись, пошла к ним.

Чуть в стороне, еле заметно кивнув в знак приветствия Ашану, она ступила по щиколотку в воду. Накатывая, волна захлестнула ее ноги чуть ниже колен, и в момент отката Катя почувствовала, будто даже так, почти не касаясь ее тела, океанская чаша тянет ее в свою древнюю бездну. Индийский океан имел потрясающую магнетическую силу — он брал за душу и уже не отпускал. Это вам не какое-нибудь там Средиземное море. С большим трудом, едва не сделав еще один шаг вперед по инерции, за откатывающейся пенной волной, усилием воли Катя отступила. И это было очень сложно — просто выйти из воды.

«Вода — магнит», — подумала она со смутным чувством ужаса в душе, обещая себе больше не входить в океан.

Обернувшись, она увидела Петю, беседующего с Ашаном. Коля стоял в стороне и снимал на видео краба, то высовывающегося из своей норки, то прячущегося обратно.

— Я хочу купить болт, — говорил Петя, показывая на палец. Почему-то на мизинец. Болт! Перстень! Понимаешь? И Катюхе что-нибудь.

— У меня есть тук-тук, — предложил Ашан, посмотрев на ее спину. — Я вас отвезу.

Потом достал мобильный телефон и, делая вид, будто ищет чей-то номер, тайком сфотографировал Катю сзади — полагая, что Петя не замечает. Но Петя заметил. И как бы невзначай сказал:

— Убью.

Ашан накуксился и убрал телефон, делая вид, что он просто убрал телефон. Продолжения разговора не последовало бы, если бы ничего не понявший Коля не спросил:

— В каком смысле?..

— На мою девушку тут, на Шри-Ланке, все шеи сворачивают, — громко объяснил Петя Коле, рассчитывая, что его услышит и Ашан. — Так бы и убил.

Коля многозначительно промолчал.

Через сорок минут, как условились, к воротам отеля подъехала зеленая моторикша — крытый мопед с двумя пассажирскими местами сзади. Впрочем, туда влезли все трое — Петя, Катя и Коля. Ашан взгромоздился за руль. Одна фара у тук-тука была разбита, передок помят. Что было совсем не удивительно при господствующей на Шри-Ланке культуре вождения.

До магазина было около десяти минут езды. И эти десять минут Ашан ехал необычайно аккуратно, что было несвойственно ланкийским водилам.

— Это казэца, сто быстро, — оправдывался он. — Просто громко тарахтец.

— А какой ты хочешь перстень? — спрашивал Коля.

— Болт с сапфиром. И Катьке что-нибудь хочу подыскать, если ей, конечно, что-нибудь понравится.

— Я ездил на днях в Канди в ювелирку, ничего там не купил.

— Дорого?

— Да не, не в том дело. Просто я этому дядьке говорю: «Покажи мне мужские кольца. Мужские!» А он, типа, не понимает и показывает мне какой-то женский хлам. Потом он вроде понял, долго рылся у себя в закромах и опять приносит такое же фуфло. И говорит: это, мол, мужской дизайн. Да у меня бабушка такие носила!

Наконец, мотор резко заглох — будто ему патрубок какой-то перерубили. Катя вышла из тук-тука. У дверей лавки их уже поджидал угодливый хозяин. Вскоре все впятером уселись за квадратный стол, на котором пожилой ланкиец разложил свои сокровища. Катя сидела с краю, Ашан — во главе стола, будто бы в терпеливом ожидании скрутив руки на груди и нахмурившись. Потом его рука как бы между прочим пропала из виду — словно он полез порыться в кармане... А на самом деле осторожно нащупал под столом руку Кати. Она подняла на него глаза, но он невозмутимо смотрел в другую сторону. Опять-таки из любопытства Катя не стала отнимать руки. Пока Петя мерил перстни с сапфирами, Ашан держал ее руку в своей и перебирал ее пальцы, все больше смелея. А над столом все происходило как ни в чем не бывало, — они друг на друга не смотрели. Когда же Кате пришло время мерить перстни, Ашан слегка пожал и отпустил ее ладонь. Он положил локти на стол, и его глаза, устремленные на Петю, снова загорелись черным огнем.

— You are from Russia, you have many money![1] — упрекал хозяин магазина, как ему казалось, скупость дорогих гостей.

— No! — возразила Катя, внезапно вступив в разговор, жестикулируя левою рукой. — We are from russian province[2].

Ашан стрелял черными глазами то в одного, то в другого, делая вид, что ему дела до всего этого нет — его дело, мол, привезти покупателей и получить свою долю прибыли. Наконец пожилой сингалец разочарованно махнул рукой и отдал перстни за треть первоначальной цены. А на Катю накатили тяжелые размышления о жизни и о нирване.

— Даже это дорого, — возразил Петя, когда они снова садились в тук-тук. — Мы думаем, что обидели его, а он ободрал нас, как липку.

— Не нас, а вас, — поправил его Коля, так себе ничего и не купивший. — Возьму лучше чаю побольше друзьям — вкусный он тут у них.

Влезая в тук-тук последней, Катя снова почувствовала прикосновение Ашана, поддерживающего ее под локоть. Обыкновенный вежливый жест. Однако ей почему-то почувствовалось в этой темной душе чужеземца зловещее бурление, будто в вулканическом жерле.

«Неужели этим чернокожим ребятам так трудно сдерживаться рядом с женщинами?» — подумала она, теперь уже сверля взглядом широкую спину севшего за руль Ашана.

— А у них тут бабы все какие-то страшненькие, — вдруг сказал сидящий рядом Коля, снова будто прочитав ее мысли. — Эй, Ашан! Ты вот почему не женишься?

Ашан обернулся, потом снова отвернулся и завел мотор.

— Моя девуска погибла. Три года назад, — спустя некоторое время громко сказал он и тронулся с места. — Разбица на мопеде.

— А, ну тогда извини — я не знал, — ответил Коля.

— Ницэво, — перекрывая рев мотора через плечо бросил Ашан. — Но я любить девусэк. У меня два девуска! — похвастался он.

— Это как это? — поинтересовался Коля.

— Одна — в Москва, вторая — в Украина.

— Ни фига се, а! — удивился Коля, и посмотрел в лица Пети и Кати, будто желая увидеть реакцию. — Во дает! А тут есть у тебя девушка, на Шри-Ланке? Как это говорится, постоянная.

— Нэт, — отрезал Ашан.

После обеда делать было нечего. Катя засобиралась на пляж. Петя вышел покурить на балкончик и присел на соломенный стульчик так, что снизу его заметно не было, зато ему через прорези в перилах была видна зеленая лужайка и на ней темнокожие дети, играющие со своим темнокожим отцом.

Он долго смотрел на эту компанию, погрузившись в размышления, и вдруг неожиданно даже для себя выдал:

[1] Вы из России, у вас много денег.

[2] Нет!.. Мы из российской глубинки.

— I`m looking for you[1], — и тут же прикусил язык.

Чернокожий обернулся по сторонам и, никого не увидев, подобру-поздрову поспешил от балкона, позвав за собой обоих детей.

Петя вдруг расхохотался и долго не мог остановиться. Он весь день рассказывал об этом инциденте — и все, кто его слушал, заливались хохотом вместе с ним, представляя себе эту картину.

— А почему он это сказал? — спросил Коля у Кати, когда Петя в который раз пошел в бар за напитками.

— Ну... знаешь, у него было сотрясение мозга, — сказала чистую правду Катя. — Поэтому иногда он, ну... говорит то, что думает, вслух. Непроизвольно, понимаешь?

— То есть он разговаривает сам с собой?

— Не всегда. Но бывает.

— Слушай, как ты с ним вообще живешь? — спросил вдруг Коля.

— То есть? — резко обернулась к нему Катя.

— Ну, а вдруг он что-нибудь такое однажды выкинет?..

— А вдруг ты завтра что-нибудь такое выкинешь? — сняв очки, парировала она, поглядев в его веселые блестящие глаза.

— Справедливо, — ответил Коля, всеми силами стараясь не показать своего смущения.

— О чем вы с Ашаном сегодня утром разговаривали? — спросила она, равнодушно отвернувшись к морю и отхлебнув ледяного коктейля, — сегодня она намерена была немного выпить и расслабиться. Пора уже.

— А... Дык он опять предлагал встретиться. У него дома.

— Неужели? Когда?

— Сегодня вечером.

Стены его дома были выкрашены изнутри в темно-зеленый цвет. В «гостиной» стояла большая кровать с деревянной спинкой. На столе дымились благовония.

...Они раскурили кубинскую сигару, которую Петя захватил с собой из дома на случай, если придется угостить кого-нибудь. И вот такой случай представился: там, на Кубе, он производил впечатление на кубинок, пуская клубы при помощи электронной сигареты, а здесь, на Шри-Ланке, дразнил бедных сингальцев, раскуривая «коибу». Ашан, как оказалось, знал, где находится Куба, и слышал о кубинских сигарах и Фиделе. Он был счастлив, даже глаза прикрыл от удовольствия, выпуская ароматный дым через ноздри.

— ...Мой дом стоит десят тысяц долларов, — рассказывал Ашан. — Я сам его строил, на свои деньги.

— Ты молодец, Ашан, — отзывался Коля. — И что, много ты на туристах зарабатываешь?

— Нормально. Хватит, стобы поехать осенью Москва.

— Зачем тебе Москва?

— Хочу посмотрец Кремлин, Орузэйная палата, Маузолей...

— О, ты знаешь нашу столицу, Ашан! — Коля сделал вид, что удивлен.

— Я много читац, — отвечал сингалец. — Мне интересно.

Сигару начали передавать по кругу. Когда Петя протянул ее Кате, та возмутилась.

— Ты мне предлагаешь покурить ее после него? — вырвалось у нее. Она прикусила язык. И тут же почувствовала на себе обжигающий взгляд Ашана.

— Ти забыла, сто я понимаю по-русски? — упрекнул он.

Внезапно его взгляд потух. Он словно вмиг переменился. Веселость его исчезла, как не бывало. Набычившись, Ашан отвернулся и тяжело задышал, раздувая ноздри, будто разъяренный бык. Кате стало стыдно.

— Не обижайся, Ашан, девушка просто боится заразы! Она бы и после меня не стала курить. Правда ведь, Катюх? — попытался выровнять ситуацию Коля.

Но Ашан отвернулся к Пете и больше не смотрел на Катю.

— Ты спрашивац про Сигирию. Завтра я туда ехац. Два дэн! — решительно сказал он. — Для вас с Катьей — полцены.

Петя вопросительно взглянул на Катю.

— Двухдневная экскурсия — это тяжело, — заупрямилась она. На нее вдруг накатила непередаваемая усталость — ей захотелось все оставшиеся дни просто валяться на берегу и смотреть на море. Ни черта она не понимала, что такое нирвана и в чем смысл отказа от удовольствий...

— А я хочу. Представляешь, какое это будет приключение!

— Ну ты и поезжай, а я останусь, — посмотрев на обиженного Ашана, ответила она Пете.

— Как я тебя одну тут оставлю? — колебался Петя. Хотел сказать «среди этих», но передумал — а то Ашан еще сильней обидится.

— Не переживай, я за ней присмотрю, — заявил Коля.

— А ты почему ехать не хочешь? — спросил Петя.

— Так у меня ведь тоже «олл инклюзинг».

— Инклюзив, — поправила Катя, снова зевнув.

— Ну да.

— Давай вернемся в отель, — вдруг попросила Катя, которой вдруг стало совсем тоскливо.

В этот момент Ашан, до сих пор не глядевший на Катю, но напряженно прислушивавшийся к разговору, посмотрел на нее в упор. И она посмотрела на него, будто бросая вызов его огненно-черному взгляду.

— Вот те раз, — ничего не понимая, сказал Петя. Он был уже слегка пьян. — Ты разве хочешь спать? Давай еще немножко посидим. До одиннадцати. А потом пойдем. Обещаю!

[1] Я наблюдаю за тобой.

Катя умоляюще посмотрела на Колю, сидящего напротив. Коля тоже был слегка пьян — впрочем, как обычно. Но он понял ее правильно:

— Петь, айда, правда же. Девушка устала, — пришел он на помощь Кате. — Спасибо тебе, Ашан! Всё оцень вкусна была. Но нам пора.

— Пора? — будто встрепенувшись, переспросил Ашан. Выглядел он удивленным до глубины души. Почти оскорбленным. Он, понимаешь, предложил им угощение и почти халявную экскурсию, а они отказываются! Да из-за кого? Из-за женщины!

— Я вас отвезу. — Он решительно встал со стула. — Толка сначала есо угостить, в одно место.

Коля усмехнулся:

— Нет, давай без одного места — девушка хочет спать. Отвези нас в отель.

Ашан посмотрел на Колю с возрастающим непониманием: ему было, по-видимому, непонятно столь заботливое отношение к женщинам — на Шри-Ланке дам, похоже, жалели меньше, считали их рожденными для работы, терпеливыми созданиями, не мешающими мужчинам пить и чинить тук-туки.

— Пятнадцац минут, — заверил он. — Я просто хотю угостиц настояссая ланкийская еда! Ты такого нигде не пробовать больсэ.

— Ну холосо, вези! — махнул рукой Коля. — Только больше никакого арака. Ик!.. Я уже надрался — и сам это понимаю.

— Да, толко поесц! — пообещал повеселевший Ашан. — Я голоден. — Он погладил свой живот. — Катья тозэ понравится этто есц, — добавил он, опять обжигая ее своим пронзительным взглядом. — Оцэнь остро.

В закусочной было полно ланкийских физиономий, будто у них принято было напороться как следует перед сном, когда уже не жарко и больше влезает. В двенадцатом часу они с Петей и Колей начали есть рис, выложенный на блин, запеченный в форме тарелки. Кате не хотелось есть — у нее болела голова. Но она продолжала наблюдать за тем, как сидящие рядом сингальцы ели самую распространенную здесь злаковую культуру с банановых листьев — когда еще такое увидишь? А потом... каждый сам — руками! — добавлял по щепотке неведомых специй, находящихся в дюжине тарелочек, стоящих на общем столе. Местные жители — и Ашан тоже — перемешали рис со специями. Руками. И руками же начали его есть. Катя посмотрела на Ашана и, преодолев брезгливость к антисанитарии, положила себе одну щепоточку — она знала, что для нее и этого будет достаточно. Этим самым она снова принимала вызов — окунуться в неведомый мир, стать его частью, принять его, делать, как они. В конце концов, самое страшное, что может случиться, — это расстройство желудка. И... Петя и Коля последовали ее примеру, переглядываясь. Наконец Коля, весь красный от слишком острой пищи, потянулся к стоящему рядом кувшину с водой, чтобы наполнить свой стакан.

— Не стоит! — засмеялись местные, останавливая его. А ведь могли бы и промолчать...

Вскоре ребятам из России предстояло узнать, для чего этот кувшин: покончив с рисом, сингальцы по очереди начали ополаскивать в нем руки.

— Я принэсу тебе йогурт, — сжалился над Колей Ашан и на миг скрылся в глубине полутемной закусочной.

Петя уехал скрепя сердце в пять утра. А Катя осталась в отеле «наслаждаться жизнью». Но уже к полудню пожалела об этом. Каждый уборщик номеров, идя навстречу, говорил ей: «Пьивет!» — и взгляды их были наглее некуда.

К счастью, за обедом она повстречала Колю.

— Почему одна? — спросил он.

— Петя поехал в Сигирию, ты разве забыл?

— А... — с трудом вспомнил он. — А мне тут три дня всего-то и осталось. Эх, надо было брать экскурсионку, — сказал он и заказал два коктейля — для себя и для Кати.

— Нет, я не хочу, — отказалась Катя. И он выпил за двоих.

— Слушай, — говорил Коля, уплетая за обе щеки очень острые куриные ножки с рисом и карри, — они тут меня уже достали: куда ни пойду, везде предлагают «янг герл» — видят, что я один. Неизвестно чем они тут болеют, правда? Никогда не думал, что этим меня можно так достать. Вообще-то у меня девушка есть в Москве. А эти сингалки все какие-то страшные.

— Да нет, они просто на любителя.

— Толстые!

— Это да, — согласилась Катя. — Полные преобладают.

— Да еще за сто баксов! За сто баксов я и в Москве могу время неплохо провести.

— Интересно, а мальчики у них тут продаются? — задумчиво произнесла Катя.

— А это можно легко выяснить, — вдруг брякнул Коля и вытер руки о шорты.

Катя и не думала, что Коля воспримет ее вопрос всерьез. Когда же они проходили мимо ресепшена, он вдруг вспомнил разговор за едой и, подойдя к стойке, спросил у молодого сингальца, который не раз предлагал ему «янг герл»:

— Вот тут девушка интересуется, а сколько у вас молодой человек стоить будет? Ну это, купить... бой... для любви! Фо лав!

Работник ресепшена недоуменно посмотрел на Катю, пошушукался с сидящим рядом коллегой, которого поначалу не было видно из-за стойки. И вдруг тот, второй, молодой смазливый сингалец с черными усиками, с готовностью выбежал из-за стойки и на полном серьезе заявил:

— Тэйк ми фри![1]

Катя отпрянула и рассмеялась.

---

[1] Возьми меня даром!

— Но-но-но! — отказалась она. — Сенк ю веривери мач! Коля, ну что же ты творишь? — Она схватила Колю за шкирку и потащила быстрее прочь.

Утром после шторма на берегу было очень много мусора: океан выплевывал все, что в него бросили люди. Здесь были и пустые бутылки, и тюбики из-под кремов, и косточки тропических фруктов. Штормило так, что купаться было невозможно. Туристы в шезлонгах потягивали коктейли. А черные уборщики сгребали мусор, рыли ямы и закапывали его в песок. К полудню пляж выглядел чистым и опрятным. Только бесконечные норы в песке, устраиваемые крабами, нарушали песчаную губчатую гладь.

«Мы верим во многие жизни, — вспоминала Катя слова Маду, глядя на бессмысленное снование крабиков. — Очень редко получается человеческая сущность. Но только человек способен прервать бесконечную череду смертей и рождений». Никогда еще Катя не чувствовала такой тяжелой, черной депрессии практически без причины...

На пляже они встретили того самого парня с Украины, который напился намедни до чертиков и разругался со своей спутницей. Дама даже вызвала полицию и попросила политического убежища, благодаря чему двое суток провела в апартаментах для персонала, а после уехала на такси в аэропорт.

— Ну до чего ж она глупая баба! — сетовал Валера. — Она мне пить запрещать еще будет в отпуске! Це ж разве я пью?

— Да не переживай ты так, вернется, — похлопал его по плечу Коля.

— Не, не вернется. На этот раз всё, — сказал он и задумчиво посмотрел в океанскую даль. Погода портилась, дул ветер, собирался дождь. — Пошли, ребята, в бар, что ли, потрындим?

В баре «потрындели» за стаканчиком виски. Но Катя пить не стала — попросила лимонад. Не то чтобы она за Петю переживала — скорее за себя. Как-то неуютно тут было одной, в компании любителей выпить.

— Ну до чего ж глупая баба! Мозгов нету вообще, — продолжал ныть Валера.

— А она что, совсем не пьет? — сочувствовал Коля.

— Немножко.

— Ну а тебе бы понравилось, если бы она в хлам напивалась?

— Нет, женщинам пить нельзя, — серьезно заявил Валера.

— Это почему же?

— Они потом не могут остановиться, перестают соображать... — Он посмотрел на Катю и умолк. — А может, в шахматы резанемся, а? Один разок! — сменил Валера тему.

Когда Катя дважды обыграла Валерия, он заявил, что поддался. И предложил сходить в сувенирный магазинчик за сандаловыми аромопалочками и отбеливающей пастой для зубов. Шопинг удался: Катя сама от себя не ожидала, что от скуки способна потратить столько денег на разные средства для релакса и гигиены. Когда выходили из магазина, уже стемнело.

— Gracias, señora! — отдавая деньги, сказал Коля полногрудой продавщице-сингалке бальзаковского возраста, отчего «сеньора» рассыпалась в любезностях. И даже начала показывать купюры из разных стран, подаренные туристами и положенные на стол под оргстекло — каких там только не было! Коля для пополнения коллекции положил свои сто рублей.

— А наши там, наверное, отрываются по полной, — задумчиво посмотрев в небо, произнес он, когда они шли в отель.

— Надо было ехать, — взгрустнула Катя.

За разговором они не заметили, как к ним из темноты пристроилась темная фигура. Незнакомец некоторое время молча шел рядом, а потом украдкой спросил:

— Анаша? Каннабис?

— Да иди ты к черту! — по своему обыкновению послал его Коля.

— Россия? Украина? — поинтересовался сингалец.

— Босния и Герцеговина! — выпалил Коля. И они прибавили шаг.

Но незнакомец не отставал. Наконец, когда до отеля оставалось метров триста, Коля не выдержал:

— Слушай, ай донт вонт лук ю! — заявил он, двумя пальцами показывая сначала на свои глаза, потом на сингальца. — Ю андестенд? Нет? Я говорю, мы не наркоманы — мы рашен алкоголикс! Андестенд? Пшел на фиг!

Наконец сингалец очень обиделся и пошел прочь, бормоча что-то себе под нос.

Океан шумно накатывал и откатывал. А равнодушные уборщики пляжа, как вчера и позавчера, рыли ямы в песке и, сбрасывая туда мусор, закапывали его. По территории отеля ходили полные сингалки, тоже собирая мусор в большие пакеты, которые затем ставили себе на головы и уносили. Катя и на восьмой день своего пребывания тут не могла поверить в происходящее. Это была совсем другая жизнь, словно сон какой-то.

— Доброе утро, — услышала она. И, обернувшись, увидела Диму.

— Утро доброе, — отозвалась она.

— Я знаю, что вы ездили с Ашаном, — начал Дима. — Но он не учился в России. Я учился в Москве! Я хорошо говорю по-русски. Ашан учил русский на пляже. Я учился университет.

— Да, он рассказывал, — не глядя на него, ответила Катя.

— Я мог бы лучше рассказать о Сри-Ланке...

— Спасибо, мы уже все посмотрели. Завтра уезжаем.

— Уже завтра? Как жалко, — сказал Дима. — Сегодня поехать со мной водопады? Это недалеко — сорок минут на тук-туке.

...Дима водил отвратительно. В одном месте он даже насмерть перепугал полицейского на мотоцикле, вылетев ему навстречу из-за угла: у бедняги чуть шлем с головы не слетел с перепугу.

На водопадах было очень скользко. Катя то и дело поскальзывалась на камнях. А Коля лез в ледяную воду и просил себя фотографировать в различных ракурсах. На обратном пути заехали на каучуковую ферму. А по дороге к отелю Дима начал так гнать, что Катя взвизгивала и пыталась уговорить сингальца ехать медленнее.

— Так ты его жена? — спросил, указывая на Колю, Дима. — Или того другого парня?

— Того другого, — ответил Коля.

— А где он?

— В Сигирии с Ашаном.

Дима присвистнул. И добавил, обращаясь к Кате:

— А у нас женщины становятся очень большие, а когда родят — то еще больше.

— Это он комплимент тебе сделал, — наклонившись к Кате, объяснил Коля. — Клеится, собака.

— Я отвезу вас в ресторан поесть крабов, — предложил Дима. — Очень большие, их есть щипцами.

Крабы Кате не понравились — за обедом она вспоминала кубинских лобстеров, которые казались намного вкусней. Наконец им удалось избавиться от Димы, которому они сказали, что желают остаток пути до отеля преодолеть пешком — было уже недалеко. Расплатившись, они вышли из довольно чистого ресторанчика, который содержал немец, и уперлись вдруг в детский сад. В открытой настежь крытой комнате на полу сидели дети и что-то рисовали карандашами.

— А вы что с Петром это, ляльку не заводите? Не хотите? Или не получается? — спросил Коля.

— Не хотим спешить, — немного помедлив, ответила Катя.

— Правильно с одной стороны. Разве ж с лялькой вот так поездишь?..

Когда закончился очередной тропический дождь, и вышло солнце, Коля и Катя долго плавали в бассейне, пока его не пришли чистить. А после до отвала наелись в столовой.

— Рустама с Петей действительно не хватает, — сказал Коля. — Остальные по-нашему не ботают. А этот Валера совсем достал уже со своим нытьем. Действительно, пьянь — еще удивляется, что его жена бросила...

— Не переживай, он уже нашел нам замену, — Катя указала на трех русскоязычных смуглянок, которых начал охмурять киевлянин.

Женщины улыбались и смеялись его шуткам. Потом все четверо вместе ушли.

Но в ту же ночь, выглянув в окно, Катя увидела идущего босиком по мощенной плитняком тропинке Валеру с неизменной бутылкой в руке:

— Оксана-а! — орал он, явно забыв, чем намедни закончились его отношения с дамой.

А в пятом часу, когда Валера, Катя и Коля еще сидели за столиком у бассейна и резались в карты, к ним подбежал человек с ресепшена.

— Там приехал Ашан! — объявил он по-английски.

Катя и Коля вскочили и помчались встречать друзей. Петя выглядел усталым, но вполне довольным. Он на ходу обнял и прижал к груди Катю, будто очень соскучился.

Но проходивший мимо Рустам был мрачен и недоволен.

— Ужасно! — буркнул он, направляясь за ключами от номера.

— Ужасно? — переспросила Катя. — Почему?

— Мы вас так рано не ждали, — пожимая всем руки и подтягивая плавки, говорил Коля. — Прывет, Ашан!

— Спроси у него лучше, почему он сократил половину обещанного маршрута! — бросил Рустам.

Но Ашан стоял, будто истукан, сложив руки на груди и ожидая, когда с ним рассчитаются за экскурсию. Тогда Катя обратилась к Пете:

— Разве вам не понравилось в Сигирии?

— Понравилось. Только мы в храм пешком поднимались — это было что-то! И там были такие огромные ульи диких пчел! Рустам еще спросил, не опасно ли это. А Ашан ответил, что они «редко на людей нападают». Вот ему и не понравилось.

Катя рассмеялась.

— А как отель, в котором вы ночевали?

— Очень высоко — с балкона вид офигенный. Но, конечно, так себе — клоповник. А ты тут как?

— Да ничего. Мы ездили с Димой на водопады.

— С Димой? Это еще кто?

— Помнишь того второго пляжного гида?

Ашан накуксился, посмотрев на Катю. Она заметила, как ревниво он относится к конкурентам.

— Я хотел возить вас на водопады, — сказал он. — Я знаю места лучше. Но теперь я пойду спать.

— Да, нам всем надо немножко отдохнуть, — согласился Петя.

— А на слонах вы катались? — спросила потом Катя.

— Почему-то Ашан был не в духе и не повез нас к слонам.

— Как он это объяснил?

— Сказал, что билетов не было. А по-моему, он просто не выспался и хотел быстрее попасть домой. Оно и к лучшему: у нас еще осталась пара дней — покатаемся на слонах вместе.

...Теперь Катя уже не то чтобы горела желанием покататься на слоне. Еще меньше этого желания стало, когда к площадке на возвышении, где они стояли, подогнали животное.

— Я такая неуклюжая, — отнекивалась Катя.

— Ну ты чего? Ты же мечтала! — развел руками Петя. — Трусишь? А если больше не подвернется такая возможность?

— Да, ты прав, — сдалась Катя. — Надо попробовать. Только скажи ему, чтобы он нас не загонял в эту зловонную лужу.

На спину животного была накинута кожаная подстилка. Держаться было практически не за что — разве что за веревочку, повязанную на шее Ноны — так звали слониху. И на ощупь слониха была жесткой и колючей, а не гладкой, как почему-то представлялось с детства.

Петя сел за Катиной спиной. Позади них Коля взгромоздился на спину другого слона. Катали людей в основном самки, они были поспокойнее и без бивней. Но Коле достался «мальчик».

«Наверное, когда едешь на слоне, ощущения, будто плывешь на корабле...» — вспомнились Кате слова отца, провожавшего их с Петей.

«Нет, папа, поверь, — мысленно говорила она сейчас. — Это совсем другие ощущения...»

Приятного было мало. Катя завизжала, когда Нона сделала широкий шаг по склону к грязной речке, из которой слоны привыкли поливать туристов из хобота. Она запаниковала.

— Не пугай животное! — пытался успокоить ее Петя.

— Скажи ему, что я не хочу в воду! Скажи погонщику! А-а-а!

Наконец, осознав, что слониха выходит из воды, понукаемая сингальцем, Катя успокоилась. Нона равнодушно направилась по лесной тропе. Навстречу попадались слоны с целыми семьями на спинах и даже с маленькими детьми.

— Не забывай пригибаться, а то снесет веткой, — напомнил Петя.

...А перед глазами все еще стоял двухлетний слоненок из питомника с прикованной цепью ногой. Он истошно кричал, напуганный большим количеством людей вокруг, пришедших поглазеть на то, как его будут поить молоком. Слониха, стоявшая поодаль, по материнскому инстинкту бросилась было к чужому малышу, но ее жестоко ткнули палкой — чтобы не вздумала!.. А в дальнем углу, обхватив огромным хоботом деревянный столб, тяжело вздыхал, сгорбив спину, старый трехногий слон.

— Почему они его не усыпят? Это же просто издевательство! — пожалела калеку Катя.

— Наверное, это идет вразрез с идеологией буддистов, — предположил Петя.

Катя взглянула на Ашана:

— Залко его, — согласился он. — Но мы не мозем убивать. Мы о нем заботица.

— Да вы просто изверги, — ответила на это Катя.

— ...А чтобы хорошо слезть со слона, давай еще десять долларов! — услышала она, вернувшись в реальность.

— Вот это обдираловка! — удивился Петя, но глядя на огромную лужу внизу, полез в задний карман за деньгами. Правда, достал всего три доллара.

— А я-то думала, это арабская сказка, — пробормотала Катя, балансировавшая на шее Ноны.

— А это цейлонская реальность! — крикнул Коля со своего слона, идущего следом.

И, будто в подтверждение его слов, слон прямо вместе с седоками на спине вздумал вспрыгнуть на идущую впереди него слониху, на которой ютились Катя с Петей.

Катя обхватила, насколько это возможно, серую колючую шею Ноны и прижалась всем телом к черной подстилке. Ей было страшно представить, что она себе сломает, если упадет с такой высоты. Это же практически второй этаж!

— А-а-а! Снимите меня отсюда! — запищала она.

Петя отчаянно цеплялся сзади за Катины шорты, тоже стараясь удержаться.

Зато уж Коля сзади укатывался со смеху так, что у него по щекам текли слезы.

— Вот это да, ребята! Такого со мной еще никогда не было!

Смеялся и погонщик. Но, в конце концов, он разогнал слонов. И обиженный самец вгорячах схватил хоботом первую попавшуюся ветку и начал ее жевать.

— Ращё! — успел крикнуть погонщик. То есть «расческа» — пригнитесь. И — о чудо! — никогда не увлекавшиеся рафтингом люди на слонах пригнулись. Ветка никого не задела.

Вечер наступал неумолимо быстро. Время, бесценное, утекало сквозь пальцы песком. Становилось ясно, что обещанный Ашаном ужин отменяется. Ребята просто бродили по песку среди крабов вдоль кромки океана.

— О чем ты думаешь? — спросил Петя, ревниво заглядывая в ее глаза, которые она почему-то отводила. И по которым было заметно, что она не здесь. Но где и с кем?

Катя пожала плечами. Она и сама себе не могла ответить четко на вопрос, где ее мысли. Они словно расползлись по свету, растеклись по всему Земному шару. О том, что завтра уезжать? О том, как много денег ушло на эту поездку, но их ни капельки не жалко? О том, что в последний вечер всегда грустно, а утром будет еще тяжелее, а уж по приезду-то!.. О том, что она должна была что-то здесь понять, обрести. Но не обрела, а еще больше запуталась. И о том, что в ней все-таки что-то необратимо переменилось. Или о том еще, куда поехать в следующий отпуск? Ну и, конечно, о том, как вообще жить по возвращении домой. Нужны ли ей семья и дети? Крепка ли в ней вера в ближних и в свои собственные силы? И прочее...

Об Ашане она уже не думала. Он попросил принести из ресторана закуску, чтобы устроить пикник на пляже. И в свою очередь обещал принести арак и красный ром «Калипсо», в том числе несколько бутылок «на сувениры», за которые намедни получил от Пети деньги. Но пропал без объяснения причин накануне их отъезда. Только Катя его почему-то уже простила за это свинство. И щедро раздавала еду бегающим по пляжу собакам.

Как вдруг ее телефон зазвонил.

— Подоздите меня. Я узе близко. Катья! Пять минут! — быстро заговорил в трубку Ашан.

— Хорошо, Ашан. Мы тебя подождем, — пообещала Катя.

Через десять минут он действительно прибежал к ресторану, у которого условились встретиться — взмыленный и с разбитой, как у сорванца, коленкой.

— Я торопица оцэнь и дазэ упал, — оправдывался он, стирая грязь и почти черную кровь с разбитого колена. И добавил пару ругательных слов по-русски.

При виде этого умилительного зрелища Катя искренне рассмеялась.

— Кто тебя научил материться? — поинтересовалась она, увидев, что лицо Ашана опять принимает обиженное выражение.

— Туристы, — сказал он. И добавил еще два матерных слова, демонстрируя свои знания.

— Ну всё, хватит! Больше не надо, — взмолилась Катя.

— В присутствии девушки материться вообще-то нехорошо, — заметил стоявший рядом Петя.

— А это не опасно? — побеспокоилась Катя, указывая на ссадину. В таком климате и маленькая царапина могла обернуться большими неприятностями. Подтверждением служила ссадина на пальце Кати, не заживающая уже пятый день.

— Нормально! — Ашан махнул рукой и сменил тему. — Пойдем суда! — поманил он в глубь крытой террасы. Это мои друзия — команда крикет. Это Сатман, это Боб, это...

— Я категорически против! — вдруг заартачился Рустам, увидев шайку чернокожих парней за столиком. — Я не хочу с ними здесь сейчас пить! — говорил он, обернувшись к Пете и Коле. — Завтра нам всем уезжать рано утром. Мало ли что!

— Да ладно, это ведь ненадолго. К тому же ты ведь и так не пьешь, — уговаривал Коля. — Это зэ один раз в зызни!

— Да ты достал уже со своей «зызнью»! — не унимался Рустам. — Всё, я пошел! И вам советую!

— Мне тоже не нравится идея, — заметил Петя, разглядывая физиономии сидящих за столом.

— Да ладно, вы чё! Это же его команда, с которой он в крикет играет! Чего их бояться? — продолжал уговаривать Коля. Он-то улетал завтра после обеда.

Тем временем Ашан с возрастающим удивлением смотрел на то, как его белые друзья принимают решение, бояться этой компании или нет.

— Чом дело? — спросил он наконец. И в его глазах мелькнуло подозрение на оскорбление.

— Ашан, ты же нас не обидишь? — прямо спросила Катя.

И когда до него вдруг дошло, что она имеет в виду и почему они медлят, Катя испугалась выражения его лица.

— Ти бояцца меня? — с искренним удивлением, будто сделав для себя открытие, произнес он.

Сингальцы за столом, смоля сигаретами, напряглись и внимательно следили за происходящим.

— Я не отравить! Не напоить! Я вас угоссять! — продолжал Ашан, подойдя к столу, отхлебнув арак из своего стакана, а остальное выплеснув в стоявшую посредине застолья пепельницу. И вдруг его друзья в знак солидарности тоже повыливали в пепельницу остатки из своих стаканов...

— Вот так и рождаются традиции, — заметил Коля, никогда не паникующий и не унывающий. — Ну что, ребята, нам ничего не остается, как присесть с ними за стол. Не то они... обидяцца.

И, потирая руки, первым выдвинул стул.

— Ну хорошо, немножко посидим и пойдем, — сдался Рустам, которого сверлил взглядом сидящий за столом верзила покрупней Ашана. — Только я маме позвоню.

Он вышел, провожаемый недоверчивыми взглядами ланкийцев.

— Я угоссять! Деньги — бумазка! — продолжал все еще разгоряченный обидой Ашан, когда все уже сели за стол. — Главное — длу...

— Друзья, — подсказала Катя.

— Друзия! — подхватил Ашан и вывалил из кармана на стол какую-то бумажную мелочь, несколько рупий. — У меня есть деньги в банк. Много денег. У меня большой счот банк. Я не воровать — я работать. У меня хоросый бизнес. Ашан зе бэст! — закончил он.

— О`кей. Ашан зе бест, — успокаивая, похлопал его по плечу Коля, желая уже закрыть неприятную тему. — И все-таки давай хоть скинемся. У меня тоже есть деньги — я не нахлебник. Я тоже зарабатывать!

— Она — боящца! — продолжал расстраиваться Ашан, указывая пальцем на Катю. — Не верить мне! Но я не обезьяна! Смотри, я тистый! Я моюс! — распалившись, он сорвал с себя футболку, действительно свежевыглаженную, и скомкал ее в руках, протягивая Пете. — Я не тронуц твоя жэна! Она оцэнь красивый, хоросый — но пока она с тобой, я не тронуц пальцем!

С этими словами Ашан бесцеремонно положил обе руки на плечи Кате, словно демонстрируя ее всем присутствующим, потрогал ее волосы. Катя сидела спокойно. Она почувствовала в словах и жестах Ашана некую картинность и поняла, что он злится не по-настоящему. Что он, быть может, хочет перемирия — какого-то жеста с ее стороны. Но остальные сингальцы за столиком сверкали глазами все так же напряженно — и кто их знает, что у них там было на уме...

— Успокойся, Ашан, — снова попытался угомонить его Коля. — Мы верим тебе, верим. Ты не обезьяна — ты человек.

— У меня три сестра, — тыча пальцем в свою обнаженную грудь, заявил Ашан Кате. — Я очень люблю сестра! — И он снова положил свою черную руку ей на плечо.

Но вместо того чтобы остыть, товарищи Ашана, ни бельмеса не понимавшие по-русски, наблюдая за

происходящим, еще сильнее забеспокоились. Они возбуждались все больше. Понимая, что дело дрянь, Катя хладнокровно оценила ситуацию и расстановку сил. Четверо черных товарищей уже раздували ноздри — вполне возможно, в предвкушении драки. А вполне возможно, все это было заранее подстроено. Впрочем, эту гипотезу Катя отмела — нельзя же думать о людях настолько плохо, ничего о них не зная. К тому же не сходились некоторые детали. Например, опоздание Ашана, который перепутал время этой встречи и повез других туристов в магазин. И все же надо было что-то делать. В воздухе запахло жареным. Катя сделала первое, что пришло в голову.

— Ашан, — сказала она, взяв его руку, от чего он мгновенно смолк, словно оглушенный. — Прости, мы не хотели тебя обидеть. Давай выпьем за примирение, — с этими словами она обвила своей рукой со стаканом его руку, второй рукой наливая ему из бутылки арак. — На брудершафт!

Это было первое, что пришло в голову.

Ашан опустошил свой стакан вслед за Катей, не спуская с нее глаз — как затаившийся хищник. Она украдкой метнула взгляд на его посмеивающихся и подшучивающих товарищей. И приняла как должное, что эти люди — не совсем темнота деревенская, и ей, похоже, сейчас придется с ним целоваться.

— Я знаю продолзэние этого обряда, — произнес Ашан.

Их руки были все еще сплетены. Странно было видеть свою почти белую кисть на его, черно-коричневой. Воздух трещал.

Ашан с любопытством посмотрел на Петю, сидящего рядом с Катей.

— Ладно уж, поцелуйся с ним один раз, — дал тот добро, отвернувшись.

Но в тот момент, когда Катя уже готова была принести себя в жертву, Ашан вдруг остановил ее:

— Нэ надо. Я зэ сказал — ты здесь с Петьей, и я тебя не трогац.

Сказав это, он гордо убрал руку.

— Слушай, Рустам, сходи принеси пива, — попросил Коля только что вернувшегося Рустаму. — Выпьем в знак примирения. Заодно маме еще раз позвонишь. Арака мне много не осилить...

— У меня с собой только пять баксов.

— Погоди, я сейчас тебе добавлю. — С этими словами Коля полез в задний карман за деньгами.

Ашан отвернулся, встал в стороне, но не уходил. Продолжал строить из себя обиженного. А Катя разговорилась по-английски с Сатманом, тем самым верзилой. Впрочем, она не была уверена, что правильно произносит его имя. Они говорили о крикете, о том, как составляются ланкийские имена, и о жизни вообще. Петя подружился с Бобом. А Коля трещал с Рустамом.

— Раньше в наших семьях было много детей, пять-шесть, — объяснял Сатман, положив свои мощные бицепсы на пластиковую поверхность стола. Пожалуй, он тут один превосходил по размерам Ашана. — А теперь все по-другому. Вот я у родителей вообще один...

Но через его плечо Катя видела краем глаза их бессменного гида, поблескивающего черными глазами. То он курил, то отхлебывал пиво, совершенно не пьянея.

— Поехали катаца на тук-туке! — неожиданно предложил он. — У тебя есть права? — обратился он к Кате.

— Да, у нее есть права! — заявил уже прилично захмелевший Петя. Ему показалось, Кате будет интересно такое приключение. Тем более что она была практически трезва — опасалась перебрать. А после того единственного «брудершафта» хорошо закусила макаронами с карри. Желая остаться в здравом уме и твердой памяти, лишь только пригубляла и нещадно доливала в свой так и не допитый арак колу.

— Садис! — указал Ашан Кате на водительское сиденье. И сам сел рядом с нею, вплотную. Катя сама не поняла, как оказалась за рулем — все произошло как бы помимо ее воли. Было тесновато, но вполне удобно.

Остальные забрались назад: на сиденье, предназначенном для двух, максимум — трех человек, да и то худощавых, уместились Коля, Рустам, Петя и сингальский друг Ашана, который знал лишь несколько слов по-русски и столько же — по-английски. Все были пьяные и веселые, кроме Кати и непьющего Рустама, и сразу же начали орать песни, в том числе русские народные. Сингалец подпевал, коверкая слова.

Да, Катя была практически трезва. Но все происходящее вскружило ей голову похлеще арака. Однако, услышав звук заведенного мотора и взявшись за руль, она моментально протрезвела и осознала, что делает и какую взваливает на себя ответственность. Но уже не могла отказаться от того, что бывает «раз в зызни». Да, она хотела это сделать! Катя знала, как управлять мопедом, лишь теоретически. Тем не менее, плавно тронулась с места и каким-то чудом включила вторую скорость. Обогнала мотоциклиста, который пытался разглядеть, что же происходит в этом одноглазом тук-туке с помятым передком. А потом начала газовать, и сидящий вплотную к ней Ашан, положив ее руки на свои, попросил остановиться и принялся объяснять:

— Вот так — не надо, видис? — Он начал сильно крутить ручку, газуя на месте. — Так не мозно — понимаес?

— Ага.

— Смотри. Это — нормально. Понимаес? — продолжал он ее учить.

— Да.

— Хоросо. Давай. Поехали!

— Катья, да-вай! Да-вай! — подхватил веселый сингалец с заднего сиденья. — Нани-на, нани-нанина, на-нани-та, на-ни-та, нани-нани-та... Дин-дирин-дан-дан... Русский пипл хо-ро-оший!

— Ой, мороз, моро-оз! Не морозь меня! — затянул во всю глотку Коля.

— Не моро-озь меня-а! Моего-о коня! — подхватили Рустам и Петя.

И насколько необычно было слышать это в тропической ночи, понять смог бы лишь тот, кто ехал в том одноглазом тук-туке.

Они доехали до железнодорожного переезда, через который на днях шли в гости к Ашану. Но на нем тук-тук внезапно заглох. И все затихли.

— Как-то это мы опасно остановились, — заметил Рустам, вспоминая, как быстро и часто проносятся здесь поезда без окон и дверей. В отличие от остальных, ему, трезвому, это уже не казалось забавным. Эти убитые составы-призраки появлялись всегда внезапно, словно из ниоткуда. Их приближение могли почувствовать разве что сингальцы, стоящие на рельсах босыми ногами. Но сейчас никого вокруг не было — только тишина, в которой оглушительно пели, почти кричали, местные сверчки.

Все затихли, но тук-тук не покидали. Ашан чуть отстранил Катю от руля и сосредоточенно пытался завести двигатель. Не было видно ни зги. Коля светил телефоном.

— Бензин кончился, — сказал он наконец.

— Ашан, помни о поезде! — произнес Коля.

Некоторое время повозившись со своим туктуком, мрачный Ашан скомандовал:

— Выхадице!

Все выбежали из тук-тука, в том числе и Петя. А Катя осталась сидеть за рулем вместе с Ашаном. Ей почему-то не было страшно, а он ее не прогонял, потому что, наверное, был уверен в себе. Похоже, он знал, что делать и в какой момент покинуть тук-тук, если завести его сейчас не удастся. Катя надеялась, что знал. Он сосредоточенно громко дышал.

Когда всем вдруг показалось, что вдали слышится гул несущегося поезда, Петя уже начинал трезветь, напряженно вглядываясь в темные очертания тук-тука, стоящего прямо на рельсах. Остальные с замиранием сердца смотрели на странную парочку сидящих вдвоем на одном сиденье за рулем, они выглядели, как черно-белые сиамские близнецы. Или как двуглавое гневное сингальское божество. Они держали руль вместе — руки Ашана лежали поверх рук Кати, тоже держащей руль. Он продолжал возиться со своим рыдваном.

— Бросайте тук-тук и уходите! — крикнул Коля. И отбросил в сторону бутылку, разбившуюся с протяжным тоскливым дребезгом. Его, и правда, спиртное не брало.

Но Ашан только злобно осклабился и сделал еще одну попытку завестись. И в тот момент, когда Петя уже готов был броситься и оттащить Катю из лап смерти, единственный глаз видавшего виды тук-тука вдруг зловеще зажегся, и двигатель затарахтел.

Ашан отчаянно газовал.

— Ты же сказал, что так не надо, — заметила Катя, совершенно не беспокоясь о приближающемся поезде. А может быть, и не было никакого поезда, а был всего лишь акустический обман.

— Ну это... ми посмотрим, — наскоро объяснил Ашан, имея в виду, вероятно, что иногда правила можно и нарушать.

Тук-тук тронулся с места и медленно съехал с путей.

— Это было совсем не смешно! — возмутился Коля, когда вокруг поднялся веселый гвалт поздравлений.

— Бистрей! — махнул рукой Ашан, не желая останавливаться, пока транспортное средство вновь не заглохло. И все попрыгали в тук-тук на ходу. В этот момент позади них с рокочущим грохотом пронесся короткий состав. И так же незаметно скрылся в темноте, как бы и не было его вовсе.

— Вы это слышали? — спросил Рустам.

Но никто ему не ответил.

Теперь Катя просто сидела, больше не желая принимать участие в вождении тук-тука — до нее будто бы вдруг дошло, чем все это могло закончиться только что. Ее левый бок вспотел от сидящего рядом горячего, как печка, Ашана — хоть выжимай. Он мрачно молчал. Никто больше не желал затягивать песен. Ночь была жаркой и душной. Пахло не на шутку разбеспокоившимся океаном, приглушающим все звуки.

Последние сто метров до отеля парни толкали вновь заглохший тук-тук с сидящей внутри молчаливой Катей, которая подруливала.

— Ашан, а если бы он не завелся, ты бы так и не смог бросить свой тук-тук? — поинтересовался уже у ворот отеля запыхавшийся Коля.

— Я не дебил, — не оборачиваясь к нему, безапелляционно ответил Ашан.

— Ну и где он опять? — беспокоился Коля.

— Он обещал прийти к воротам отеля через двадцать минут, — пожал плечами Петя.

— Да ладно! Что мы — еще за аборигенами будем бегать? Пойдем лучше пива выпьем, — предложил Коля. — В последний раз.

— Вы пейте, а я на океан посмотрю, — сказала Катя и ушла.

— Ох, одно расстройство... — вздохнул Коля.

Рустам нервно курил. Потом сказал:

— То есть эта сволочь Ашан забрал наши денежки, а обещанную выпивку так и не принес?

— Ты-то что переживаешь? Ты ведь не пьешь! — заметил Коля.

— Да все равно... Как-то обидно за ребят.

— Сами лохи, — заметил Петя. — Нечего было все это на последний день оставлять. В Интернете, ты же говорил, полно отзывов о кидалове со стороны этих пляжных мальчиков.

— Да кто ж знал! Все же так хорошо было.

— Очень хорошо! Он нас всех чуть не угробил только что, — бухтел Рустам.

— Это он Катю чуть не угробил. А ты вообще-то из тук-тука первым выскочил, — опять поправил Коля.

Внезапно Катин телефон опять зазвонил.

— А где Петья? — спросил Ашан.

— Они в баре, — перекрывая рев океана, отвечала Катя. — Они ждали тебя, но не дождались.

— А у тебя это там сто — океан?

— Да, я на пляже, смотрю на волны. В последний раз.

— Сказы им, я скоро приду.

Внезапно связь оборвалась. И Ашан вышел из темноты за спиною Кати.

— Скажи им сам, — сказала Катя, обернувшись. — У тебя тариф выгодней.

Когда пришли остальные, Катя с наслаждением плюхнулась прямо на песок, тем самым приглашая и остальных сесть кружком. Так они и сделали. Совсем рядом ревел океан. Разговор шел о разном, о вечном — о том, что они, быть может, приедут на следующий год снова и в том же составе. Но каждый знал, что этого не случится. Даже Рустам в тот вечер выпил, а потом первым пошел спать. Вторым ушел Коля. А Петя растянулся на деревянном шезлонге под пальмой и закемарил.

— А ты, говорят, видел цунами? — спросила Катя, присев рядом с Ашаном у подножия пальмы. Песок был сырым и прохладным — в последний раз. Чернокожие друзья резвились в сторонке — ловили крабов с фонариками.

— Да, видел. Десят лет назад. Тот день я был на пляже. Я видел: море отосло на пятьсот метров. — Он поднял руку и словно отогнал от себя океан. — Я побезал отель — предупредиц всех. Кто не успели безать — лезтьц на пальма. Пальма очень крепкий, волна прошла — пальма стоит, — сказал он, похлопав по стволу пальму. А потом добавил: — Мой друг, его зэна и дети были в автобусе на берегу. Все погибли.

Помолчали. Океан шумел, ревел, накатывая в сумраке на песок, будто пытаясь дотянуться до их ног.

— Ты видишь эту красоту или ты к ней привык и уже не замечаешь ее? — спросила Катя.

— Я знаю, сто у нас самая красивая зэмля.

— А ты другие земли разве видел?

— Это невазно. Мозет, разбудить Петью?

— Не надо, пусть спит.

— Хотес я ессо покатать тебя на тук-туке?

— Нет, спасибо. Я хочу попрощаться с твоим океаном.

Еще помолчали... На Катю снова накатила тяжелая депрессия, неразрешимая — какой она никогда не чувствовала, даже когда было намного тяжелее, чем сейчас.

— А вот представь себе: жили мы себе на свете, жили, а потом нас не стало. Мы любили красоту, друг друга, цветы, фрукты, дорогие напитки, отпускающие боль... Но я не могу, все равно не могу убедить себя, что ничего этого не было нужно! Во что вы верите? — заговорила Катя. — В какой-то бред! Что от всего этого надо отречься! Что нужно жить, как бомжи?

— Да, надо зыть, как бомзы, — твердо ответил Ашан.

— Почему же ты собираешься ехать в Москву? Зачем ты учишь наш язык?

Он белозубо улыбнулся и пожал плечами, с любопытством и откровенным восхищением наблюдая за ее попытками постичь непостижимое. Осилить мыслью то, что неподвластно уму человеческому.

— Вот почему, скажи мне, ты сейчас смотришь на океан? — привела она еще один аргумент, как ей казалось, разрушающий до основания учение о нирване.

— Потому сто ты рядом, ты красива, и я восхиссяца, — внезапно сказал Ашан, перестав улыбаться. — Вон смотри! — Он снова положил черную руку на ее плечо, а вторую протянул вперед и указал пальцем на еле заметную пока полоску рассвета вдали над океаном. — Утро наступит — и тебя не стать. А я узэ здес. И я тозэ умереть. Я не стать бог! И ты не стать бог. Потому сто нам хоросо. Разве тебе не хоросо?

— Да, ты прав, хоросо, — угрюмо сказала Катя, внезапно сдавшись.

Они снова надолго замолчали, глядя в даль, в темноту, и думая о нирване. И постепенно Кате начало казаться, что они растворяются в этой темноте. Что ее больше нет.

— Может, это она и есть? — сказала Катя. — Но тогда и она не вечна! Она сейчас кончится, твоя нирвана, — раздраженно добавила Катя, вспомнив про спавшего на шезлонге в паре сотен метров отсюда Петю и про утренний рейс. — Значит, и ставший буддой может внезапно захотеть кофейку, выйти из транса и предать свою веру.

Ашан встрепенулся, повернув голову и посмотрев на Катю, словно она сказала что-то непростительно крамольное.

— Это нелзя понимать, это надо просто поверить, — без тени шутки произнес он. Будто собирался объяснить, вдолбить ей, неверующей. — Они — боги, мы — люди, — указал он сначала на небеса, потом на себя и на Катю. Он почти сливался с темнотой, но Катя угадывала его движения, как будто хорошо видела его всего, а не только зубы и белки глаз. — Так есц. А я не бог — и я слаб отказаца от всего.

Их обдало брызгами разбившейся о лежащую на берегу корягу волны.

На душе было тяжко — уезжать всегда тяжело. Из мыслей почему-то не уходил ставший привычным за все эти дни образ темнокожего Ашана. Его подкупающая щедрость и напускная доброта. Его голос, его «ш», которое он произносил как «с», «ж» — как «з». Его чернокожие друзья, их с Петей белые товарищи, которые разъезжались отсюда со слезами на глазах. Катя знала, что тоже будет сдерживать слезы — так всегда бывает. Но ведь это лучше, чем ничего. Чем всю жизнь не выезжать из одного-единственного города — от таких мыслей становилось просто тошно.

«Господи, я ведь правда никогда больше такого не увижу», — думала она, глядя на океан, который на стыке с небом предательски светлел. Потом она поняла, что борется со сном и хочет, чтобы утро подольше не наступало.

Двухэтажный аэробус разогнался и тяжело оторвался от земли. В этот момент у Кати возникло ощущение, будто у нее отвалился и остался там, внизу, большой кусок сердца — целая половина. В первые минуты полета она была уверена, что обязательно вернется за ним, например в следующем году. Но уже к концу полета, к моменту приземления Катя думала по-другому. Она знала, что никогда не вернется на Шри-Ланку, никогда больше не увидит Ашана и его темнокожих приятелей, не погуляет по мокрому песку, случайно наступая босыми ногами на самых нерасторопных крабиков. Не в ее правилах было приезжать дважды в одно и то же место, жизнь слишком коротка для такого нерационального использования времени и средств. В крайнем случае, она может поехать в Индию, где все почти то же самое, только, говорят, неопрятнее...

Во время полета на высоте десять тысяч метров Катя смотрела фильм на немецком языке о Второй мировой войне и молча глотала слезы. Гул шасси, выпущенных загодя, несколько приглушил боль, напомнив свист ветра в дверных щелях в российские февральские метели. В момент соприкосновения с землей стало немного легче. Но тут же зазвонил телефон.

— Вы долетели нормально? Ты позвонис мне по «Скайпу»?

— Только что приземлились. Ашан, ты не представляешь, как я уже скучаю, — сказала Катя то, что чувствовала.

— Я тозе оцэнь скучаю, — сказал Ашан. — Я есо позвоню. Ти позвонис мне по «Скайпу»?

— Хорошо, до связи.

— Пока.

— Пока.

По приезду Катерина навестила родителей, чтобы показать фотографии и вручить привезенные из путешествия сувениры. Но родители завели свою пластинку о том, что лучше никуда не ездить — и деньги, и здоровье, и нервы целее, мол, будут. К тому же собака, огород, дом... Кто за всем этим последит?

Катя слушала, как всегда молча, но настроение ее за тарелкой ботвиньи было мрачнее некуда. И от этих здравых рассуждений становилось еще хуже. В конце концов, она небрежно бросила ложку в тарелку и заявила:

— Я все равно буду путешествовать — сколько смогу. Потому что в этом моя жизнь.

— Вот поэтому я и не люблю никуда ездить, — подвел черту отец. — Во избежание таких вот стрессов...

И посмотрел на угрюмое лицо Кати.

«Мы просто разные люди, — думала Катя, не желая вступать больше в полемику. — Для меня жизнь, о которой они мечтают, — это медленная мучительная смерть».

— Ты не представляешь, как там было здорово — я словно побывала в сказке, — пыталась объяснить пришедшей в гости подруге Катя.

— Что-то я не поняла... Вы что, так и не переспали? — с открытым ртом слушая рассказ подруги, разочарованно спросила Женя.

— Дура ты, Женька! — сказала Катя.

Алена БЕЛОУСЕНКО

Динозавры

Рассказ

Юре было девять лет, но он мало что понимал про себя. Разве что носил внутри чужие, брошенные в него фразы, осторожно, слово в слово. И потому знал, что противным нравом пошёл в отца, хотя ни разу его не видел. А ещё то, что в садике писался во время тихого часа, мама с воспитательницей его за это ругали, а он от обиды плакал. Знал ещё, что глупее других детей и что шутки у него несмешные. И достаточно было этих скудных штрихов, чтобы мнение о себе Юра имел весьма жалкое.

Из того малого, что он понимал про себя, было его очарование Катей. Оно возникло не вчера, но Юра, сидя на уроке математики, только-только поймал его, когда солнечный луч, игравший бликами с Катиной партой и рукой, невольно увлёк его взгляд. Её пушистые волосы, почему-то не в хвосте как обычно, а распущенные, лежали на спине, а сквозь их путаницу едва мелькала кофта нежно-розового цвета. И своё чувство Юра скрывал, как скрывал и всё другое, что его волновало.

Жили Юра с мамой в трёхэтажном панельном доме, на самой окраине крошечного города, где через дорогу уже начиналась деревня. В этой деревне у них было огорожено четыре сотки земли под грядки и железный сарай с курами и недавно купленной коровой, — без избы, без сторожки. Мама называла деревню второй работой, и Юру туда брала редко — чтобы не мешал. Вечера он проводил на улице с другом Артуром или в одиночестве на скамейке у подъезда. Ему разрешали играть и на детской площадке во дворе, но без Артура он не шёл — дичился незнакомых ребят.

И в этот майский вечер Юра сидел на скамейке и наблюдал закат. Иной раз ему было приятнее находиться здесь, в тишине, одному, чем с кем-то общаться. Небо притягивало его, словно пытаясь шепнуть что-то важное. И его яркие, нежные волны подсказывали Катино имя. Они — закат и Катя — были одного рода-племени и берегли одну тайну на двоих.

Её розовая кофточка была сшита из лоскутков заката, а солнце родилось из её волос. Вместе они были далёкими-далёкими и прекрасными-прекрасными. И ему никогда запросто не дотронуться было ни до Кати, ни до заката.

— Юрка, домой иди! — прокричали из окна. И Юра пошёл.

Мама встретила его на пороге.

— Завтра корову загонишь, я не смогу. Я работницу заменяю, — сказала она, как обычно, сурово. — Слышишь?

Мама была в шершавой длинной юбке и тёплой кофте болотного цвета. В это время года она два раза за день ходила на дачу: в шесть утра доила и выгоняла корову, а в семь вечера забирала её у пастуха и доила повторно. Одевшись утром перед дачей, в той же одежде шла на работу. А вернувшись с завода, надевала тапки и принималась готовить обед. К вечеру — снова на дачу, с дачи — на точку продавать молоко.

Юра слышал, но не понимал, что конкретно ему нужно будет сделать. Он смотрел на мамину короткую, будто мальчишескую, стрижку — волосы жидкие, кое-где седые. Особенно из-за этой стрижки он стыдился её. И из-за молока, которое мама продавала в изношенных пластмассовых бутылках по вечерам около центрального магазина. И ещё потому, что на школьных праздниках она стеснялась учительницы и стройных женщин с тонкими браслетами на руках и от того болтала без умолку и громко смеялась. А дома, с Юрой, снова становилась прежней — важной и молчаливой.

Утром мама зашла в Юрину комнату и, положив на стол большой ключ от сарая, напомнила, что в семь вечера на пустыре у дачи будет ждать стадо. Юра, разлепляя глаза и понимая, что больше возможности не будет, всё же осмелился спросить напоследок:

— А как загонять-то?

— Как-как? — удивилась мама. — Что, не видел, как я два месяца корову загоняла, что ли?

Юра не раз видел, как мама загоняла корову, но в деле не участвовал, да и не интересовался им, а только ошивался поблизости.

— Видел, — сказал Юра, опустив взгляд.

— И что тебе непонятно?

— Всё понятно.

— Ничего, взрослый уже, с собаками грязными не боишься вошкаться, а с коровой и подавно справишься, она сама за тобой пойдёт.

После школы они с Артуром пошли на пруд, забежав по дороге домой за стеклянной банкой для тритонов. Юра надеялся, что друг согласится пойти с ним и на дачу, но Артур сказал, что бабушка просила вернуться пораньше. Юра понимал, что это неправда, но решил об этом не думать.

Тритонов к Артуру домой приносить было нельзя, и сразу от пруда Юра с банкой направился к пустырю. Он спросил у прохожего время, тот ответил: «Полседьмого». И хмуро стало на душе, что успевает, что, позабыв о времени, не загулял с Артуром допоздна. Нарочно не исполнить поручение Юра не мог, а случайно забыть о нём ему бы хотелось.

На пустыре уже стояло небольшое стадо, коров десять, и сновали повсюду мошки. Коровы походили на динозавров: сильных, древних и непредсказуемых. Они не смотрели на Юру, но ему казалось, сделай он лишний шаг — побегут на него и потопчут, будто в танце. Он поставил банку на траву, огляделся — пастуха не было видно. Его бросило в пот — никто ему теперь не поможет. Даже если найдёт Звёздочку, то не сможет отвести её в сарай. Не может быть, чтобы динозавр слушался мальчика. Как не может быть, чтобы его, Юрина, мать слышала его.

Но даже найти её было невозможно: все коровы, кроме одной, бурой, походили друг на друга. Все — белые с чёрными пятнами. Правда, знал Юра, что у Звёздочки на лбу треугольное пятно было. Но коровы все лбами к нему не поворачивались, а подходить и обглядывать каждую было страшно. Он кругом обошёл стадо. И, удача! — на противоположной стороне, с краю, стоит корова с пятном. Правда, пятно не совсем и треугольное.

— Звёздочка, — позвал он вполголоса, смотря корове прямо в глаза. И, удерживая на ней взгляд, словно зовя за собой, отошёл на три шага, ожидая, что та пойдет вслед. Корова не двигалась, только судорожно вздрагивали её бока, и метался хвост влево-вправо. Юра стоял, ожидая непонятно чего. Вдруг взгляд его ухватился за мелькнувшее в центре стада пятно — там, наклонив голову к земле, стояла ещё одна Звёздочка. Слышно было, как от натуги трава под её толстыми губами разрывалась и потом вымешивалась крупными челюстями. Подойти к ней означало обречь себя на смерть от первобытного танца природы. Юра замер. Он всерьёз выбирал между смертью и маминым недовольством. Через пару минут он решился идти домой.

Было около восьми, когда послышались движения ключа в замочной скважине. Юра притих в своей комнате. Дверь открылась, на пол поставили пакет с продуктами.

— Юрка-а, ты дома?

— Да, — сказал Юра негромко и, поняв, что мама не услышала, протянул: — Ту-ут.

— Корову загнал? — спросила мама, зайдя в комнату.

— Да. — Он старался смотреть ей прямо в глаза.

— Молодец. Я тебе апельсинов купила. Сейчас картошку пожарю и пойду доить.

Юра и боялся, что она ещё спросит: «Не забыл закрыть сарай?» или «Не потоптала корова цветы у калитки?», — и хотел этого всей своей трепещущей душой. Тогда неизбежное наказание придёт сейчас, и его не нужно будет ждать, как дикого зверя из леса, чьи шаги уже слышны. Но мама больше ничего не спросила. Она закрыла за собой дверь и пошла на

кухню. Юра прислушивался к тому, как шипело и трещало масло на сковородке, и этот привычный ласковый звук сейчас утяжелял его тоску.

Он покинул комнату только когда все звуки затихли. На кухне, в тарелке для супа, лежали четыре дольки апельсина. Юра вздохнул. Он ощущал себя самозванцем, который заполучил сладость, принадлежащую другому, правильному, мальчику. И эта сладость не радовала. Съест дольку и шепчет: «Господи, хоть бы корова не ушла никуда с пустыря, а ещё лучше — подошла к сараю, тогда точно ругать не будут».

Но всё же он готовился к наказанию — память сама подкидывала ему сцены.

— Врёшь, паразит? — сказал он сам себе тихо, повторяя знакомую фразу. Юра втянул голову в плечи, представляя, как в очередной раз получит поварёшкой по голове.

«Весь в отца!» — отозвалось где-то рядом маминым голосом.

А в прошлом триместре, когда Юра переправил двойку по математике в дневнике на четвёрку, мама сказала: «Отдам тебя отцу, чтобы он сам свою подлую породу выращивал». Юра обрадовался тогда. Воображал, как незнакомый ему ещё папа будет играть с ним в футбол и покупать мороженое. Может, именно сегодня мама соберёт его вещи, и папа впервые приедет за ним.

Вскоре Юру захватила игра с апельсиновыми шкурками-лодками, плывущими по столу через моря к отцу, как захватывает сон плачущего ребёнка. И когда заскрежетала замочная скважина, он еле успел перебежать в свою комнату незамеченным. Мама поставила ведро с молоком на пол, разулась, снова взялась за скрипящую ручку, зашла на кухню. Звуки прекратились.

Юра раскрыл перед собой учебник русского языка и сел, весь превратившись в слух. Шорохи, стуки, голоса рождались в его голове, как призраки в тёмной комнате.

Так прошло около получаса. Юра бесшумно вышел в туалет. В квартире стояла полная тишина. На кухню он направился уже уверенный, что мамы дома нет, и вздрогнул, увидев её прямо перед собой, сидящую на табуретке. Правый локоть лежал на столе, глаза закрыты ладонью. Будто статуя.

— Ну что, погонял меня по деревне? — сказала она, вытягивая каждое слово, и медленно подняла козырьком ладонь. Глаза её были измученные.

Юрины губы улыбались. Он старался их сдерживать, но они вновь расплывались как у полоумного. В ответ на его улыбку мамины глаза щелкнули злостью. Она встала, подошла к раковине, включила воду и принялась мыть посуду, не глядя на Юру. Он уже не улыбался. Он дрожал. Мама повернулась к шкафу с посудой, и взгляд её голубых глаз проскользнул по сыну так же, как по рядом стоящей плите. Она расставила тарелки и вышла из кухни.

Он знал, что поступил плохо. Особенно эти купленные мамой апельсины никак не могли выйти у него из головы. Как будто из-за них он был прежде всего виноват. Но хуже было то, что даже наутро мама с ним так и не заговорила. Не заговорила и днём, хотя у неё был выходной. И, не нарушая молчания, вечером ушла на точку продавать молоко. Оставшись один на один с маминым домом, таким же враждебным, как и она, Юра затосковал. Дом молча выгонял его, и он послушался. Но дальше скамейки не ушёл. И только там он вспомнил про оставленных на пустыре тритонов — теперь их точно собаки съели. Хоть и не корова, но всё-таки что-то пропало, утерялось.

По тротуару тем временем проходили женщина с девочкой.

— Кать, смотри, это Юра, что ли? — Женщина в белых брюках дотронулась до плеча девочки и вопросительно посмотрела на Юру.

Юра на секунду подумал, что они пришли к нему в гости.

— Привет, — сказала Катя.

— Ты чего здесь так поздно один сидишь? Не замерзнешь? — не дав ему поздороваться в ответ, спросила Катина мама.

— Не-ет, я тут, около дома. — Юра показал на свой балкон.

— А, ну хорошо тогда. Доча, поделись конфетами.

Катина мама смотрела на Юрины литые шлепанцы, надетые поверх носков, ворот футболки, вытянутый треугольником, и мягкие спортивные брючки с катышками по бокам. Она предугадывала по его глазам, что достаточно двух тёплых слов, и этот детёныш, не раздумывая, схватит крепко-крепко твои пальцы и, быстро-быстро перебирая ножками, пойдёт с тобой.

Этого всего Юра не знал о себе. Он разглядывал конфеты, которые насыпала ему Катя: мишки на деревьях, белка с орехом в лапках и другие, ему ещё незнакомые обёртки. И только сейчас он понял, что это Катина мама берегла с небом одну тайну на двоих, а после просто поделилась ею с дочерью. Юра сидел, почти не двигаясь, — закатное небо спустилось к нему и укутало его в своих объятиях. Катя с мамой превратились в две маленькие отдаляющиеся фигурки.

Михаил КАЛАШНИКОВ

От Купалы до Крещения

Фрагмент романа

Комбат нервно стучал огрызком карандаша по карте. Окоченевшие пальцы уже не слышали холода, но сильнее морозного ветра жгла душу притаившаяся средь холмов лощинка, которую нечем было прикрыть. Накануне вечером батальон с приданными ему шестью танками ворвался в Новопостояловку, а уже поздней ночью пришлось принимать «гостей».

Батальон врос в ледяную землю твердо, но под холмом все накапливались новые ручейки, грозившие скоро стать наводнением. Пестрое войско бурлило и дыбилось, готовое вновь броситься на штурм новопостояловских холмов.

Именно сейчас, в минуту затишья, перед глазами комбата всплыла недавняя картина. Два дня назад их батальон окружил хутор, где укрылось до трех сотен итальянцев. Уже подошла «катюша», и минометчики уложили на ребристые швеллера длинные реактивные заряды. Откуда-то выскочил мертвенно-бледный солдат и упал комбату в ноги, сбивчиво умолял не стрелять по хутору: он здешний, в хуторе его жена и дети. Комбат, уже воспаленный тем крайним пылом, от которого не отвернуть, чуть поколебавшись, все же рубанул рукой воздух, дав отмашку минометному наблюдателю. Воздух задрожал от залпов. Подняв за плечи дрожавшего в рыданиях солдата, комбат крикнул ему в самое ухо:

— Разведка доложила: нет там никого! Хутор выселенный!

Солдат знал, что командир врет и все твердил сквозь рыдания:

— Да как же я... воевать дальше... да как же... других освобождать-то буду, когда своих...

«Катюша» проутюжила хутор, и тот вспыхнул с нескольких концов. Уцелевшие итальянцы кинулись навстречу красноармейцам с поднятыми руками. Из окна крепкого рубленого дома лупанула пулеметная очередь. С десяток сдавшихся, падая, зарылись в снег, а другие продолжали бежать, на ходу указывая в полыхавшее оранжевым светом окно:

— Ньиемец! Ньиемец!..

Кто-то из солдат закинул в окно две гранаты. Итальянцев переловили и собрали в колонну на краю горевшего хутора. Комбату доложили, что обошлось почти без потерь, только при штурме злополучного дома убит один и ранены двое. Еще сказали, что среди трупов нет ни баб, ни детишек, одни погибшие итальянцы, хутор и вправду оказался безлюдным. Это, конечно, обрадовало бы того хуторянина, что просил у комбата милости для родного гнезда, но он-то и был тем единственным погибшим солдатом.

Комбат через вестового вызвал одного из ротных. Пристроившись на завалинке покосившейся хатки и расправив карту на жестяном корыте, перевернутом вверх дном, комбат объяснял:

— Видишь балку?

— Вроде как и хуторок имеется, — присмотревшись, ответил ротный.

— От хутора одно название. Был я там утром. Два сарая да три кошары. Остальное погорело, и немец на блиндажи растащил. В общем, набери у себя человек десять. Я Витюху своего за резервами послал. Возьмет кашеваров, водительскую братию да ремонтников с санитарами. Десятка два с половиной наберется. Витюху во главе поставлю — и туда. Пусть держат.

— Как считаешь, командир, выстоим?

Комбат ответил не сразу. Опять привычно постучал карандашом в какой-то топографический знак на карте, подул на заледеневшие пальцы, кашлянув, медленно произнес:

— Вижу, к чему ты клонишь. Я и сам вчера думал: «Да черт с ними! Задачу мы выполнили, село заняли, через него они не пройдут, и пусть разбегаются, как тараканы, кто куда. Пусть их там, под Ольховаткой, другие перехватывают». Только нам их потом опять же бить! Когда они на новых рубежах очухаются, окрепнут. Выходит, нельзя их туда пускать! Теперь надо! Пока он дерьмо свое из штанины вытряхнуть не успел. Пока у него под носом юшка не растаяла. А уж выстоим или нет...

Вестовой Витюха к этому времени уже подчищал тыловые резервы. Пожилой повар, быстро раскупорив банку консервов, снял сверху ножом слой жира и кинул на затвор давно не смазанного, застывшего на морозе, карабина. Фельдшер из санбата туго набил сумку перевязочными пакетами, а карманы пачками патронов в промасленной бумаге. Из-под капота итальянского грузовика вылез шофер с мазутными полосами на щеке. Кожа его пальцев, непривычная к здешним морозам, прилипала к металлу и пальцы на суставах кровились.

Шофер был родом из далекой южной страны. Еще три дня назад он носил другую форму, подчинялся иному начальству и другие в его окружении были соратники. Но в ночном бою его колонна попала под обстрел и сдалась без боя. Русским тоже до зарезу были нужны грузовики, ведь в этой снежной пустыне не угнаться за бегущими пешком. Шофера и его товарищей построили тут же, у заглушенных грузовиков, и советский политрук, на плохом языке их народа, предложил послужить делу Сталина. Их увещевали, что служба будет глубоко в тылу, вдали от военной опасности. Им обещали скорую отправку домой, как только Советы победят Муссолини. А тем, кто не согласится, сулили долгую отсидку в далекой и морозной Сибири, где холода и вьюги такие, что нынешние покажутся за райский отдых. Почти все земляки шофера согласились. Их тут же одели в старую, а порой и окровавленную красноармейскую форму, снова усадили за водительские баранки.

С тех пор шофер намотал немало километров, дважды застревал в сугробах, переворачивал канистру над топливным баком, насыщая своего «зверя», еще меньше ел сам, почти не спал и вовсе не отдыхал. В его «фиат» что-то грузили, выгружали, садились и вылезали солдаты. Перед глазами мелькали освобожденные, охваченные огнем, дотлевающие хутора, в которых совсем недавно жили его земляки. И он жил в таком же хуторе целых четыре месяца и все не мог привыкнуть к этим русским жителям. Три дня назад он видел, как в освобожденном хуторе убивалась над трупом солдата молодая селянка. Он подумал, что это фронтовые дороги завели погибшего солдата в родную сторону и неутешная вдова плачет над телом

мужа, но напарник Луиджи, сносно понимавший по-русски, объяснил ему, что эта девушка впервые видит павшего солдата. В ней смешались радость освобождения и тоска утраты. Она и живым-то его не видела, но вот теперь горюет, как по родному.

— Эй, Франческо, айда со мной! — хлопнул шофера по плечу чубатый парень.

Этот чубатый постоянно был у главного начальника на побегушках. Интересно, чего ему понадобилось? Может начальник вызывает Франческо к себе, чтобы наконец отправить в глубокий тыл, туда, где есть натопленные хаты, горячая еда и настоящий гараж.

Но чубатый поставил его в строй с другими красноармейцами, вручил итальянский карабин и перепоясал патронташем, добавив: « На, твоей системы, должен разобраться».

Шеренга из двадцати пяти бойцов развернулась и жидкой ниточкой потекла в лощинку. От хутора и впрямь почти ничего не осталось. Зияло несколько пожарищ с черным, закопченным настом вокруг и мутными лужами растопленного снега, уже подернутого ледяной коркой. Уцелевшие постройки были раскиданы по обеим сторонам дороги, что стелилась по дну лощины. Рядом с дорогой петляла неглубокая канава с перекинутыми то тут, то там шаткими мостками.

Вестовой распределял бойцов по уцелевшим строениям. Дошла очередь и до Франческо.

— Так, кто тут еще остался из тыловой шатии? Друг наш итальянский, да Терентий из санбата. Разбавим вас пулеметчиком вот да бронебойщика дадим. Кто еще? Ну, давай ты, Митрич! Да не журись, с тобой медицина будет — Терентий, цельный фельдшер. Вот впятером и давайте в ту вон хибарку. Там и крыша целая, задувать вам не будет.

Пулеметчик первым подобрался к хибаре и надавил на низкую, вмерзшую в землю дверь. Она крякнула и сорвалась с петель. Жилище оказалось полуобитаемым. В нем были маленькие сенцы, низкий потолок и крошечная печурка. Как только началась операция с дверьми, на чердаке взбудораженно заголосила курица.

— О, теперь мы ее быстренько в бульончик! — ожил Митрич, крайне терявшийся, если уходил от полевой кухни дальше, чем на километр.

— Охолонь, стряпуха! — цыкнул на него бронебойщик. — Для начала позицию сготовь.

— И как уцелела, шельма? — будто не слыша, вставал на цыпочки и пытался заглянуть на чердак Митрич.

— Да заткнысь, тиби сказано, поварска душа! Тут бой на носу, а вин куру гоняе, — ругался бронебойщик.

Стекол не было во всех трех окнах, на земляном полу под ними высились снежные курганчики. Пулеметчик без разговоров встал у окна, выходящего к горловине ложбины, установил найденный низенький стол и упер в его крышку пулеметные сошки. Бронебойщик пехотной лопаткой и в пять минут прорубил в саманной стене хатки узенькую бойницу. Она получилась у самой земли. Установив ружье, он лег на пол и поводил стволом из стороны в сторону. Фельдшер присел на колено у бокового окна и долго смотрел в него, изучая склон, на котором мог появиться противник, затем расстегнул сумку и, достав два жгута, обмотал их вокруг приклада своей винтовки. Рядом со стеной фельдшер разложил несколько перевязочных пакетов, самодельную шину, вырезанную из банки от американской тушенки и гранату в сетчатой рубашке. Митрич все время топтался у третьего окна, переминался с ноги на ногу и прислушивался к недовольному куриному квохтанью.

— Не топчись там, — обернувшись, сказал ему бронебойщик. — Нимэц с тылу не прыйдэ. Шагай до фельдшера.

Митрич покорно встал рядом с Терентием. Франческо все это время жался у печки, не зная, что ему делать и куда приткнуться.

— Пидходь до мэнэ, итальянэц, — махнул рукой бронебойщик. — Будэшь вторым номэром. Бачь, оде бэрешь обойму и патрон пыхаешь.

Бронебойщик легко вправил длинный патрон в магазин. Затем замкнул обойму под ложем долгоносого ружья, показал, будто выбил все пять патронов, и, отцепив магазин, не глядя, бросил его Франческо, глазами указав на мешок с патронами. Франческо едва заметно кивнул. Пулеметчик, сняв диск и убедившись в его полновесности, с громким щелчком насадил его обратно.

Во вражеском стойбище гул не стихал. Ревели танковые двигатели и моторы артиллерийских тягачей, на низких оборотах страдали в последнем предсмертном рывке увязшие в сугробах грузовики. Изредка сквозь гомон прорывался пронзительный крик мула или надрывный коровий плач. Масса в двадцать тысяч человеческих голов, растянувшись на несколько километров, клокотала и клубилась в широкой заснеженной долине.

Разноязыкую многоголосицу разрезал зычный клич:

— Доблестные альпийцы! Многие из вас знают меня! Я был с вами в боях! За этими чертовыми холмами наша с вами жизнь! А значит, и жизни наших жен и детей! Спасение только в прорыве! Нас много, ведь не зря наш девиз — лавина, несущая смерть! Так давайте взроем эту трижды проклятую высоту! На ней лишь горстка русских. Накроем их своей лавиной!..

В толпе возникло некоторое оживление. Командир-оратор бегло подзывал начальников подразделений и раздавал торопливые приказы. Он спешил, пока колыхнувшееся возбуждение не померкло. Многонациональная лавина из армий трех государств поползла на взгорок перед Новопостояловкой. Отдельные рукава ее заполонили балки, овраги, промоины.

В узкой горловине показалась серая человеческая каша. Закутанные в тряпье лица, плечи, укрытые поверх шинелей шерстяными одеялами, полосатые до-

машние чулки, торчащие из кожаных, подбитых железными крючьями башмаков. Какого-то порядка или строя не наблюдалось. Люди просто валили толпой в надежде прорваться или умереть.

С улицы донесся голос вестового:

— Огонь по команде! Слушать, когда мой «папаша» загавкает!

Пулеметчик широко расставил ноги и наклонился над пулеметом. Сузив свои монголоидные глаза, он поймал в прицел передний ряд и замер. «Лучше чем в тире», — думал он, — «ни одной пули в молоко. Это тебе не на охоте, где за каждый впустую потраченный патрон, дед до крови дерет ухо. Волк — охотник, его жалеешь, когда подстрелишь. А этих стоит ли жалеть?»

Фельдшер еще раз ощупал карманы с патронами, снял винтовку с предохранителя, загнал патрон в ствол. «Соотношение простое — один к сорока, не меньше. Только бы хватило бинтов. Жгуты на прикладе, в сумке рыться не придется. Всё здесь, всё под рукой».

Митрич подавленно опустил руки с винтовкой к земле: «А завтра Прошка сам будет крупу отмерять, сам в бак снег вместо воды таскать, сам дрова рубить... если сегодня выживет... прощай, Авдотья... прощай, Колюшка... прощай, Маринка...»

Бронебойщик плотно прижал приклад к плечу, притерся щекой к кожаной накладке, прищурил левый глаз и, забывшись, в напряжении приоткрыл рот. В голове его пробегало: «Такой ценой умирать не страшно. Отплатят же они мне сегодня. За отцовский дом, за сестер и мать, что остались под немцем! За Днепр, из которого их поганые рты святую воду мою пили... за всю нашу землю, на веки веков опечаленную».

Франческо лежал на животе рядом с бронебойщиком смотрел в наплывавшие лица. Лица его земляков, его однополчан. Они еще далеко и почти не различимы, но вот в фигуре того долговязого парня столько схожего с Антонио. Его земляка Антонио. Та же сутулая спина и угнанная в плечи голова, та же походка. Совпадение или мираж?

Антонио, слабо сжимавший в руках, более привыкших к водительскому рулю, чем к оружию, короткоствольный карабин, конечно, не видел своего притаившегося за амбразурой товарища. Омертвев от страха, он двигался лишь по инерции, влекомый толпою. Мысли роились в его мозгу: «Я целиком погружаюсь в эту стрельбу. До сих пор она была где-то спереди, сбоку, сзади, но все время на расстоянии от меня, а теперь я полностью окутан ею. Нас все меньше и никто не вернется домой. Может быть, только эти немцы? Они бывали в переделках и держатся особняком. Мы для них «italienische zigeuner» — сброд, цыгане, мразь. А ведь это из-за них мы здесь! Разве это моя война? Я бы прожил и без этих заснеженных пустынь, без этих хуторков, без этого воздуха и неба. Мне всего хватало вдосталь дома».

След в след за Антонио шагал венгерский гонвед, такой же долговязый и понурый. Винтовку он держал наперевес, и его правая рука выбивала мелкую дробь на прикладе. Трудно было сказать, отчего он трясся больше. Страх ли, усиленный холодом, колотил его промерзшее тело, или тоскливые мысли о доме? А может, и собственные воспоминания: «Господи! Я знаю, за что ты так со мной... за ту русскую девку, опоганенную... за расстрелянных русских пленных... за старуху, что спьяну зарубил посреди улицы».

В группе венгерских солдат прихрамывал, волоча подмороженную ногу, закарпатский русин. Он часто поднимал глаза к небу, жмурил их, а когда раскрывал веки, то по щетинистым щекам его текли слезы. Все время, пока они шли в лощине, он истово молился. Иногда молчаливые молитвы его прерывали мысли: «Там, по ту сторону фронта, возможно, такой же украинец. Говорит на том же языке, что и я, поет на Рождество те же колядки, что и я. Он тоже здесь поневоле?»

В хвосте непролазной тысячной тучи ползли два немецких танка со взводом пехоты. Солдаты осторожно ступали по взрыхленной гусеницами и двумя тысячами ног каше, изредка выглядывая из-за брони. Горбоносый ефрейтор накинул капюшон маскхалата, нагнувшись, ухватил на ходу горсть снега и бросил себе в рот. Снег был с запахом солярки. Ефрейтор пожевал его и сплюнул на сторону. Выглянув из-за танка еще раз, он подумал: «Скорей бы началось уже. Хотя, может, и нет здесь никого? Тогда рванем на скорости. Но сомнительно, чтобы русские здесь никого не оставили. Лощинка удобная, а они, кажется, научились воевать. Русак не тот, что в прошлом году, стал крыть нашей же картой. Ну, что там эта шваль? Сейчас ее настелют слоями, а нам доделывать работу. Есть надежда, что русские переведут на них все патроны и силы. В этом и будет польза паршивой овцы».

Первого выстрела ждала как одна, так и другая сторона. Когда в толпе наступавших стали различать ощетинившиеся стволы в окнах и проломах сараев, с крыши какого-то хлева проголосил ППШ вестового. Франческо услышал, как на чердаке курица в последний раз вскрикнула и замолчала, то ли убитая, то ли перепуганная насмерть. Молчание вдруг, к удивлению итальянца, сменилось живой перекличкой и даже чуть ли не балагурством, которого он никак не ожидал от этих людей с жесткими и сосредоточенными лицами.

— Гарнэ жнивьё, лишь бы боезапасу хватыло! — кричал бронебойщик, переставляя в ружье кассету.

— Не думай, Толик! В штык пойдем, как соседний полку! — вторил пулеметчик, не отрываясь от прицела.

— Слышал и я эту байку!.. Там две сотни в ножи взяли!.. Итальянец квёлый, обессилил от Дона драпать!.. — между выстрелами вставлял фразы фельдшер.

— Эхма! Выноси угодники! Отродясь столько не стрелевал... — отдувался Митрич.

Человеческое море натолкнулось на поток свинца, но не отпрянуло, а волна за волной неслось дальше. Люди уже не принадлежали себе — лишь стихии. Легкая плотина из советского многонародья затрещала под напором навалившейся волны фашистско-нацистского интернационала. Однако и волна заметно прогибалась, рушилась. Чем ближе к плотине, тем гуще стелились ее потоки.

Бронебойщик лупил из самозарядного ружья очередями в пять патронов. За квадратной нашлепкой ствола он видел, как переламываются пополам тела, как отрываются руки, а порою и головы, срезанные ударами противотанковых пуль. В перерывах между стрельбой глаза его выхватывали людей, что рушились на колени, крестились по-заграничному, разводили руки в стороны, складывали их на груди и о чем-то молили небеса, тут же втаптывались в снег задними рядами или гибли под пулями, которые и вправду не единожды не пролетали мимо. И вновь плюхало его ружье. Франческо не успевал набивать магазины, с непривычки и растерянности едва попадая патроном в приемник.

— Собачнык паршивый! Як тэбэ в армии дэржалы?! Черт мазутный! — безжалостно крестил его бронебойщик.

Пули, легко прошивая саманные стены хибарки, выщелкивали пригоршни сухой глины. Франческо вжимал голову, растягивался на земляном полу и еще больше терялся под потоком бронебойной брани. Один из таких пулевых щелчков свалил на пол кашевара. Фельдшер дострелял обойму и склонился над телом Митрича. У того в боку вылез кусок ваты из засаленной телогрейки, но вата была не белой, а красно-рыжей. Разорвав пакет, фельдшер торопливо запихнул в дыру телогрейки свежей ваты, зарядил винтовку и снова бросился к окну.

Из тылов неиссякаемой волны вырвался пушечный залп. Франческо увидел в заднее окно, как снаряд развалил стену в соседнем сарае. Через минуту, из-под обломков стены проклюнулся ноздреватый ствол автомата. Из пыли и дыма проявилось лицо с примятым чубом, перепачканное кровью и глиной. Пламя из автомата еще раз выскочило тонкой жалящей струей, а потом ствол безвольно ушел в гору.

Франческо сел на пол и прижался спиной к стене. Пуля щелкнула над его головой, затем у левого уха, а следующая вместе с доброй порцией глины отбросила его прижатый к стене затылок. Голова итальянца упала рядом с наметенным в разбитое окно сугробом. Ворох снежинок колыхнулся над маленьким курганчиком и одна из них одиноко спустилась на глаз убитого, растаяв там, в уже мертвом, но еще теплом, неостывшем зрачке.

Расположиненная волна смяла худенькую плотину и, утратив скорость и силу, все же покатилась дальше. Танки проутюжили развалины. Только хибарка с пятью мертвыми солдатами осталась не тронутой. Когда снежно-глиняная пыль осела, а над лощиной еще не утих стон раненых, курица, отчаянно кудахча и хлопая крыльями, слетела с чердака. Она прошлась по хибаре, переводя недоуменный птичий взгляд с предмета на предмет, клюнула выпавшую из саманной стены раковину речного моллюска, и, продрогшая, угнездилась в оброненную кем-то солдатскую ушанку, спрятав от холода свои уродливые лапы.

ПОЭЗИЯ

Иван ВОЛОСЮК

Из цикла «Невооруженным взглядом»

* * *

Я смотрел невооружённым взглядом на звёзды
и планеты.
Я слушал невооружённым ухом голоса
перелётных птиц.
Я прикасался невооружёнными пальцами
к остывающим камням.
Что я ещё мог сделать,
чтобы остановить войну?

* * *

Зови меня домой голодного, босого,
кричи до хрипоты, а всё-таки зови!
Мне снилось, что парад планет не согласован,
Венеру бьёт ОМОН, а Марс лежит в крови.
На кухне газ горит — мирок из песни Цоя,
а где-то Южный Крест, Корма и Паруса.
«Сынок, иди домой, она того не стоит», —
но я всю жизнь отдам за эти полчаса.
Я должен угадать полуночные знаки:
над шахтой «Чигари» звезда ползёт впотьмах,
а где-то пацанов бросают в автозаки,
но я не при делах, опять не при делах.

* * *

В. К.

Будь Кеплером, гуляя в снегопад,
Коперником на детской карусели,
и ты поймёшь, что звёзды говорят,
таят слова и знают дни недели.

Будь Дарвином и каждого вьюрка
добавь в друзья, узнай по форме клюва,
а мне оставь созвучья языка,
мне всё равно — где Таганрог, где Тула.
Самара и Саратов — всё одно,
я здесь с Тмутараканью заодно,
и, кажется, душа остекленела.
Поговори со мной сейчас, скажи,
носил ли Бог под мышкой чертежи
за тысячу веков до Шестоднева?

* * *

Моими собеседниками были
евреи обрусевшие. Они
меня несли, пока не уронили,
потом вернулись — подняли с земли.
Останется не гул в магнитофоне,
не «Синтаксис», не томы ЖЗЛ,
но черепашка-ниндзя на картоне,
её тогда я выиграть сумел.
Не важно, с кем ты просыпался, — страшен
сам переход из пробной темноты,
которую, как панцирь черепаший,
не перебьёшь, не одолеешь ты.
И если нет ни Альфы, ни Омеги,
а только смерть, и прах, и вещество,
тогда зачем зимою столько снега
и столько тишины на Рождество?

* * *

Выцарапывай музыку из грампластинок, «Урал»,
дело времени — всё разрушать, кроме камня и звука,
в симфонической близости к смерти я переступал
через чьи-то тела, через головы, ноги и руки.
Так давай, Леонардо, бери меня на карандаш,
в человеке душа, но она не попала в учебник,
в придорожную пыль превращаются «наш» и «не наш»,
в алфавит вещества, пропечатанный мелко на стебле.
Здесь листвы прочитал Заболоцкий изнаночный код,
здесь война началась и уже никогда не пройдёт.

* * *

Подражание Б. Р.

Я здесь тоже в гостях, не ищи в новостях —
в безымянной могиле ищи,
что любая держава стоит на костях,
это тоже, конечно, учти.
Мне родная земля — чепуха да зола,
ты по небу копытом чекань,
чтобы ночью на город свалилась звезда,
а стрелять перестань, перестань...
Как с девятой планетой — открой и закрой,
с галилеевой трубкой следи.
Я простой человек, и мне нужен покой,
ты меня не буди, не буди...

Дружковский диптих
1

В такой глуши, где воздух был нетронут,
не попадавший в лёгкие ничьи,
там в озере образовался омут,
а вдоль холма прорезались ручьи,
там продолжалось Божие творенье
уже само собой, без повеленья.
Земля вторично жизнь произвела,
и там, где прежде глина розовела,
лежало человеческое тело,
а позже рядом Женщина прошла.
Всё прочее осталось на бумаге,
и устыдились мы, что были наги,
перебрались в седьмой микрорайон,
где сам не помню, сколько лет живём.
Рука качает детскую кроватку,
на трампеле сто лет висит пиджак.
Закат угас, и звёзды в беспорядке —
в созвездия не сложишь их никак.

2

Соглашайся на меньшее, дура,
после хитростью все заберёшь.
Старый Шлойме глотает микстуру,
собирает патроны Гаврош.
В этом городе страшно и дико,
и не выпрямишь спины людей,
чтоб там ни напридумывал Диккенс,
чтоб там спьяну ни плёл Теккерей.
Добываем ли глину в карьере,
добиваем лопатой врага,
всё равно мы своё отгорели
и попутали все берега!

* * *

Я дна достиг. Живущим в междуречье
Кривого и Казённого Торца
чужое солнце обжигает плечи,
и падает душистая пыльца
из каждого открытого цветка,
как старая побелка с потолка.

* * *

Снег сам собой не образует мифа:
мы бабу снежную лепили — дети скифов,
сакральный смысл оставив на потом,
с кургана покатились кувырком.
А зимы были страшные: страшнее,
чем ночь в бомбоубежище. Дощечки
привязывали вместо лыж к ногам;
и даже если дом не уцелеет,
то в кухне летней как-нибудь у печки
перезимуем и хвалу богам

весной, когда снега сойдут с курганов,
мы выразим посредством истуканов.

* * *

Хорошо, что снегами укрыта земля,
что солдат в маскхалате стреляет в меня.
Что отсюда улыбка его не видна,
и я будто бы падаю в погреб без дна.
Что находят живым, и везут меня в тыл,
и в больницу заносят меня без бахил.
Что хирург, не надеясь на быстрый осмотр,
шьёт пространство и смерть из меня достаёт,
а потом пьёт из термоса кофе и зря,
что забрызгал халат, упрекает меня.

* * *

По живому пространству, где фосфор
оставляет чахоточный след,
я прошел невесомо и просто,
без знамён, без потерь, без побед.
Там о смерти ни слова — не каркай:
ворон ворона не заклюёт!
На какие военные карты
нанесут этот пеший поход?
Я ходил по холмам и пригоркам
(хочешь смерти — так быть посему),
но ни корки теперь, ни полкорки
я с чужого стола не возьму.

Василий НАЦЕНТОВ

Из цикла «Невидимый хор»

* * *

Растаял снег и обнажился двор.
Тепло и серо. Мокрые собаки
из будки в будку важный разговор
ведут лениво. Символы и знаки
весны и сна меняются вдали,
и катится промасленное слово.
Живи и ничего не говори,
храни тепло немыслимого крова,
крахмальной скатерти простую наготу,
пустую вазу, пепельницу, лица,
слезу в глазу, большую темноту.
Не говори. Нам не наговориться.
Растаял снег...

* * *

Полынья моя...
Л. Губанов

1

Рука и водка. Полынья. Полина.
Толпятся тени, тени на полу,
и тянутся в окно подобьем клина,
последнему помятому крылу
мой белый выдох, горький и обманчивый,
закуска губ, обветренное «о»
колечком дыма было и не значило,
немое и земное, ничего.
Как будто воздух окриками взгляда
напрягся в жилах долгой темноты,
где снегопад предчувствием распада
и первым ощущеньем пустоты.
Сажать цветы, и верить идиотам,
и жить печалью чахнущей травы,
оправдываю губы и длинноты
холодной водкой вяленой строфы.
И ранним быть и раненым — и только —
молчать и пить по черным запятым.
Любви и речи скомканная койка,
как тонких сигарет надменный дым,
бледнеет, тяжелеет рукавами
моей зимы по улицам Москвы
сыреющими, рыхлыми словами
на повороте рыжей головы.

2

На повороте первого трамвая
ресничка на малиновой щеке
пером из облака и снега убывает
любовью в перечеркнутой строке.
По кругу ритма, юности и света
тугая мысль сгибается в дугу,
и режет память рев мотоциклета
в непостижимом сохнущем кругу.
По швам, по каплям нежности и водки —
на голос глаз, на голос глубины
по контурам слабеющей походки
тоски и правды, смерти и страны.
Целуй меня — о музыка, о мука,
о сигареты синие — дотла,
к трамвайному прислушиваясь стуку
из-за обрыва боли и угла.

3

Из-за угла легла порожним облаком
на мякоть глухозимья голова.
Как вя́занку по снегу, тянут волоком
ненужные слова. Права, права
и ворожба немеющего дуба,
и дуб, и хруст дубового листа.
От поцелуя, церкви, от креста,
от губ, от горьких губ. Какие губы!
...Жива синица очерком полета,
жива синица, значит, не умру,
но полечу и вылечу о чем-то
по черному, опухшему двору.
И вмерзнет взгляд в смертельную петлю.
Взросленье слез. Пересеченья света,
любви и воздуха уставшего поэта на этом
и на том краю.

* * *

Семафоры. Серафимы. Одиночество в снегу.
Горький шепот шестикрылый светлым словом
берегу.
В умирающих ладонях, в рыхлом воздухе видны
недоступные перроны неслучившейся страны.
Плачет женщина, — я с нею должен быть.
От долгих слез
даль двоится талым стуком утекающих колес.
По высотам, по пределам, по горбатым городам
отступающее тело — наступающим снегам.
О, душа! Глаза и голос — ломким локтем —
в пепел, в плен
о весне, о первом платье выше смерти и колен.

* * *

И все же — говорить. Молчать куда сложней,
молчать — куда? о ком? — невыносимей.
Размазанные абрисы расседланных коней
на горизонте очертанье линий
приобретут и будут таковы,
и превратятся в знаки снегопада
распущенные волосы листвы,
подтёки туши, всхлипыванье сада.
Ах, мне бы ткнуться мордой и дышать,
так дышит пес в прокуренную варежку
хозяина ушедшего, мешать
нельзя ему. И губ холодный краешек
так строг и нем, всё зная наперед,
так страшно и предательски спокоен,
что поцелуй прощальный не берет,
и он, невзятый, звуком колокольным
за тишь бытийности летит. Я постою
и восвояси зашагаю скоро
назад, на землю скорбную свою,
в разноголосицу невидимого хора.

* * *

Купить билет до Таловой. Устало
в синичьей перекличке плыть туда,
где для меня пол-осени болтало
чахоточную даль. Стоит вода.
Ждет холодов хиреющий, сипящий,
неспящий лес без снега. Без следа —
на дальний свет, знакомый, говорящий
за всех ушедших. Первая звезда,
зеленая с тоски и перепоя,
качается, чему-то вопреки,
у нищего вечернего покоя
на берегу руки или реки.
Всё плыть да плыть под шорохи и охи
червонных вётел, горьких, гулевых,
куда-нибудь к скончавшейся эпохе,
лежащей на развалинах живых.

* * *

На тихой даче в мокрой темноте
горчит доска от старости и скуки,
в железный ковш, как в маленький предел,
сочится небо, воплощаясь в звуки.
Я знаю свет далекого окна,
кривые ветки вечера и груши.
Шумит весна, нездешняя весна,
шумит она, а мне — сидеть и слушать,
как смысл и звук съедает тишину,
как рыжий кот по чердаку крадется.
Шумит весна. Не чувствую весну.
Так чувство смерти слабым не дается.
Настольной лампы мутное пятно
лежит клеймом печально и знакомо.
И светится далекое окно,
окно любви, усталости и дома.

Карина СЕЙДАМЕТОВА

Из цикла «Вольница»

Россия — громадная равнина,
по которой носится лихой человек.
Антон Павлович Чехов

В руках игрушечный калейдоскоп вертеть,
Событья-стёклышки смыкая воедино.
Понять, что пройдена сумбурно жизни треть,
А Дант писал: «...пройдя до половины...»
Зелёных трав неистовая плоть
Истлеет и земле за всё воздаст,
Останутся лишь Слово и Господь,
Всё будет, как предрёк Экклезиаст.
Век золотой осыплется листвой,
Презренным златом звонко прозвенит.
И под тугой поющей тетивой
Стрела времён нацелится в зенит.
И если Бог — Любовь, и Слово — высь,
Развей обманов прежние дымы!
Здесь травы и созвездия срослись
В стране равнин и ливней — словно... мы.

* * *

Мучкой вьюжной, метелицей злющей
Перемолото снега зерно.
Выпекается нынче не лучшее,
Да и то плохо пропечено!..
Под ногами молочную пахту
Зимка лютая понамела.
Кочевая нам выпала вахта —
Уезжаем с родного села.
В города, за огнями большими
Витражи, витражи, этажи...
Как друг другу мы стали чужими?
Разве так мы хотели, скажи?!
Я не в сказке царевна-лягушка,

Не барахтаюсь, взбив молоко
В масло жизни... Да хлеба краюшка —
То село, что уже далеко.
Далеко... Но всё манит духмяно.
Ностальгический сельский наив!
С земляком о родном-окаянном
На зиме замешу русский миф.
Выпекайся, румяно-морозное,
На печной беспечальной золе,
Слово русское, веское, грозное!
И с припёком цари на земле.

* * *

...А моя любовь иного толка,
А любовь твоя иного склада,
Пусть летит по свету перепёлкой,
Серой птичкой маленькою, ладной.
Расцелуй дни солнечные эти,
Не тревожь лучистое гнездовье,
Где птенцы, что крохотные дети,
Вьются у тебя над изголовьем.
Свитая душой перепелиной,
Преданно порхать одна услада
Навсегда в сторонке соловьиной,
Серой птичкой, маленькою, ладной.
Не понять мне, девице-орлице,
Счастья неприметного, простого,
Я вольна-свободна лишь влюбиться
В синь-сиянье трепетного слова.
Дом твой на лугах, лесных полянах
Потаённый отыскать непросто —
Там, где одинаково багряны
Все закаты, а рассветы — росны.
Жизнь моя течёт неторопливо,
Всё-то мне простор, а не свобода...
Вся моя любовь — мотив дождливый,
Летняя нелётная погода.

* * *

Тихий июль. Вечера.
Сядем с тобою вдвоём
Невдалеке от костра,
Поговорим о былом.
Каждый расскажет своё,
Раз уж мы свиделись вдруг.
Тихий июль разольёт
Дым от кострища округ,
Станет легко и тепло:
Поле-приволье — друзья...
Сколько годков-то прошло?
То ли прошла жизнь твоя?
Ты промолчишь, как тогда.
Я не хочу промолчать.
Вновь золотая звезда
Будет нас тайно венчать.
Мы не о том говорим,
Дай-ка тебя обойму!
Дым от костра — только дым.
Не поддавайся ему.
Звёздное счастье костра
Окружено мошкарой.
Прелесть земного — игра,
Не обольщайся игрой!

* * *

Есть в дожде откровенье —
потаённая нежность.
Ф. Гарсия Лорка

Синее-синее, нежное-нежное,
Тихое-тихое вновь надо мной
Облако веры, любви и надежды,
Нешто, пророчит мне дождь проливной?!

И отчего это облако синее?
С небом, наверно, роднится оно.
Может быть, я от рождения сильная,
Может быть, так мне судьбой суждено.

Свиделись мы — переливами-ливнями,
Почву земли напитали с лихвой.
...Ты мне позволил стать просто счастливою,
Ясной, живою водой дождевой...

* * *

...Но небесные замыслы есть!
Ю. Кузнецов

«...Значит, я ещё здесь для чего-то нужна, —
Пусть летит в неизвестность рассветный трамвай,
Посему решено!» — так устало она
Повторяла себе: оживай, оживай!

И от счастья рыдать, и от радости взвыть —
Ты поверь: ничего невозможного нет.
Никому никогда ни за что не избыть
Твой пронзительный раненый ранний рассвет.

Небеса... И по ним будут плыть облака,
А земные трамваи — по рельсам ходить
И привычно, как няньки, качая слегка,
И друзей, и врагов, и прохожих возить.

Разве это друзья, если всласть — только власть?
Разве это враги, если им всё равно?
А прохожие что ж? На примете одно —
На фартовый трамвай задарма бы попасть.

Под дождём постоят, но промокнут — едва ль.
И беспечный твой радужный день умыкнут.
И за высшую доблесть — за подлость — медаль
На нагрудный карман пиджака пристегнут.

Но смешно неразумных за это корить —
Пусть трамваи баюкают их день за днём,
А тебе остаётся влюбляться и жить,
Лишь бы не забывала, зачем мы живём.

* * *

Век мой китежный, отражение
Бела-озера в озерце...
От искристой воды свечение
Сполох радости на лице.

На твой берег пришла смиренно я.
Зорким солнцем всплывать со дна
Будет истина сокровенная,
Преднабатная тишина.

Обниманья — рассветы ёмкие,
Целованья — денниц пожар...
Это нам всеозёрной кромкою
Улыбается Светлояр.

Стон набатный как сон срывается,
С колоколен струит вода,
Когда с веком своим встречаются
И прощаются с ним когда.

И на крыльях стрижей возносится
Зримый, видимый за версту,
Свет от встречи до неба с проседью
Из отверстых вод в высоту.

Машук
I

Ночлег в горах опасен — здесь туманы
Опутывают даже облака.
И ночи цвета застарелой раны
В груди поручика Тенгинского полка.
Здесь сумрак вспорот молнией багровой,
Что яростно сражается с землёй.
И вьётся по горам в ночи суровой
Дорога серпантиновой петлёй.
Но навсегда запомнит небо это
И всякий, кто сюда прийти спешит,
Что запах крови русского поэта
Над гарью злого пороха царит.

II

О чём ты плачешь, Машукó,
Грустней смурного дня?
— Мой друг уехал далеко,
Осиротил меня.
В неравной схватке мой джигит
За Родину убит
Запальным выстрелом в упор —
У смерти меток взор.
И было горе Машукá
До неба велико.
И в небеса она взошла —
Та девица-скала.
С тех пор скорбит гора Машýк
Средь долгих-долгих лет.

А у подножия, мой друг,
Убит, убит поэт.
Он шёл на солнечный зенит,
Стихом пронзая даль.
Доныне песнь его хранит
Небесную печаль.

* * *

В октябре мне уже всё равно,
Что за окнами — дождь или снег...
Вечно грустною суждено
В этот месяц родиться мне.

Повидаться раз в год хотя б
Нам с тобой наконец привелось,
Горький батюшка мой — октябрь,
Дорогой мой позимник-гость!

Рдяной терпкой рябины гроздью
Не кровавь ладони моей.
Но вечернею непогодью
Дождь искристый в бокал мне налей.

Крестный костёр

Что же ты хочешь, Бог
(Если ты есть на свете!),
Дав мне из всех дорог
Пару — стихи и ветер?..
Пыльной тропой идти
Мне в навечерье синем.
Ветер завыл: «Прости!»
Ветер, ужели сгинем?
Зыбку из звёзд качал
Мир на верхушках сосен,
Дав мне из всех начал
Пару поблёклых блёсен.
Ветер, лови, лови
Вечером в невод звёздный
Ветреный стих любви...
Верь мне, пока не поздно!
Чтобы костёр возжечь
Крестный, нужны в дороге —
Ветер, стихи и речь —
Всё-таки! — речь о Боге...

* * *

Что лучше: в небе журавлём лететь
Или дрожать в земных руках синицей?..
Нам трудно от желаний откреститься,
Тем и наказаны и виноваты тем.

Помилуй заполошных и прости!..
Поддели мы терновыми шипами —
Сомненьями израненную память.
Смиренье в нас — неторные пути...
Даруй самих себя перерасти!

Павел ВЕЛИКЖАНИН
Специальная премия Председателя Жюри

Расти, как дерево: тянись
Корнями — вглубь, вершиной — ввысь!

Дети девяностых

Ледяные батареи девяностых.
За водой пройдя полгорода с бидоном,
Сколько вытащишь из памяти заноз ты,
Овдовевшая усталая мадонна?

Треск речей, переходящий в автоматный,
Где-то там, в Москве, а тут — свои заботы:
Тормозуху зажевав листком зарплатным,
Коченели неподвижные заводы.

Наливались кровью свежие границы —
Ну зачем же их проводят красным цветом?
А подросшие участники «Зарницы»
Косяки крутили из бумажных вето.

Только детям все равно, когда рождаться:
Этот мир для них творится, будто снова.
Сколько раз тебе и петься, и рыдаться,
Изначальное единственное Слово?

Мы играли на заброшенном «Чермете»,
В богадельне ржавых башенных атлантов,
И не знали, что судьба кого-то метит
Обжигающими клеймами талантов.

Мы росли, а небо падало, алея.
Подставляй, ровесник, сбитые ладони!
Вряд ли ноша эта будет тяжелее,
Чем вода в замерзшем мамином бидоне.

Молодые поэты

Вечно жива эта шумная братия,
Пусть даже песни ее недопеты:
В строгих учебниках и хрестоматиях
Смотрят на нас молодые поэты.

Кто на портретах, а кто — фотографиях.
Есть бородатые, больше — безусых.
Сами слагали себе эпитафии
Эти язычники да Иисусы:

Кто-то — частушку, а кто-то — элегию.
Но и посмертно не выглядят кротко.
Вечная молодость — их привилегия,
Данная пулей, болезнью и водкой.

Есенин и Лазо

Алкоголь выходил мутноватой слезой
И не брал ни шиша.
Двое тезок-погодков, Есенин с Лазо,
Пили на брудершафт.

— Ты хоть сам, а меня-то...
— Да знаю, Серег...
— Но чего уж теперь...
И лежал на столе одинокий сырок —
Символ встреч и потерь.

— Вон Платонов Андрей в паровозном гудке
Слышит ржанье коня.
Так что можем с тобой уходить налегке,
Никого не виня.

— Не напрасно твой колокол строчки литой
Загудел наверху.
Два полешка, сгорели мы, став теплотой,
А не сгнили в труху.

И один из них долго смотрел на свечу,
А другой — в потолок.
Но ключами звеня, поторопит ворчун,
Как бы ты ни толок

Водку теплую в стопке, где сложено то,
Что в себе ты носил.
Сквозь пшеничную корку Сережины сто
Поднимаются в синь.

Земные дороги

Мотор сосет бензин похмельной жаждой,
Шофер глазами к полосе прирос,
Мотается над выбоиной каждой
На лобовом повешенный Христос.

И в каждой вспышке встречных фар мелькают,
Как мошки, буквы — кто б их разглядел:
«Всплывем мы все когда-нибудь мальками
Из глубины планктонных наших дел.

Зачем тебе придуманное имя?
Ведь там, куда ты ангелом влеком,
Бодливая луна сцедила вымя
Над пролитым по небу молоком».

Но веришь и в межзвездном разрежении,
В планету целя зрительной трубой,
Что твой небесный путь — лишь отражение
Земных дорог, проделанных тобой.

Утро в промзоне

Забасит трубным гласом гудок заводской,
Ввысь поднимутся дымные флаги,
Брызнет солнце оттуда, где небо с землей
Скрестят рельсов звенящие шпаги.

И потянутся, в медленном таянье сна
Разминая стальные суставы,
На крутых поворотах кренясь с полотна,
К выходным семафорам составы.

Длинношеие краны кивнут мне без слов,
Вагонетки покатят, сигналя,
И, взметая щепу, загуляет тесло
По смолистой пахучей скрижали...

Баллада о собаке

На работу придорожной рощею
Люди шли — кто с мыслями, кто без.
Вдруг с утробным лаем псина тощая
Выскочила им наперерез.

Люди тормознули, шансы взвешивая:
Электричка тронется вот-вот.
«Да она, наверно, просто бешеная!» —
Крикнул чей-то искривленный рот.

«Бей ее, а то сейчас набросится!» —
Камни слов гремят меж слюнных брызг...
Но над суеты разноголосицей
Жалобно взлетел щенячий визг.

Шум затих. Все повернули головы:
Под кустом, на травянистой кочке,
Копошились маленькие, голые,
И подслеповатые комочки —

Мира новорожденные жители...
Замер торопившийся народ.
Расступился очень уважительно
И пошел тихонечко в обход.

* * *

Правда кровью пишется

Войну лишь в телевизоре
Ты видел. Что же, брат,
Стихов своих дивизию
Выводишь на парад?

Ведь там не по-парадному —
Колонной общих мест —
С разрывами снарядными
Срифмован насмерть Брест.

Какая, к черту, строфика,
Рефрены для баллад?
С отчаяньем дистрофика
Там бился Ленинград.

Врастая в землю стылую,
За сердцем спрятав даль,
Дивизия Панфилова
Рвала зубами сталь.

Мосту, на нитку сшитому,
Молился эшелон,
С живыми и убитыми
Ползущий через Дон...

Ведь правда кровью пишется,
Пробившейся сквозь тромб.
Поймем ли мы, как дышится
В завалах катакомб

Не знающим заранее
Судьбы своей страны,
Чьи летние экзамены
Войной заменены,

Чьи строки в школьных прописях
Черкает красный цвет?
А время не торопится
Подсказывать ответ.

Но мы, врастая нервами
В свою эпоху, брат,
Пошли бы так же первыми
В свой райвоенкомат.

Екатерина КРЮК

Стихи

* * *

А звезды тут видны, но мало,
Лишь обнадеживают зря,
В чаду веселья душно стало,
В чаду веселья душ не стало —
Подняли в спешке якоря
И понеслись с попутным ветром,
Где льется невечерний свет,
Где, слыша песни, стихли кедры,
Где, слыша песнь ли, стих ли, кедры
С восторгом поняли ответ.
А здесь остался отблеск жизни,
Что с каждым днем бледней, слабей.
Грохочет многословно тризна,
Грохочет много слов, но тризна
По свету тихому церквей.

Ночная гроза

Я засыпаю под молний сверканье,
Под колыбельную грома — раскаты,
Под учащенное сердца дыханье,
Воспоминаний чудесных сонаты.

Я засыпаю под буйство стихии,
Мир сотрясающей с новою силой, —
С песней души в унисон льет стихи ли,
Прозу ль... И каждое слово мне мило.
Я засыпаю в восторге полночном,

Страх отступает смешным наважденьем
И растворяется в песне проточной,
Предвосхищая души пробужденье.

Дайте возможность свече догореть

Дайте возможность свече догореть,
Светом пролиться в души полумраке,
Ведь для души это больше, чем факел.
Дайте возможность свече догореть.
Пусть в этом свете слезы не сдержать,
В ней отразится любовь и смиренье,
Боль от утрат и надежды свеченье.
Пусть в этом свете слезы не сдержать.
Что-то за жизнь мы не сможем понять,
А лишь прочувствовать, снова и снова,
Не находя подходящего слова.
Что-то всю жизнь мы не сможем понять,
Только пока догорает свеча,
Мир расцветает в глазах человека,
И будет так до последнего века.
Пусть не спеша догорает свеча.

Родные места

Снова тянет в родные места,
Где качали меня в колыбели,
Где в окне — позолота креста,
Где в полуночи ангелы пели.
Прихожу сюда ранней порой,
Зовом сердца и мыслей ведома,
И, как древний былинный герой,
Набираюсь я силы у дома.
Полчаса для души — и назад,
Возвращаюсь к истрепанным будням.
Брошу лишь на прощание взгляд,
Чтоб вернуться сюда, когда трудно.

Зарина БИКМУЛЛИНА

«Сказки»

Зэнгэр шэл

Игла ныряет вперёд и назад,
По шелку скользит в лазурь.
И плачет осенними листьями сад,
И сна ни в одном глазу.
В татарский аул приезжает арба
С товаром и звоном монет.
А век девятнадцатый стар и горбат,
Длинней на четырнадцать лет.
Татарская песня в родном уголке —
В ней трель соловья и посев.
Парчой золотистой на синем платке
Она вышивает напев.
Тяжёлое время, в спину дыша,
Несёт июньский восход.
И дочь надевает прозрачную шаль
И старую песню поёт.
Она собирает в платок лебеду
И кормит голодных детей.
О том, кто ушёл по тонкому льду,
Давно не слыхать вестей.
Мне бабушка тихую песню поёт
В потёртом платке своём.
Потом остаются сундук и комод
И слишком холодный дом.
Теряется шаль в бесконечной реке:
Года и чужие дома.
И песню на главном, родном языке
Я пробую петь сама.

Александр ТИХОНОВ

Лирическая поэма «Взросление»

Фрагменты

* * *

Я ещё на старте, ещё в начале.
Жизнь ладони в латексе тянет мне.
Молодец! Живучий. Не зря встречали!
И легонько хлопают по спине.
Сотни тысяч солнц расправляют космы,
Истово колотится сердце дня.
Пуповину режут, а значит, космос
До последней звёздочки — для меня!
Замелькают дни, имена и даты.
Пусть ещё не ясно, что ждёт вдали,
Я у мамы первенец. Так когда-то
был Гагарин первенцем у земли.

I. ДЕТСТВО
1

Время спрессовано. Время становится мной.
Лязгнув засовами, дверь отпирает Всевышний.
Я — настоящее. Холод гудит за спиной.
Холод вселенский, космический.
Страшный и лишний.
В будущем тоже сквозят над планетой ветра.
Скрыто грядущее. Мне не добраться до сути.
Время спрессовано. В сердце вжимается страх.
Можно бояться, за это никто не осудит...
«Было и не было», «будет — не будет» — потом
Стану гадать, повзрослев и печалясь всё чаще.
Год девяностый, р.п. Большеречье[1], роддом.
Мир познаю и живу сам собой — настоящим.

* *

Век умирал: пугающе, сурово,
Но я тогда был беззаботно мал.
Играл в «войнушку» с ребятнёй дворовой
И многого ещё не понимал.

[1] Большеречье — рабочий посёлок в Омской области.

Подруги маме говорили, плача:
— *Мужик растёт!*
Слезу смахнув тайком,
Тепло мне улыбались:
— *Милый мальчик.*
Но мысленно шептали о другом:
— *Счастливая, её ребёнок поздний.*
Он рядом, смотрит матери в глаза,
А мой постарше — он штурмует Грозный…
И может вовсе не придёт назад!
Так год за годом развивалась драма,
Корёжа судьбы, язвою садня.
Я помню, как,
Держа иконку, мама
Молилась за страну и за меня.
Она у Бога вновь и вновь просила,
Чтоб я как можно дольше не взрослел.
Но я всё рос и набирался силы,
...и много понял о добре и зле.
А мама вслед шептала и крестила,
Когда я говорил: «играть иду»,
И будто троеперстьем отводила
Сквозь век ко мне летящую беду.

5

Я рос на руинах великой Державы,
Где вместо заводов — тяжелый бурьян
Повсюду стоял арматурный и ржавый
Под вопли кликуш, воронья и ворья.
Не помню развала Державы на части —
Был мал, и поэтому в розовый цвет
Раскрашивал мир. Батя продал запчасти,
Чтоб нас прокормить. Мы сдавали цветмет
Втроём с пацанами: Никитой и Пашкой,
Искали кругом алюминий и медь,
Бутылки пивные (читай — «чебурашки»)
Меняли на жвачку и разную снедь.
Но сколько мальчишеской радости было,
Когда «Чупа-чупсы» и «Турбо» могли
На деньги от сданных в киоски бутылок
Купить, чтоб беспечно надуть пузыри!
Вокруг пузырились и лопались банки,
Наследье Союза трещало по швам.
В Европе — чужие ракеты и танки.
Кто помнил тогда, что Россия жива?
Пока на Кавказе горланили пушки,
В сибирской глубинке жила детвора:
Сдавала бутылки, играла в «войнушки»,
Дралась с малышнёй из чужого двора.
Я позже узнал, что в конфликтах дурацких
(Решили, что вместе им тягостно жить)
Народы из близких, практически братских,
Друг друга пытались поднять на ножи.
Кто с кем и зачем? Был умело запутан
Клубок наших бедствий, и комом с горы
Катилась тяжелая, долгая смута
В глухие дворы, где полно детворы.
Из детства протянута ниточкой тонкой,
Сквозь память пропущена струнка души.
Тогда мне Россия казалась ребёнком.
Мы вместе росли и учились, как жить.

ПУБЛИЦИСТИКА

Тихон ГОНЧАРОВ

Донбасские хроники

О русской песне и украинском нацизме

> «Я до сих пор не могу выносить тех заунывных, раздирающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным русским пространствам. Звуки эти вьются около моего сердца, и я даже дивлюсь, почему каждый не ощущает в себе того же».
>
> «Песни для Малороссии — всё: и поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о протекшем быте этой цветущей части России».
>
> *Николай Васильевич Гоголь*

Накануне очередной украинский деятель отметился громким нацистским высказыванием. В эфире украинского телевидения советник главы МВД Украины Шкиряк заявил, что «песни на русском языке уничтожают мозг украинских детей», и выразил поддержку ограничительным мерам в украинском медиа-пространстве в отношении «российской гадости».

Что ж, перед нами типичный пример тупого наглого рагулья, выкинутого в верха украинского политикума зловонной мутной волной «революции гидности». Реагировать на каждое высказывание недоумков, концентрация которых в нынешней украинской «элите» чрезмерно высока, может и не стоит, но тема ненависти к русской песне и русской музыке не такая мелочная, как может показаться. Я не имею в виду всевозможную примитивную попсу, которую следовало бы ограничить и в самой России. Вопрос гораздо глубже и важнее.

Песня — это не просто элемент развлечения, это один из главных принципов национального воспитания. «Ребенок должен слышать русскую песню еще в колыбели. Пение несет ему первый душевный вздох и первый духовный стон: они должны быть

русскими. Пение помогает рождению и изживанию чувства в душе; оно превращает пассивный, беспомощный и потому обычно тягостный аффект — в активную, текучую, творческую эмоцию: ребенок должен бессознательно усваивать русский строй чувств, и особенно духовных чувствований. Пение научит его первому одухотворению душевного естества — по-русски, пение даст ему первое «не-животное» счастье — по-русски. Русская песня глубока, как человеческое страдание, искренна, как молитва, сладостна, как любовь и утешение; в наши черные дни, как под игом татар, она даст детской душе исход из грозящего озлобления и каменения», — писал выдающийся русский философ Иван Ильин.

Песня в школе

На Украине борьба с русской песней давно считается одной из главных задач образования, наряду с насильственной украинизацией. Я учился в русскоязычной школе в 90-х годах. И даже в тех, еще недалеко ушедших от советских, школьных программах по пению практически были вычеркнуты русские песни. А критерием для оценок были выученные или не выученные слова какой-нибудь песни «По дорози жук-жук».

После переворота 2014 года пришедшее к власти быдло решило полностью зачистить сферу музыкального образования. В мае 2017-го Министерство культуры Украины объявило о проведении Всеукраинского конкурса учебных программ по направлению «Музыкальное искусство». В перечне требований к рукописям программ по виолончели, сольфеджио, сольному пению, симфоническому оркестру указывается, что «программы, переделанные из программ советского периода, рассматриваться не будут».

При составлении «Списка использованных источников» и «Ориентировочных репертуарных списков» учитывать требования законодательных актов, таких как: 1) Закон Украины «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символики»; 2) Постановление Верховной Рады Украины «Об Обращении Верховной Рады Украины к Организации Объединенных Наций, Европейского Парламента, Парламентской Ассамблеи Совета Европы, Парламентской Ассамблеи НАТО, Парламентской Ассамблеи ОБСЕ, Парламентской Ассамблеи ГУАМ, парламентов стран мира о признании Российской Федерации государством-агрессором»; 3) приказ МОН Украины от 16.06.2015 №641 «Об утверждении концепции национально-патриотического воспитания детей и молодежи», где высказано предостережение по декоммунизации, агрессии Российской Федерации», — говорится в четвертом пункте требований украинского Минкульта. Таким образом, из числа «репертуарных списков» должны быть исключены все музыкальные произведения, в которых хотя бы каким-то образом воспевались какие-либо аспекты жизни населения России и СССР, в том числе УССР.

Теперь даже великого русского композитора Петра Ильича Чайковского на полном серьезе в Киеве объявляют «украинским композитором Пэтром Ильковычем Чайкой», которого «узурпировала Россия».

Малороссийская песня — часть русской культуры

Важно отметить, что сама по себе малороссийская народная песня является неотъемлемой частью русской культуры, как и малороссийское наречие — неотъемлемая часть общерусского литературного языка. Лучшие образцы малороссийских песен всегда входили и входят в репертуар лучших исполнителей и коллективов России. Русские композиторы широко использовали в своем творчестве мелодии Южной Руси. Единство русской культуры необходимо так же пропагандировать, как и единство разделенного русского народа.

Бред об «украденной истории»

Если раньше идиотический бред свидомых об «украденной истории», «украденной культуре» и т.п. звучали как образец своеобразного юмора и были объектом для насмешек, то в новой политической реальности буйное «украинство» выходит на международный уровень. Чего стоит история с русской княжной Анной и князем Ярославом Мудрым, которых Порошенко на глазах у всего мира во Франции записал в «украинцы». И если раньше все это подняли бы на смех, то теперь ставленник международного капитала Макрон охотно вторит сей ахинее. Такими темпами украинская пропаганда скоро переплюнет и Геббельса. Русофобски настроенная часть западной элиты уже демонстрирует готовность поддержать «голос правды» из уст представителей преступного киевского режима.

В этой связи России стоит предпринять незамедлительные усилия по противодействию украинскому вранью и, наконец, камня на камне не оставить от главных постулатов «украинства», построенных на неприкрытой чудовищной лжи. Сделать это надо было еще позавчера, но теперь это актуально втройне. Всё, что для этого нужно, — широко озвучить правду.

В последние годы перед переворотом работа в этом направлении кое-как была начата. На российском телевидении начали выходить неплохие фильмы, разоблачающие украинский национальный проект, стали печатать историческую литературу... Но ошибки многолетнего наплевательского отношения к теме возвращения украинцам русского име-

ни оказались роковыми, кровавый переворот уже уничтожил десятки тысяч русских жизней, на Украине воцарилась невиданная вакханалия воинствующих русофобов.

Следует сделать оговорку, что у власти в Киеве сейчас представители, мягко говоря, не самой грамотной и воспитанной части населения, но и многие культурные и образованные жители «незалежной», поддавшись массовому психозу, пали в пропасть животной ненависти к собственному русскому имени. Сбылась вековая мечта врагов России — из неотъемлемой части русского народа воспитали отъявленных янычар, готовых в прямом смысле вырезать русских.

Ситуация страшная, но не безнадежная. Пример Донбасса показал, что люди готовы сопротивляться нацистскому беспределу. После того как преступный режим падет, Украина подлежит денацификации, после чего надо будет восстанавливать покалеченное сознание детей и молодежи, которые сейчас находятся под идеологическим гнетом подобных Шкиряку особей. В том числе в русских регионах Новороссии и на оккупированных территориях Донбасса.

Поэтому начинать жесткую борьбу с проявлениями украинского нацизма и русофобии, как на самой Украине, так и за ее пределами, нужно незамедлительно. И далеко не только выражением «озабоченностей».

Россия должна защищать русских, а не только интересы «трубы»

Верховная Рада приняла «Закон об образовании», фактически запрещающий обучение на русском языке и языках национальных меньшинств. Этот закон — естественное продолжение политики вытеснения русского языка из украинского гуманитарного и образовательного пространства, продолжавшейся с разной степенью активности абсолютно при всех украинских президентах.

При этом российская власть, начиная с ельцинских времен, на Украине вела себя в вопросе защиты русских, составлявших большинство населения, мягко говоря, пассивно. Даже в «лучшие» времена правления «донецких» интересы российского истеблишмента ограничивались газовой трубой.

Запад же, напротив, львиную долю своих финансовых и политических вложений направлял на работу с молодежью, целенаправленно воспитывая прослойку русофобов (в большинстве своем русскоязычных), ставшую, пожалуй, главной опорой переворота 2014 года.

Много было написано о деятельности Россотрудничества, организациях «профессиональных соотечественников» и провале российской политики на Украине. Нет смысла все это повторять. Но ведь режиму преступной хунты, незаконно пришедшей к власти в Киеве, уже четвертый год. Украина практически полностью попала в омут животной русофобии и запредельного нацизма. Сожженные заживо люди в Одессе, геноцид жителей Донбасса, тысячи русских в застенках СБУ и т.д. Поменялось что-то в российской политике?..

Вот и сейчас, когда был принят вопиющий закон, уничтожающий остатки образования на русском языке, незамедлительно и довольно жестко отреагировала Венгрия, защищая своих соотечественников, заявив, что Будапешт отказывается от международной поддержки Украины. Президент Молдавии Игорь Додон также призвал Киев отменить закон об образовании. Даже Румыния выразила обеспокоенность. А что же Россия? Спустя неделю (!) появилось заявление российского МИД, в котором Киев обвинен в «нарушении Конституции».

«Рассматриваем этот шаг как попытку «майданной» власти осуществить полную украинизацию образовательного пространства страны, что прямо противоречит как ее конституции, так и взятым Киевом на себя международным обязательствам в гуманитарной сфере», — говорится в комментарии, опубликованном на сайте МИД РФ.

И это все? Больше, надо понимать, внешнеполитическому ведомству сказать нечего? Сильно...

На днях в сети появилась статья по поводу реакции на принятый Радой закон под названием «Молчание русских ягнят», в которой автор из Москвы обвинял жителей Украины в отсутствии публичной реакции на ущемление права обучаться на русском языке. Статья вызвала неоднозначную реакцию, в том числе среди тех, кто не покинул Малую Русь и продолжает бороться доступными методами. Предлагаю взглянуть на вопрос «ягнят» через призму Евангелия.

Есть в Евангелии от Иоанна притча о пастыре добром, который «жизнь полагает за своих овец» и наемнике, который «не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка, и оставляет овец, и бежит», после чего «волк расхищает овец, и разгоняет их». По-моему, ситуация с бегством «наемников» Януковича и предательством тех, кто остался прислуживать хунте, как раз подходит под эту притчу из Писания. После бегства наемников овец расхитили и разогнали. А где же пастырь добрый? Тот, который должен защищать овец. Остается надеяться, что эту защиту мы все-таки увидим. И не только в беззубых заявлениях МИД спустя неделю после откровенного плевка в лицо России.

P.S. Тем временем Республики Донбасса на фоне украинского безумия выглядят островками свободы и открытых возможностей. Я имею в виду не экономику и политическую систему, а ситуацию в сфере образования и возможности беспрепятственно учиться на родном русском языке, петь родные песни и открыто исповедовать Православную веру, без оглядки на СБУ посещать храмы Московского Патриархата, в которых возносятся молитвы за защит-

ников Донбасса. Я считаю, что это главное достижение народных республик и оно выше сиюминутных экономических и финансовых проблем.

Но, как показывает практика, на фоне общей пророссийской направленности обучения и интеграции в общероссийское образовательное пространство, подводные «украинизаторские» камни есть и здесь. Например, в Луганске девятитысячным тиражом издан учебник украинской литературы для 6 класса, напичканный произведениями лютых русофобов. Об этом сообщил возмущенный отец шестиклассника протоиерей Алексей Слюсаренко. И это только один учебник! Скорее всего, подобная ситуация и в других, отредактированных для отвода глаз и на скорую руку учебных пособиях.

Другой случай. Одна моя знакомая женщина, дети которой учатся в начальных классах одной из центральных луганских школ, рассказала, что у сына в классе один учебник русского языка на троих. При этом учебников украинской мовы — хоть два в одни руки выдавай. Можно было подумать, что это избыток старых украинских учебников, так нет! Оба учебника — как русского языка, так и украинского, — печатают в России и переправляют в ЛНР с гуманитарными конвоями. Получается, Россия заботится, чтобы луганские школьники в первую очередь учили «мову», а родной русский язык по остаточному принципу? Надеюсь, все же, что это просто недоработка чиновников.

Эмилия Деменцова

Из публицистического цикла «В Россию можно только верить»

Литература осталась

Год литературы прошел, литература осталась. Вот только с чем? Про «с кем?», всё ясно — с народом. Он пусть меньше, чем хотелось бы, и не всегда то, что следовало бы, но почитывает, навык не потерян. И не про приходящих в литературу речь, пусть приходят. И не важно, что не ждут (а разве когда-то ждали?!). Речь о непреходящих, классиках, о тех, кто, обретя дату смерти, наречены бессмертными. «Они любить умеют только мертвых», может быть потому, что почившие ничего больше не напишут? Но любят-то, как и при жизни, по ранжиру. Диалог из «Доживем до понедельника» актуальности не потерял: «— Никто не обязан помнить всех второстепенных авторов. / — А его уже перевели. / — Куда? / — Перевели в первостепенные. Вы не слышали?» Как и в случае с орденом за заслуги перед Отечеством, у почивших словно бы есть свои степени и чины. Но «чины людьми даются, а люди могут обмануться», — писал один поэт и дипломат. Бесспорно первостепенный. Но был и другой, его современник, тоже поэт и тоже дипломат, но, как оказалось, из второго эшелона — Федор Тютчев. Памятник первому украшает Чистопрудный бульвар, Москву, Россию. Если в тексте между упомянутыми местами можно поставить запятую, которая только пунктуационно разделит, но смыслово объединит объекты, не вдаваясь в масштабность карты или личности, то на законодательном уровне такие вольности неуместны. Тут у объектов культурного наследия строгий пьедестал — уровни федеральный, региональный, местный. Вместо «Шапки» Владимира Войновича теперь важно, что стоит в «шапке» документа от учреждения культуры, какого оно уровня. Булгаковское «история рассудит» пока оборачивается тем, что судят не «-веды», даже не читатели, но чиновники. Они-то, движимые, как порой кажется, собственными литературными вкусами, и решают, кому быть великим, а кому всего-навсего выдающимся. Но, как в случае с двумя вышеназванными поэтами-дипломатами, руководствуются, кажется, не только стихами.

Тютчев двадцать с лишним лет в России не жил, уезжал и возвращался вновь, писал то: «Хоть я и не привык жить в России, но думаю, что невозможно быть более привязанным к своей стране, нежели я, более постоянно озабоченный тем, что до нее относится. И я заранее радуюсь тому, что снова окажусь там», то: «Я не без грусти расстался с этим гнилым Западом, таким чистым и полным удобств, чтобы вернуться в эту многообещающую в будущем грязь милой родины». Милая родина, живя по принципу «никто не забыт, ничто не забыто», включила своего блудного сына в списки обязательных для прочтения книг РАН, в школьную программу. С высоких трибун федерального значения слетало тютчевское «Умом Россию не понять...», но общим аршином отмерено ему место областное. Область не литературная, не дипломатическая — Брянская. Дескать, где родился, там и пригодился.

В Москве в скверике в Армянском переулке висит доска, сообщающая, что «в этом доме провел детство и юность Ф. И. Тютчев», и стоит бюст поэта. В баварской столице Мюнхене тоже висит доска, указующая, где и в какие годы «работал выдающийся российский поэт и дипломат». Вот и опять «выдающийся», но если от центра старого города, где жил и работал поэт, совершить прогулку к Английскому парку, то никак не миновать дивный тенистый сад с петляющими дорожками и потайными скамейками среди раскидистых деревьев. Здесь смолкает шум города и звучит тишина. Это Сад поэтов. Здесь можно встретить Конфуция, Шопена и двух друзей — Гейне и Тютчева, одетых в камень. Вот такое соседство, которое только в начале кажется странным. Дело в том, что в Германии не задают сакраментальных вопросов: «А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?» — и если отстраниться от формуляров и ярлыков, задающих «кто есть кто», то в тронутой ветром листве можно услышать и поэзию нотного

стана, и кисточки, скользящей по дощечке из расщепленного бамбука, и пера, выводящего рифмы по бумаге. Памятник Гейне вторит романтике его строк — муза любовных песен Эрато в гроте ждет своего Поэта, что усладит ее лирными строками, выбитыми рядом на камне. А неподалеку, не нарушая тишины уединения, стоит на постаменте, глядя задумчиво и угрюмо, тот, кто «служил России в Мюнхене как дипломат, а человечеству как поэт и философ». Именно такая фраза выбита на пьедестале памятника Тютчеву. В Германии на двух языках толкуют о службе человечеству, да и у нас не возражают: село Брянской области Овстуг — человечества часть.

Здесь, в Овстуге, расположен мемориальный историко-литературный музей — заповедник Тютчева. На федеральной земле — объект областного значения. Ну, землю у нас всегда ценили больше людей, что ж удивляться?! Это место рождения поэта и возрождения. Сегодня усадьба ослепляет великолепием и множеством оттенков зелени (не хуже, чем Сад поэтов), — хотя всё так, как вроде бы и должно быть, но нельзя не принять во внимание трудную историю этого места и подвиг, полный не меньшего героизма, чем военный, людей, которые возродили имение Тютчевых. После революции почти все постройки, помнящие поэта, были разобраны на кирпичи для строящегося административного здания, да и просто для хозяйства. В Великую Отечественную местную церковь взорвали, сады и парк усадьбы извели под корень, что можно было разграбить — разграбили. После — уже не немецко-фашистские, а свои — в бывших аллеях парка пасли скот и разводили свиней.

Всё изменил обычный сельский учитель Владимир Гамолин, мечтатель, про таких одни говорят — чудак-человек, другие — праведник. Учитель по кирпичикам и осколкам собрал то, чем сегодня гордится Брянщина и, не боясь выйти за границы субъекта РФ, вся Русская земля. Он начал с того, что хорошо знал: со школы, той самой, что построила для сельских ребят еще дочь Тютчева. Здание школы уцелело, в одной из ее комнат был организован маленький музей, школьники постепенно начали восстанавливать парк, высаживая деревья и кустарники. В 70-е на территории усадьбы установили памятник поэту, в 80-е из контура фундамента воскресло здание усадебного дома, за ним ограды, пруд с лебедями, которые и по сей день хозяевами разгуливают по парку. Именно Гамолин первым учредил ежегодные тютчевские праздники поэзии; это уже потом появились пушкинские и другие литературные дни. В местном краеведческом музее отдельная комната посвящена этому удивительному человеку, — так красиво закольцевалась его жизнь: от музея до музея. Гамолин тоже был поэтом и поистине общественным деятелем, помнящим, что «культура» по-гречески «возделывание» не только собственной души, но мира вокруг. За пределами Овстуга об этом иногда забывают. А здесь про кропотливейший процесс восстановления и реконструкции вдохновенно рассказывают местные экскурсоводы, не заученно, с душой. Вообще, весь небольшой коллектив музея-усадьбы из тех, кого, как и Гамолина, можно назвать подвижниками. Нет здесь случайных людей и каждый «не одну играет роль»: усадебные вечера, концерты, авторские экскурсии, конкурсы и фестивали. Всё на чистом энтузиазме, и более с Божьей, чем с государственной помощью.

Горько, но усадьба Тютчева возродилась не для жизни, а для выживания. Большой вклад в восстановление местной Успенской церкви внесла немецкая компания «Кнауф»: немцы разрушили, немцы сочли долгом восстановить. Как бы и нам в долгу не оказаться перед усадьбой, которая пусть держится, улыбается, встречая гостей, но все же ветшает. Здесь не прибедняются, ощущаемая нехватка средств из категории благородной бедности. Нынешний директор музея Оксана Шейкина — хозяйка рачительная, деятельная, креативная, как модно говорить, но на то, чтобы воплотить все светлые мысли, которые витают в этом благословенном месте, нужны банальные дотации, которых не хватает. Не стал пока Овстуг усадьбой-брендом: слышим Михайловское подразумеваем Пушкин, Карабиха — Некрасов, Шахматово — Блок. Подмосковное Мураново чаще упоминается в связи с Тютчевым и носит его имя, но, справедливости ради, поэт там ни разу не был, а Овстуг воспевал и не забывал. Вот и нам нельзя.

Культуру у нас любят. Любят всю без остатка. Без остатка средств на финансирование. Казенное «по остаточному принципу» — это про нее и может так статься, что культуры останется столько, сколько на нее выделяют. Копеечка в копеечку. Прибавить бы к остатку до достатка, чтоб не оскудела земля ни умами, ни талантами, ни сердцами. Денег не хватает на живых, каков резон тратить на мертвых? Но ведь не Тютчеву нужна его усадьба!.. Вклад в литературную усадьбу, музей, театр, любое учреждение культуры — это не вклад в прошлое, не поощрение старины. Это инвестиция. Сколь долгосрочная, столь и долгоиграющая. Культура — во благо общества, а ее как дороги, фонари, прогноз погоды на завтра все чаще воспринимают как, говоря языком экономистов, «общественное благо», вот и возникает «эффект безбилетника» — потребители хотят не платить, но потреблять, а отпущенного государством хватает едва. Не надо бы доводить культуру до состояния дорог, тусклых фонарей и «точности» метеопрогнозов. Будет грустно, если спустя рукава и годы в какой-нибудь литературной усадьбе-заповеднике нашей страны повторится довлатовский диалог из «Заповедника», где вместо Пушкина будет стоять любое другое имя: «Какие экспонаты музея — подлинные? <...> — Здесь все подлинное. Река, холмы, деревья — сверстники Пушкина. Его собеседники и друзья. Вся удивительная природа здешних мест...» И кончится тем, что от великой литературы останутся только литеры. Тогда уж действительно кончится...

И пока не пришла пора искать тень Тютчева в Мюнхене, может, вспомнят в России певшего ее поэта, может быть коллеги-поэты из МИДа обратят внимание на усадьбу достойного дипломата и гражданина, а может, одну из новых станций Московского метрополитена назовут «Тютчевской», и поезд, и дело, и вереница новых поэтов и читателей двинутся в Овстугскую обитель? «Чему бы жизнь нас ни учила, / Но сердце верит в чудеса».

По дороге в Москву

Письменный стол на колесах спешил из Брянска в Москву. И мне не терпелось увидеть родных, рассказать о своих открытиях. Не великих, не заслуживающих патента, ничего не способных изменить в жизни попутчиков. Вагонные обрывки фраз обнаруживали, что спутники мои уезжали из дома накануне новой трудовой недели. Они — из дома, я — домой, но с чувством, будто там, на брянском перроне, остались близкие мне люди. Из дома — домой. Рядом чай в подстаканнике (так вкуснее), шпалы-строки, записная книжка, движение за окном, поторапливающее руку. Несколько дней в Дятьково писать было некогда, и вот теперь рука не поспевала за мыслями: лица, имена, приметы, названия, детали, зарисовки, «картинки с выставки» города, чья слава не опережает его. За истинно народным и добродушным названием Дятьково скрывается, как оказалось, хрустальный город, город партизанской славы, город трудяг и поэтов. Пусть фасады его не блещут, дороги бедовы, мусор стал частью пейзажа, но жива здесь главная достопримечательность здешних мест, та, что не дает городу и округе забыть о себе, впасть в беспамятство. Достопримечательность эта из тех, что встречается реже музеев, храмов и памятников — люди. Не население и не электорат — люди. Написать бы с заглавной, но они не важничают и не кичатся своей славой. Теплые, наперекор климату; улыбчивые, вопреки невзгодам; незамутненные, как местная (что это я?! Всероссийская) гордость — хрусталь. Дятьково — натура для фильмов в духе нового неореализма. Актеров брать с собой не надо. Окрестные жители сыграют сами себя, расскажут свои жизни без прикрас и рисовки, да так, что вы заслушаетесь. Здесь живет много пейзажистов — поэтов и художников, но здесь раздолье для портретистов. Не перевелись тут лица, которые интересно читать, глаза, которые не убегают от вас в разговоре, и шепотки тут не в почете — говорят здесь открыто, иной раз с прибауткой, на русском, не подвергшемся коррозии модных иностранных заимствований, языке. А сколько сцен для картин в духе русской жанровой живописи! Нынешние Федотовы, Маковские, Пукиревы, приезжайте сюда на этюды, с пустыми руками не вернетесь.

...За моей спиной молодая семья стала играть вслух — составлять слова из одного длинного слова. Соседей тоже вовлекли в забаву. Играли бойко и громко. Заглушили мой внутренний монолог, перевели мысль на новые рельсы. Глядя в окно, я тоже решила сыграть сама с собой — стала составлять слова из оставшегося позади «ДЯТЬКОВО». Что скрывается в этом слове? Что запер язык в названии этого места, так запавшего мне в душу? Пусть целое больше суммы своих частей, но что это за части, что составляют город, который кто-то, походя, назовет глубинкой, а кто-то, присмотревшись, разглядит глубину? Насчитала 15 слов и ни одного случайного.

КТО — вопросительное или союзное слово: употребляется при постановке общего вопроса о предмете, явлении, действии в вопросах об одушевлённых субъектах.

Слово вопросительное, но здесь хочется восклицать. Сколько мыслей и книг (чаще самиздатовских) родом отсюда. Сколько поэтов, журналистов, краеведов, историков, просто людей, любящих слово, творят здесь. Их слова кладут на музыку, так рождаются песни. Их поют на местном фестивале авторской песни «Три колодца» (памяти Владимира Высоцкого). Их послушать приезжают не только из России. Под сенью дерев, у костра собираются люди разных возрастов, профессий, убеждений. Местные и соотечественники, живущие за рубежом. Стар и млад. Здесь приобщаются к традиции, ставшей неотъемлемой частью русской культуры. Здесь встречают свою любовь и находят счастье (лично познакомилась с двумя такими парами. Живут они с песней по жизни, счастливы и хранимы друг другом. И да будет так). А хрустальщики! Не хрупкие, но тонкие люди. Что только не воплощают они в хрустале, чего только не выдумывают и не выдувают. Лучшие образцы — в местном музее хрусталя. Не выходя из него, можно изучать историю страны. У каждой эпохи свой хрусталь. У каждого мастера свой почерк. А сколько жанров воплощено в хрустале: гуляешь по музею и видишь то элегию, то сатиру, то балладу, то поэму...

ОКО — то же, что глаз. Здесь есть за что зацепиться глазу. В музее — залюбуешься, на выходе, оглядевшись, пожалеешь, почему в городе так мало цветов. Гранить хрусталь здесь умеют виртуозно, а огранить город пока не удается. Но надежда есть.

ОТВОД — изменение расположения или направления движения кого-либо. Узнать, что в городе что-то делается «для отвода глаз», мне не удалось, а вот то, что в беседке местного «Венчального сквера» в хорошую погоду, когда солнце отражается в воде, «глаз не отвести», — это несомненно. Да и хочется верить, что местных чиновников хрустальный отпечаток местности обязывает. Хрусталь суть прозрачность. Надо соответствовать.

ДЬЯК — церковнослужитель низшего разряда в православной церкви. «Неопалимая купина» с единственным в мире хрустальным иконостасом — местная гордость. В храме обещают наладить осве-

щение так, чтобы иконостас светился точно изнутри. Близ храма стоит поклонный крест — тоже хрустальный. Фонтан с хрустальной водой тоже неподалеку. Всё органично и не вычурно. А будет, обещают, еще краше.

ОВОД — насекомое-паразит. Без этого, увы, не обходится. Завелись в городе вандалы, которые гадят, портят дома, губят природу и благие начинания, которые наперекор и вопреки воплощают простые неравнодушные люди. Но «Овод» для меня — это прежде всего герой романа Э. Л. Войнич, человек с горячим сердцем и обостренным чувством справедливости. Жар ли раскаленных стекловаренных печей сказывается, но таких в Дятькове немало. Пламенных. Неопалимых. Недаром и ведущая местная газета называется «Пламя труда».

ДОТ — долговременная огневая точка. Дятьково прежде назывался Партизанском. Память о сороковых-роковых здесь хранят свято. Много подвигов было на этой земле. 13 партизанских отрядов воевало тут. Памятен и подвиг журналистов местной «Партизанской правды», которые, лишившись типографии, выпускали газету на бересте.

ДВОЯКО — двумя способами, в двух видах. Здесь вспоминается Саша Черный: «Одни кричат: «Что форма? Пустяки! / Когда в хрусталь налить навозной жижи — / Не станет ли хрусталь безмерно ниже?» / Другие возражают: «Дураки! / И лучшего вина в ночном сосуде / Не станут пить порядочные люди». / Им спора не решить... А жаль! / Ведь можно наливать... вино в хрусталь».

ЯВЬ — действительность, реальность. С одной стороны, радуешься тому, как охотно и деятельно работают во благо города его обитатели, с другой, удивляешься, почему всё им достается так трудно. Почему благие начинания приходится «пробивать». По сути, отец-основатель Дятькова — Василий Мальцов — представитель известнейшей в России династии промышленников и меценатов. Инноватор и социально ответственный предприниматель, как сказали бы сегодня. Его имя стало брендом, так неужели не заслужил этот достойнейший человек в масштабах не местности, но страны памятника? Не первый год группа все тех же неравнодушных людей ищет деньги на установку монумента. Но с деньгами те, у кого они есть, почему-то очень трудно расстаются. На это великое дело нужны не великие деньги, как, кстати, и на фестиваль «Три колодца», проведение которого каждый год остается под большим вопросом. Не вырастут сами собой ни постамент памятника, ни подмостки сцены без новых меценатов, которым, история свидетельствует, за благие дела — воздастся. Неужели перевелись они на Брянщине и протянутые руки должны дотянуться до столицы?

КЬЯТ — денежная единица Мьянмы. Какие уж кьяты, Дятькову остро недостает рублей. Все культурные инициативы, которых в городе на удивление много и они востребованы, держатся на энтузиазме и экономии людей (не на деле, на себе!). Отчаются люди, опустят руки и останутся от Дятькова хрустальные осколки.

ТЯВ — лай собаки. Большие дела начинаются с малого. На Пролетарской улице замечена собака, которая то ли ждет своего хозяина на автобусной остановке, то ли ищет человека, который бы приютил ее. Добрый, приветливый пес с грустными глазами. Пусть он найдет свой дом...

КОТ — самец кошки. ...Такой же уютный дом, в котором побывала я. В нем живут в любви и довольстве пять котов и одна кошка (бандерша). Живут эти коты среди книг, музыки (живой — ибо хозяйки дома люди творческие) и картин. И сами просятся на полотно, так они красивы и своехарактерны. Тоже коренные дятьковцы. Яркая страница моего путешествия.

КОД — система символов, применяемая для передачи информации. Культурный код Дятькова — общероссийский. Здесь любят свою землю, семьи (недаром говорят про «фамильный хрусталь» — Дятьково и сам по себе город династический — город врачей, инженеров, рабочих в nn-поколениях), образованность здесь в почете, а застолья превращаются в поистине пушкинский table-talk. Гостей привечают, радушно принимают, выслушивают и сами говорят так, что заслушаешься.

ТОК — направленное движение частиц, в частности, электрически заряженных; *перен.* течение времени. Время, никогда не бывающее легким, не пощадило Дятьково. Но он не сдается. Люди, помня уроки войны, его не сдают. Всем бы равняться на местных неравнодушных активистов, которые стремятся преобразить свой город не по долгу службы, а по зову сердца. Думают о детях и внуках, словом, о будущем, которое закладывается сегодня. «Венчальный сквер» — заслуга неравнодушных горожан, вкладывающих в город собственные силы и время. Как и фестиваль «Три колодца». Как и домик для книг (буккроссинг) в местном парке.

КОДО — японское искусство составления благовоний. В Дятькове накануне Первомая пахло весной и надеждой. После субботника город стал чуть опрятнее, чуть улыбчивее, так что солнце не высвечивало недостатки, а создавало иллюзию лучащихся зданий и пейзажей.

«Наш поезд прибывает на конечную станцию Киевский вокзал», — сообщила проводница. А у меня еще роились в мыслях хрустальные сервизы, голоса, колокольчики, смех, блеск, перезвоны и даже хрустальная туфелька Золушки. Таков он, дятьковский эффект — на все начинаешь смотреть через хрустальную призму. Неслучайно хрусталь и хрусталик глаза — однокоренные. В блокнот я записала пятнадцатое слово. Не последнее, потому что уверена, что Дятьково еще не раз отзовется во мне. Слово это употребляется в восклицаниях, для привлечения внимания собеседника и для обобщения сказанного — ВОТ!

Яна Сафронова

Заглянуть в лицо

(О книжном бизнесе)

> «Мир всегда одинаков и стоит, отвернувшись от нас. Наше счастье — заглянуть миру в лицо».
>
> *Михаил Пришвин*

Как работает механизм

«Рукописи не рецензируются и не возвращаются» — выделено жирным шрифтом в условиях приёма рукописей издательства «Эксмо». Возможно, они и не возвращаются, но рецензируются — совершенно точно. Когда-то, в числе прочих, и мной.

Во внештатные рецензенты я попала с экскурсии, устроенной одним из преподавателей моего института. Мы сидели в современном стеклянном зале для переговоров, а редактор отдела зарубежной прозы перечисляла условия, при которых книгу могут взять в печать. Одним из них было: «У вас должен быть один роман, но к нему вдобавок ещё три или четыре, если у вас свой стиль... в ином случае у нас есть серии женского романа, детектива, исторической прозы, куда можно «вписаться». Все эти коммерческие предложения меня мало интересовали — на том же сайте «Эксмо» очень чётко было прописано: «Мы не рассматриваем поэзию (стихотворные произведения)». В плане публикаций мне ловить было нечего. Но я быстро сообразила, как реализовать свой критический потенциал, когда редактор заговорила о работе рецензентов. «А как можно устроиться к вам на работу?» — спросила я, краснея. Мне выдали контакты отдела современной прозы, и я тут же написала восторженное электронное письмо: мол, хочу с вами работать, очень интересно было бы посотрудничать...

Ответ пришёл через неделю. Сговорились, что первые тексты мне дают на пробу, следовательно, за них не платят. Однако уже через пятнадцать минут редактор изменила решение и прислала сумму будущей оплаты. Следует упомянуть, что в издательстве меня не знал никто, о моих способностях или об их отсутствии у работников не было ни малейшего представления, и то ли мне просто поверили, то ли они брали вообще всех, кто хотел заниматься оценкой художественной прозы. Мне выслали очень подробный план рецензии. «Вам нужна схематичная статья?» — сразу же поинтересовалась я. «Нет, литературная, художественная». Ответ меня удовлетворил, и с первой партией я справилась за две недели. Оценка моей работы удивила: попросили составлять рецензию по пунктам, которые прописаны в выданном ранее плане, а пункты в самой рецензии обозначать названиями. И что же я, по мнению редакции, имела в виду, когда спрашивала о схематичности?

Немного об упомянутом плане. Первая его часть состояла из таких обыденных вещей, как краткое содержание, сегмент, мнение рецензента о массе вещей (композиция, динамичность, образы, язык произведений и т. д.). Вторая же представляла собой огромную таблицу, которую я преимущественно игнорировала в своей работе. Таблица называлась «целевая аудитория». Начиналось всё безобидно, с пола и возраста, наличия детей, социального статуса, но то, что следовало дальше, приводило меня в недоумение. В графе «благосостояние» всегда умилял второй вариант: «бедные слои населения, на еду хватает, на одежду — нет», а также четвёртый: «средние слои населения, хватает на бытовую технику». Литература в издательстве воспринимается как продукт, это известно всем, но настоящим чёрным откровением для меня стало то, что, по мнению «Эксмо», существует художественная проза в отдельности для людей, которые не могут купить одежду и которые могут позволить себе бытовую технику... Для меня так и осталось неразгаданной тайной, какова же эта литература для «бичей», в чём её смысловая и стилистическая особенность, чем она отличается от литературы для тех, кто «материальных затруднений не испытывает».

Но всё же я могу сделать предположение, основываясь на выдержках из интервью Олега Новикова, генерального директора издательской группы «Эксмо-АСТ»: «Сегодня человек начал читать Донцову, завтра— Улицкую, потом — Барнса. Но вот, например, мигранты приезжают — ну, не можем мы сразу им предложить Макьюэна. Они его не будут читать, не станут. Но многие из подрастающего поколения начали читать благодаря Донцовой, я знаю несколько примеров» . Новиков предлагает нам градацию, как бы обозначает культурные уровни, где низший — явно необеспеченные и, судя по словам Новикова, не слишком интеллектуальные «мигранты». С Донцовой и Улицкой в эстетической системе гендиректора «Эксмо» всё понятно, их взаимосвязь он обозначил следующим образом: «Не может быть высокой литературы, если нет основы — массовой литературы. В литературе не могут быть одни Улицкие» . На вершине же пирамиды восседает отчего-то английский автор-постмодернист Джулиан Барнс.

Очевидно, Новиков считает, что творчество именно этого направления соответствует планке «культурной элиты», которая состоит из читателей искушённых, уже познавших и Донцову, и Улицкую. Прибавление про мигрантов и подростков заслуживает отдельного внимания. Интересно, почему же «не тянущим» Макьюэна надо предлагать вместо него именно Донцову? Наверное, чтобы после неё всё-таки обязательно следовала Улицкая, а за ней — непременно райские сады с чудесами постмодерна.

Дети, начинающие свой читательский путь с дрянных пошлых детективов, — это вообще апофе-

оз. Зачем нам проза Пушкина, если можно сразу в грязь? Перейти, так сказать, к самому захватывающему.

Со временем я приноровилась следовать плану, обходя его странные формулировки. Выдумывала свои пункты, рассматривала произведение в большей мере с точки зрения эстетической, а не коммерческой. В моей работе мне виделась высшая цель: сделать что-то для русской литературы, отыскать среди присылаемых в издательство текстов бриллианты современной прозы, завалявшиеся в пыли безвестности. Со временем пришло понимание, что система, установленная в издательстве, всячески мешает моим целям.

Абсолютно все тексты, которые приходят в издательство, отдаются на рецензию. Главное, чтобы правильно было сформулировано письмо, указаны все контактные данные. Когда текст отправляется к рецензенту, его никто не смотрит предварительно. Поэтому в итоге можно получить любой сюрприз: от сборника школьных сочинений до романа, полностью состоящего из мата. Даже если весь текст расчерчен красным в ворде, он всё равно доходит до рецензентского компьютера. Оплата одной рецензии зависит от размера присланного текста, в теории сто замечательных страниц стоят в разы меньше, чем четыреста отвратительных, просто нечитабельных. Авторов «скидывают» архивом, примерно по пять в одной партии, количество зависит от исполнительности самого рецензента. Если сдаёшь работу в срок, то тексты независимо от твоего желания прибавляются. Несмотря на то, что сотрудничала я с отделом современной прозы, пару раз на рассмотрение присылали детских авторов. Я добросовестно отрецензировала их, посоветовавшись с коллегами, которые более меня разбираются в детской литературе. После первого я намекнула редактору, что более претендую на рецензирование «взрослой» прозы и попросту лучше в ней разбираюсь, но меня не услышали.

Один текст даётся сразу двум рецензентам: два «да» — произведение продолжает своё путешествие и направляется на оценку к редакторам, одно «нет» и одно «да» — туда же, два «нет» — в мусорный ящик, на кладбище забытых текстов. Такая практика в теории неплоха и даже претендует на объективность, ведь судьба произведения решается не единолично. Гораздо больше вопросов к тому, какие критерии устанавливаются издательством в оценке и как этот процесс реализуется на деле. Когда я только начинала сотрудничать с «Эксмо», в групповых письмах значилось двадцать семь человек. Спустя два месяца пришла массовая рассылка с анкетой: «В связи с участившимися вопросами редакторов по вашим рецензиям был составлен этот опросник. На основании данных опросника будут внесены изменения в механизм нашего дальнейшего сотрудничества». Это значило — грядёт сокращение штата. В анкете нужно было обозначить своё образование, место работы и прочие формальные вещи. После опроса цифра получателей сократилась до семи. С того момента текстов постепенно стало приходить всё больше, время на их отработку оставалось тем же — месяц. Конечно, приходилось просматривать романы в четыреста страниц по диагонали.

О чём пишут люди?

Я пишу эту заметку потому, что больше не работаю с «Эксмо», со мной так и не заключили обещанного договора, формально я не ограничена никакими запретами, а потому просто излагаю свой личный литературный опыт. Я всё же ценю его, ведь у меня была возможность поработать с «живыми» текстами разного уровня, просмотреть хотя бы частично, о чём думают люди, у которых возникает желание записать свои мысли, которые оценивают своё творчество настолько высоко, чтобы отправить его в издательство. Чем они живут, какие проблемы их волнуют, пусть даже на бытовом уровне.

Абсолютным рекордсменом среди жанров стал женский роман на вечный сюжет: история Золушки и принца. Занятия Золушки варьируются, встречались варианты сотрудницы рекламного агентства, уборщицы, продавца мебельного салона, журналистки. Принц же всегда остаётся заграничным, богатым и сказочно красивым. Произведения этого типа были исполнены с разной степенью мастерства, в этой категории встречались грамотно выстроенные образцы, где в шаблон были примерены стереотипные, только значительно осовремененные герои и героини. Часто выбирался и жанр исторического любовного романа, который назвать так можно было только с большой натяжкой. От истории в такого рода произведениях чаще всего были только красивые декорации. Почему-то преимущественно в этом жанре мне встречались самые неординарные произведения. Особенно неприятно поразила книга тринадцатилетней девушки. Героине её романа, незаконнорождённой графине, тоже было тринадцать лет. За пять дней она успела прожить богатую половую жизнь, забеременеть, в подробностях описать все эти процессы и свои «крепкие груди».

Посчастливилось встретить две повести на военную тематику, обе были автобиографичны и мало интересны в художественном плане. Упомяну, что женских романов было мною отрецензировано более тридцати, дальнейшая статистика будет единичной. Единственный постапокалиптический роман был неожиданно хорош, автор интересно поработал над трансформацией жанра. В постапокалиптическом разрушенном мире герои ушли в природу, окунулись в верования народа мари. Этот автор был единственным, страницы которого я не нашла на Прозе.ру и других свободных от отбора порталах. Но за весь год работы, кроме этого самобытного автора, мне не встретилось интересных текстов. Только накалялся градус безумия. Однажды пришёл научно-

фантастический роман про инопланетянина, страдающего импотенцией, с фотоприложением.

Пришлось удивиться и ста страницам школьных сочинений, темы которых были вовсе не оригинальны: «Что такое добро?», «Как я провела лето?», «Мой любимый домашний питомец». Я долго и мучительно размышляла, как отрецензировать этот «учебный» поток. Не прошло бесследно заявление издательства о том, что поэзию они не рассматривают. Хитрые поэты в своих прозаических произведениях наделяли героев стихотворными речевыми характеристиками, излагали их мысли в стихах. Такие опыты всегда вызывали у меня улыбку понимания.

Но, пожалуй, самым ярким впечатлением остаётся для меня последняя рецензия, после которой я решила прекратить сотрудничество с «Эксмо». Авторам, для которых «рукописи не рецензировались», моя деятельность не приносила никакой пользы, а я утонула в море бессвязной прямой речи, которой были наполнены десятки многословных произведений.

Самым ярким впечатлением тот роман остался потому, что в нём болезненно и гиперболически отражалась... боль русского народа. Это был крик человека, который взялся за перо, потому что больше не мог молчать, и настолько невыносимым ему виделось положение дел в стране, что он, как мантру, запечатлел своё отчаяние на бумаге. Его роман игнорировал все прозаические правила и принципы, даже грамматические и синтаксические нормы, он язвительно и издевательски нападал на президента, локализовав в его образе свою ненависть к коррупции и игнорированию социальных проблем. Этот автор замкнул цепочку. Во всех произведениях, приходивших в издательство, очень ощутимым было недовольство, неудовлетворённость и отчаяние. Этими текстами говорили со мной девушки, мечтающие о лучшей жизни, юноши, фантазирующие об инопланетных мирах, женщины излагали мне свои невысказанные эротические фантазии, взрослые мужчины с тяжёлым вздохом вспоминали героические времена войны, пожилые люди горько плакали, обозревая настоящее, кричали, как умели, о том, что мы живём в социальном аду, а они — его главные жертвы. Вся эта какофония непоставленных голосов слышалась, тем не менее, очень отчётливо, единым хором. Для меня стало совершенно очевидно, что люди мечтают уйти, спрятаться в тексты, которые они присылают, и спрятать в них других...

Отвлекусь от литературных мотиваций и обращусь к конкретным результатам социологических исследований. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения на апрель 2017 года определённо счастливыми ощущают себя 39% россиян. Скорее счастливыми, чем наоборот, — 46%, скорее нет — 9% и определённо несчастливы всего 4%. Подавляющее большинство «счастливчиков» объясняют свои позитивные ответы наличием семьи (32%), жизни и здоровья у себя и близких (21%), детей (19%). Кроме семейных ценностей, радуют людей и наличие хорошей работы (14%), общая удовлетворённость жизнью и хорошее материальное состояние (по 9%). Уровень счастья, по заявлению ВЦИОМ, рекордный — 85%. То ли ко мне попадали самые несчастливые, то ли люди лукавили в опросниках и бодрились, а может, самое сокровенное могли доверить только бумаге?

С редактором мы прощались тяжело. Не эмоционально, а с большой натугой. Я обозначила, что хочу прекратить наше плодотворное сотрудничество. В ответ мне пришло двадцать четыре текста на одиннадцать тысяч рублей. Некоторые из них были помечены жёлтым, авторы предпочитали остаться анонимными. «Это нужно сделать как можно быстрее», — писала мне редактор в ответном послании. «Вы меня не поняли, — ответила я уже жёстче, — мы больше не можем сотрудничать». И мы действительно не могли. Возможно, эти «жёлтые» тайные тексты были кладезем таланта, но мне уже не удастся их прочесть. Кажется, вместе с «Эксмо» я прочитала достаточно.

Во всей этой долгой истории мне очевидна одна вещь: разорванность литературного процесса. «Толстые» журналы, интернет-порталы художественного слова, которые пытаются поддерживать биение сердца русской литературы, существуют обособленно от издательств. У гигантов книжного бизнеса совершенно другие правила. Максимальная интеграция с миром литературы, которую они себе позволяют, — это внимательное отношение к литературным премиям, которые сами по себе довольно спорное эстетическое мерило. А ведь журнальная традиция в России — явление центральное, веками выполнявшее функцию регулировки литературного процесса. И сейчас молодые литераторы всё так же стремятся в «толстяки», потому что публикация в литературном журнале с историей — знак качества. И история в этом случае действительно заслуживает внимания. Русская словесность «расцвела» в журналах.

«Вестник Европы» в первый раз явил миру Пушкина, который создал «Современник», где публиковался сам и печатал Гоголя, Тургенева, Жуковского, Вяземского...

Если говорить о временах близких, то «Наш современник» подарил читателю не так давно ушедшего Валентина Распутина. И если книги признанного мастера можно найти в магазинах, то молодым «журнальным» авторам пробиться на книжный рынок достаточно сложно. Как я и говорила в начале, условием попадания хотя бы в серию является наличие романа. Вполне естественно, что начинающие авторы пишут рассказы и повести, а потому априори не могут быть напечатаны в издательстве. Поэтому «толстые» журналы становятся для них не только мечтой, но и единственным выходом на настоящую аудиторию. Даже успешные, по современным меркам литературного процесса, авторы, например, Елена Тулушева, издают сборники своих рассказов

Генеральный директор
Олег Болдырев

Художественный редактор
Татьяна Погудина

Цветоделение и компьютерная верстка
Александр Муравенко

Заведующая распространением
Ирина Бродянская

Отпечатано
в АО «Красная Звезда»
Россия, 123007, Москва,
Хорошёвское шоссе, 38
тел. +7(499) 762-63-02,
факс +7(495) 941-40-66
e-mail: kz@redstar.ru,
www.redstarprint.ru

Подписано в печать:
26.02.2019

Тираж 2 500 экз.
Уч.-изд. л. 10,0.
Заказ № 0698-2019

Адрес редакции:
Россия,
107078, Москва,
Новая Басманная, д. 19

Телефоны
редакции:
8(499) 261-84-61
отдела распространения:
8(499) 261-95-87
Факс:
8(499) 261-49-29
E-mail:
roman-gazeta-1927@yandex.ru
Сайт:
www.roman-gazeta-1927.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Отклоненные рукописи сохраняются в течение года.

далеко не в крупнейших издательствах России, и даже вообще не в издательствах. Книга Тулушевой «Чудес хочется!» издана Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ. Хорошо, что молодым авторам оказывается поддержка хотя бы с этой стороны. Что говорить о других литературных видах деятельности — поэзии, драматургии, критике? В книжных магазинах вообще вряд ли найдётся хотя бы одна хрестоматия по классической критической мысли...

Я, безусловно, считаю, что «толстые» журналы излишне дистанцировались от новых талантов, но упрекнуть их в коммерческом интересе даже при желании будет достаточно сложно. Идёт борьба за выживание, а не за массовую популярность. К тому же редакторы заботятся о поддержании имиджа и сохранении традиций своего издания. Каким образом они это делают и какой имидж поддерживают — тема для другого обширного разговора, а всё-таки ориентировка происходит не на будущие продажи, но на художественное качество, понимаемое каждым журналом по-своему. В издательстве же всё ровным счётом наоборот: важна коммерческая ценность и целевая аудитория, на которую автор будет работать. Работать, как раб на хозяина. Как тот, из первой строки, который не может позволить себе купить одежду, на того, кто не испытывает материальных трудностей, из шестой. Справедливо ли было надеяться на другое положение вещей, идя работать в «Эксмо»? Не наивно ли это? Возможно, а всё-таки я надеялась...

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Сергей ДОРОВСКИХ
Время весны 3

Инна ИГНАТКОВА
Одноглазый «тук-тук» 35

Алена БЕЛОУСЕНКО
Динозавры 55

Михаил КАЛАШНИКОВ
От Купалы до Крещения 57

ПОЭЗИЯ

Иван ВОЛОСЮК
Из цикла «Невооруженным взглядом» 61

Василий НАЦЕНТОВ
Из цикла «Невидимый хор» 63

Карина СЕЙДАМЕТОВА
Из цикла «Вольница» 64

Павел ВЕЛИКЖАНИН
Дети девяностых 67

Екатерина КРЮК
Стихи 68

Зарина БИКМУЛЛИНА
«Сказки» 69

Александр ТИХОНОВ
Лирическая поэма «Взросление». *Фрагменты* 69

ПУБЛИЦИСТИКА

Тихон ГОНЧАРОВ
Донбасские хроники 70

Эмилия ДЕМЕНЦОВА
Из публицистического цикла «В Россию можно только верить» 73

Яна САФРОНОВА
Заглянуть в лицо (о книжном бизнесе) 77

ВЕЛИКЖАНИН
Павел Александрович

Родился в 1985 году в Кузбассе. Стихи пишет с одиннадцати лет. Лауреат и дипломант поэтических конкурсов и премий: Южно-Уральской литературной премии в 2015 г., международного конкурса имени Куприна в 2016 г., премии Справедливой России и «Роман-газеты» в 2017 г., конкурса «Неизбывный вертоград» в 2018 г. и др. Автор двух книг стихов. Отец двоих сыновей.

ТИХОНОВ
Александр Александрович

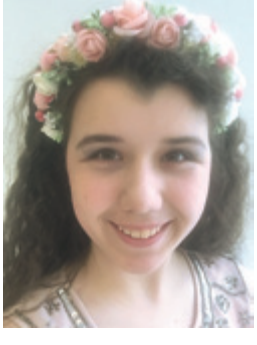
Родился в 1990 году в посёлке Большеречье Омской области. Стихотворения и проза публиковались в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Молодая гвардия», «Сибирские огни» и др. Автор книги стихов «Облачный парус», романов «Охота на зверя», «Синдром героя» и др. Лауреат ряда литературный премий.

КРЮК Екатерина Константиновна

В 2013 году окончила филологический факультет МГУ, в 2017 — аспирантуру.
Участница Всероссийского Слета молодых поэтов «Зеленый листок» (июль 2017), финального семинара XIV Литературного Форума им. Н. С. Гумилёва «Осиянное слово» (ноябрь 2017), Молодежного поэтического форума «Поэзия — рискованный полет» (июль 2018).
Живет в Москве.

ГОНЧАРОВ
Тихон Валентинович

Родился в 1984 года в г. Красный Луч Луганской области.
С 2008 года работает артистом Луганского академического симфонического оркестра.
Сотрудничает с рядом электронных изданий, участвовал в издании журнала «Русское слово» (г. Луганск). Женат, два сына и дочь.



БИКМУЛЛИНА Зарина

Родилась в Казани. В настоящее время является студенткой 2 курса МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор четырёх сборников поэзии и прозы, лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов.

ДЕМЕНЦОВА
Эмилия Викторовна

Родилась в Москве. Журналист, критик, креативный редактор, аспирант факультета искусств МГУ им М. В. Ломоносова. В 2005 году поступила в Национальный исследовательский университет Высшую школу экономики (НИУ ВШЭ) на факультет права. В 2010 году окончила университет с отличием. Стипендиат фонда «Оксфорд Россия» 2006–2010.

САФРОНОВА Яна Владимировна

Родилась в Смоленске. Учится на четвёртом курсе Московского государственного института культуры, специальность «Литературное творчество». Критические и публицистические статьи публиковались в журналах «Наш современник», «Нижний Новгород», «Бельские просторы», «Невский альманах» и др. Ведёт авторскую рубрику «Заглянуть в лицо» на сайте «Российский писатель». Лауреат премии им. А. Г. Кузьмина журнала «Наш современник», ежегодной премии сайта «Российский писатель». Член Союза писателей России. Живёт в городе Долгопрудном.

СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ

Время весны